ПРЯЛКА

ПРЯЛКА.

(KĄDZIEL).

Повѣсть Маріи Родзевичъ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО

Е. И. КИГНЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія В. В. Комарова, Невскій пр., 136.
1904.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Повѣсть извѣстной польской писательницы г-жи Родзевичъ „Прялка“ (собственно: Кудель, Kądziel) даетъ вѣрную картину быта современно польской помѣщичьей усадьбы средней руки. Эта усадьба и до сихъ поръ является центромъ польской жизни, какъ въ Россіи, такъ и за границею, въ Пруссіи и Австріи. Польская торговля въ рукахъ евреевъ, промышленностью завладѣли нѣмцы. Польская аристократія давно уже выродилась въ международное сословіе, порвавъ связи съ родною землей и народомъ. Польская культура живетъ въ усадьбѣ и ею держится,—объ усадьбѣ и бесѣдуетъ съ нами авторъ.

Оказывается, и поляковъ, вотъ уже сорокъ лѣтъ замкнувшихся въ своихъ помѣщичьихъ домахъ, въ послѣднее время тоже коснулись „идеи вѣка“, и въ тѣхъ же рѣзкихъ и крайнихъ формахъ, въ какихъ онѣ проявляются и у насъ, отворяющихъ предъ всякою новинкою всѣ двери настежъ. Г-жа Родзевичъ останавливается на одной изъ этихъ идей, на феминизмѣ. Къ чести поляковъ должно сказать, что у нихъ оказывается устойчивости больше, чѣмъ у насъ, ихъ семья прочнѣе, традиціи крѣпче, авторитеты ниспровергаются не такъ легкомысленно, а потому и новое вино дѣйствуетъ на старые мѣха не такъ разрушительно, какъ у насъ. Новыя идеи прокладываютъ себѣ путь, но постепенно, безъ особо болѣзненныхъ потрясеній, послѣ сознательной критики и при разумномъ противодѣйствіи крайностямъ. Такова участь героини „Прялки“, Стаси Озерской, польской „эмансипантки“, женевской студентки крайнихъ убѣжденій, которая кончаетъ разумнымъ примиреніемъ радикальныхъ ученій со скромнымъ служеніемъ первымъ потребностямъ народа,—идей полнѣйшей свободы женщины, идей „третьяго пола“,—съ бракомъ и домашнимъ очагомъ, съ „прялкою“.

Большой интересъ для русскаго читателя, совершенно незнакомаго съ польской жизнью, представляетъ бытовая сторона повѣсти. Въ безъискусственномъ, но живомъ и часто остро-

умномъ разсказѣ онъ знакомится съ жизнью польской усадьбы, съ усадебными домочадцами, съ главою усадебнаго мірка, пани Таидой, чисто польскимъ типомъ женщины съ энергіей мужчины и все-таки съ женскимъ сердцемъ. Предъ читателемъ проходятъ сыновья пани Таиды: Владя, чистый полякъ, slavus saltans, и Казя, такой же полякъ и славянинъ, но уже не жизнерадостный, а, тоже по-славянски, нервически-упрямый,— галлерея женскихъ типовъ, то безоглядно безпечныхъ и порхающихъ, то ханжей, то женственно простодушныхъ. Знакомясь съ этой жизнью и этими людьми, мы должны сознаться, что польская жизнь, которую мы привыкли считать какою-то окаменѣлостью конца XVIII вѣка,—въ концѣ концовъ упорядоченнѣе, чѣмъ наша: у нея есть устои, которые не такъ легко подмываются каждой новой волной, скатывающейся съ вершинъ прогресса. Эти устои: крѣпкая семья, которая держится толковой польской женщиной, религія и традиціи, съ которыми разстаются не такъ беззаботно, какъ это дѣлается у насъ.

Переводчикъ.

ПРЯЛКА.

(Kądziel).

Повѣсть Маріи Родзевичъ.

Переводъ съ польскаго Е. И. Кигнъ.

I.

Въ околоткѣ пани Таиду Старчевскую не любили, но не уважать ея и не признавать ея достоинствъ было нельзя. Это была женщина, которую испытанія и трудъ воспитали и научили жить. Испытанія и трудъ были ея неизмѣнными спутниками, закалили ее, сдѣлали немного суровой, даже измѣнили черты ея лица, ея голосъ, ея манеры. Къ слабостямъ человѣческимъ она относилась строго, честь и долгъ ставила выше всего, праздность считала преступленіемъ, трудъ—главнымъ двигателемъ жизни и ея цѣлью. Правду она высказывала рѣзко, прямо, безъ обиняковъ. Она не вѣрила въ слабое здоровье, въ „нервы“, въ „среду“, въ роковыя увлеченія и невольныя ошибки, въ наслѣдственность и въ дурное воспитаніе. Она различала людей не по сословіямъ, богатству, ни даже по полу. Въ ея глазахъ на свѣтѣ были или работники, или трутни. Работникъ имѣетъ право на кровъ, и домъ, и столъ. Трутню... но, какъ распорядиться съ трутнемъ. знаютъ пчелы.

Однажды ея родственникъ и крестный сынъ проигрался въ карты и пріѣхалъ съ просьбой помочь ему. Въ эту пору у пани Таиды уже серебрились волосы, но обстоятельства настолько поправились, что она могла бы и помочь. Крестникъ засталъ ее въ амбарѣ, гдѣ она отпускала купцу проданную пшеницу. Она сразу же сказала, что ей некогда, и занимать гостя она не намѣрена. Гость, робѣя и смущаясь, принужденъ былъ разсказать ей о своемъ дѣлѣ тутъ же въ амбарѣ.

Пани Таида выпрямилась:

— Ты говоришь: несчастіе? И это ты смѣешь называть не-

счастіемъ?!.. Несчастія—вещь святая; они посылаются Богомъ, это—тернія изъ вѣнца Спасителя. А твоему несчастію грошъ цѣна.

— Тетушка, я сознаю свою вину, я исправлюсь, я никогда въ жизни не возьму картъ въ руки. Но теперь помогите, выручите, и не столько меня, сколько мое милое Заполье. Сердце обливается кровью, когда подумаю, что съ нимъ будетъ.

— Не безпокойся, безъ тебя Заполье не пропадетъ, а еще, пожалуй, выиграетъ. Хорошо ты имъ распоряжаешься, нечего сказать, хорошо о немъ заботишься! Всѣхъ бы васъ, лѣнтяевъ, кутилъ, бездѣльниковъ, вонъ изъ имѣній. Безъ васъ эта бѣдная земля отдохнула бы и вздохнула свободнѣй. А вы—только паразиты ея. Ты явился ко мнѣ за помощью!.. Вотъ, что было бы тебѣ самой лучшей помощью!—Пани Таида швырнула крестнику клубочекъ бечевки.—На случай, еслибъ ты заблагоразсудилъ повѣситься,—прибавила она.

Крестникъ обидѣлся, уѣхалъ и больше не показывался.

Да и вообще, въ Рудѣ, имѣніи Старчевскихъ, гости бывали рѣдко, потому что тамъ не стѣснялись высказывать горькія истины, подобныя той, какую пришлось выслушать молодому картежнику. Пани Таида относилась къ этому равнодушно и говаривала:

— Пробовала я этого удовольствія смолоду, но на повѣрку вышло, что игра не стоитъ свѣчъ. Гость оторветъ отъ дѣла, потеряешь съ нимъ время,—и ради чего? Чтобы посплетничать, позлословить, поискать сучокъ въ чужомъ глазу. Только и всего. Да и о чемъ говорить? Гость уѣзжаетъ дальше: то, что вралъ вамъ, взваливаетъ на васъ, да еще прибавитъ,—ну, ссора съ сосѣдомъ и готова. Пріѣзжая прислуга сбиваетъ съ толку вашу прислугу, а то и совсѣмъ сманитъ отъ васъ. Нѣтъ, послѣ гостя никогда ничего хорошаго не остается, кромѣ сора въ комнатахъ и хлопотъ въ хозяйствѣ. Да, наконецъ, и времени нѣтъ для визитовъ.

Объ этихъ рѣчахъ знали, и рѣшили, что Старчевская—мизантропка и скряга. Подъѣздъ къ ея дому заросъ травой, и тѣмъ скорѣе, что и сама она никуда не выѣзжала. Всѣ ея выѣзды ограничивались костеломъ, по большимъ праздникамъ, да къ исповѣди, въ уѣздный городъ по дѣламъ, раза два въ годъ къ брату и къ сестрѣ, и только.

Читала пани Таида „Варшавскую Газету“ и вѣрила ей безусловно и въ политикѣ, и въ сельскомъ хозяйствѣ. Подписалась было на „Край“, но скоро оставила его.

— Желчь разливается отъ ихъ пессимизма. И какая отъ него

польза?! Кому не извѣстно, что на свѣтѣ тяжело, скверно, несносно. Но если объ этомъ твердить безъ передышки, такъ, вѣдь, всякая бодрость пропадетъ, руки опустятся. Два раза человѣкъ не живетъ и судьбы себѣ по собственному вкусу выбрать не можетъ. Какая выпала на долю, такъ и живи. Блаженствовать будемъ на томъ свѣтѣ, а на этомъ о райской жизни надо отложить попеченіе...

Ханжою пани Таида не была. Утромъ, передъ тѣмъ, какъ идти на гумно или въ поле, на зарѣ, она молилась. Молилась она вечеромъ передъ сномъ. По воскресеньямъ читала молитвы по старому материнскому молитвеннику. Изрѣдка, когда позволяло время, или когда на душѣ было тяжело, раскрывала на удачу посланія св. Павла и прочитывала страницу, другую.

Одѣвалась она всегда въ черное, просто, и никогда больше двухъ платьевъ за разъ у нея не было. Ѣла мало, спала шесть часовъ въ сутки. Съ утра до вечера—на ногахъ или въ простой таратайкѣ. Никогда никто въ то же время не слышалъ отъ нея: „мнѣ некогда“ или „подождите“. Природная ли способность или многолѣтній навыкъ, но у нея всегда и на все хватало времени.

Вся ея жизнь прошла въ Рудѣ, и вся ея дѣятельность и энергія сосредоточились въ тѣсныхъ рамкахъ сельскаго хозяйства. Будь она мужчиной, она была бы заправилой въ своемъ уѣздѣ, но въ качествѣ женщины она, къ сожалѣнію своему, не имѣла голоса ни въ судѣ, ни въ съѣздѣ, ни на разныхъ совѣщаніяхъ. Она должна была молчать, когда увеличивали налоги и платежи, когда ее заставляли отправлять ея рабочихъ за пятьдесятъ верстъ для исправленія дорогъ; даже въ обществѣ взаимнаго кредита, гдѣ она была членомъ, она имѣла голосъ, но безъ права пользоваться имъ. Словомъ, она несла всѣ тяжести помѣщика и не имѣла ни одного изъ его правъ.

Восемнадцати лѣтъ пани Таида вышла замужъ, а въ двадцать два было уже вдовой, съ двумя дѣтьми и множествомъ долговъ на рукахъ. Ее назначили опекуншей, и долгіе годы она состояла подъ строжайшимъ надзоромъ дворянской опеки. Смотрѣли за нею строго, слѣдили неусыпно, отчетовъ требовали самыхъ точныхъ и подробныхъ, во всѣ мелочи вмѣшивались. Но долги выплачивала она одна, убытки несла тоже она, горе горевала она же, и дѣтей она одна учила, и Руду одна она любила. А когда старшій сынъ, Владиміръ, уже совершеннолѣтнимъ молодымъ человѣкомъ, посѣтилъ предводителя, тотъ сказалъ ему:

— Ну, дружище, сберегли мы вамъ Руду въ лучшемъ видѣ. Теперь имѣніе хоть куда, останетесь довольны.

И предводитель былъ тоже доволенъ и даже растроганъ своей гражданской доблестью.

Въ своей трудовой жизни паны Таида была, однако, не совсѣмъ одинока. Съ нею жила ея сестра, старая дѣвица, панна Ядвига, тетя Дися, какъ ее называли дѣти. Когда сестра овдовѣла, тетя Дися пріѣхала къ ней на время и осталась навсегда. Это было существо смирное и кроткое, никому не мѣшавшее. Физически слабая, она была и дѣятельна, и трудолюбива. Много есть дѣвушекъ, осужденныхъ на безбрачіе и одиночество, но немногія во-время отказываются отъ мечтаній и умѣютъ найти другую цѣль, умѣютъ быть не смѣшными и быть относительно счастливыми. Тетя Дися не сдѣлалась смѣшною и никогда не чувствовала себя несчастной; она даже говорила, что предовольна своей судьбой. Сдѣлавшись помощницей сестры, она засѣла въ Руду и окончательно ушла отъ людей, какъ улитка въ раковину. У пани Таиды не было права голоса, а у тети Диси не было и самаго голоса. О пани Таидѣ судачили въ уѣздѣ, а о тетѣ Дисѣ и тутъ не знали, пожалуй, даже не подозрѣвали о ея существованіи.

Пани Таида завѣдывала всѣмъ хозяйствомъ имѣнія и всѣми его дѣлами. Она часто бывала не въ духѣ, ворчала, рѣзко выговаривала, понукала и подгоняла. Тетя Дися хлопотала по хозяйству женскому. Ея дѣло дѣлалось такъ тихо и незамѣтно, что можно было подумать, будто она ничего не дѣлаетъ. Такъ думала и пани Таида и помаленьку все прибавляла да прибавляла сестрѣ дѣла. Хозяйство расширялось, усложнялось, и въ концѣ концовъ якобы ничѣмъ незанятая Дися вела и кладовую, и кухню, и домъ, и садъ, и огородъ, и молочную, и еще что-то, и еще что-то. И со всѣмъ этимъ она справлялась такъ искусно, что все было сдѣлано сегодня, и ничего не откладывалось до завтра. Кромѣ того Дися изъ любви къ дѣлу и для собственнаго удовольствія лѣчила крестьянъ и мечтала, чтобы изъ четырехъ комнатъ флигеля двѣ занять подъ больничку. По воскресеньямъ она мечтала объ этомъ вслухъ.

— Двѣ чистенькія комнаты, кровати съ чистымъ бѣльемъ, аптечка, ванна. А то приходитъ больной, дашь ему лѣкарство, онъ вернется въ свою избу, поѣстъ чего-нибудь вреднаго или выйдетъ на холодъ, загрязнитъ рану,—и все лѣченье ни къ чему.

— Не нужно ли еще двухъ сестеръ милосердія и хорошаго доктора изъ Варшавы?—шутила пани Таида.

— Сестеръ милосердія?.. Конечно, это было бы недурно, но такъ какъ ихъ нѣтъ, то и безъ нихъ можно обойтись. Можно бы просто сидѣлку, а докторъ будетъ современемъ нашъ Владя.

Мечты тети Диси оказались не совсѣмъ тщетными и отчасти осуществились. Въ одинъ прекрасный годъ, когда пшеница уродила великолѣпно, а Владя блестяще окончилъ гимназію, пани Таида приказала очистить и отдѣлать двѣ комнаты во флигелѣ. Въ день ангела тети Диси Таида положила передъ нею ключъ отъ флигеля и сторублевую бумажку.

— Это на твою больничку,—сказала она Дисѣ.

— А я ѣду въ университетъ на медицинскій факультетъ,—сказалъ Владя.

Дися прослезилась отъ радости, несмотря на то, что больница прибавляла ей новыя заботы и хлопоты.

Дѣтей своихъ пани Таида вела спартански. Мальчики ходили босикомъ, ѣздили на лошадяхъ безъ сѣдла, до восьми лѣтъ почти не учились—и закалили свое здоровье. Позднѣе въ гимназію ихъ готовилъ учитель мѣстной народной школы, исторіей занималась съ ними мать, а закономъ Божіимъ тетка Дися. Поступивъ въ губернскую гимназію, дѣти жили у знакомаго адвоката, мать была за нихъ покойна и видѣлась съ ними только на вакаціи. Года черезъ два мальчиковъ помѣстили къ учителю, пани Таида ѣздила къ нимъ въ два мѣсяца разъ, а писала каждую недѣлю. Когда дѣти были еще дома, то у кровати каждаго подъ образкомъ висѣло по пучку березовыхъ вѣтокъ,—и не только для вида. При шаловливости мальчиковъ и вспыльчивости ихъ мамаши, первые довольно хорошо знали, какой вкусъ имѣетъ березовая каша. Пріѣхавъ домой на первыя каникулы, гимназисты, уже наряженные въ синіе мундирчики съ серебряными галунами, къ ужасу своему, нашли березовые пучки на прежнемъ мѣстѣ. Старшій и болѣе смѣлый, Владя, выбросилъ свой пучекъ за форточку. Казя, младшій, самолюбивый и сдержанный, только стиснулъ зубы. На другой день, когда мальчики показали матери свои отмѣтки и письмо учителя, у котораго жили, Озерскаго, молодымъ людямъ въ синихъ мундирахъ пришлось убѣдиться, что березовые пучки висѣли на стѣнѣ по прежнему не для одной только проформы: Владю къ этому убѣжденію привелъ скверный баллъ изъ ариѳметики, а Казю то обстоятельство, что онъ вмѣстѣ съ дочерью Озерскаго сдѣлалъ попытку эмигрировать въ Америку. До Гамбурга было предположено дойти пѣшкомъ, а тамъ сѣсть на корабль. Денегъ у эмигран-

товъ было достаточно, три рубля съ копѣйками. Бѣглецовъ, однако, задержали недалеко за городомъ.

Послѣ порядочной порціи березовой каши послѣдовало словесное объясненіе, впрочемъ, очень короткое, такъ какъ пани Ганда спѣшила въ поле.

— Помни, Владя: кто плохо знаетъ ариѳметику, тотъ не умѣетъ разсчитывать; а кто не умѣетъ считать, тотъ дѣлаетъ долги. А это ужъ совсѣмъ скверно: тратить чужія деньги стыдно. Понимаешь? И помни, что, быть можетъ, во всю твою жизнь у тебя не будетъ гроша, который ты могъ бы назвать вполнѣ своимъ: такъ много у человѣка обязанностей по отношенію къ другимъ. Вчера ты выбросилъ розги. Ты поторопился: сначала отбрось то, что въ тебѣ есть дурного. Розги же выброшу я, когда придетъ пора, и когда ты заслужишь лучшаго ментора, чѣмъ онѣ.

Мальчикъ сердито, но не безъ достоинства возразилъ:

— Въ гимназіи у насъ не сѣкутъ. Мы не преступники!

— Какъ такъ не сѣкутъ? А почему же у тебя на фуражкѣ вмѣсто кокарды двѣ розги?!

— Это не розги, это лавровыя вѣтви,—проворчалъ Владя.

— Лавры? Скажите, пожалуйста! Я тогда повѣрю, что это лавры, когда ты будешь хорошо учиться, а до тѣхъ поръ это будутъ розги.

Затѣмъ пани Ганда обратилась къ Казѣ, который стоялъ, молчалъ и снова думалъ объ эмиграціи въ Америку.

— А ты, эмигрантъ, бѣглый! Развѣ ты не знаешь, кто бѣгаетъ? Бѣгутъ воришки, мошенники, лѣнтяи... Говори, гдѣ ты досталъ эти три рубля? У товарища занялъ?

— Нѣтъ, я не занялъ.

— Такъ откуда же они у тебя?

Казя молчалъ. Мать знала, что, когда мальчикъ заупрямится, съ нимъ ничего не подѣлаешь, и она не настаивала. Заставить его разговориться могла иногда только тетя Дися. Тетку мальчики очень любили; она была повѣренною ихъ секретовъ, ихъ утѣшительницею въ горестяхъ, ихъ заступницею передъ матерью. Мать она смягчала, дѣтямъ внушала любовь и уваженіе къ матери, объясняя, что она неусыпно трудится ради нихъ, что всѣ ея надежды въ нихъ.

Время шло, мальчики учились хорошо, березовый пучекъ появлялся на сценѣ все рѣже и рѣже и, наконецъ, отошелъ въ область преданій. Характеры дѣтей выяснялись и начинали складываться. Владя на каникулы привозилъ съ собою книги, стихи, былъ словоохотливъ, веселъ и ласковъ, любилъ

пошалить и подурачиться. Казя любилъ хозяйство, охоту, верховую ѣзду, рыбную ловлю, но дома былъ сдержанъ и несообщителенъ, а при чужихъ неловокъ и застѣнчивъ.

Пани Таида объяснила дѣтямъ, на что они могутъ расчитывать въ будущемъ.

— Да и что за вздоръ—скрывать отъ нихъ,—говорила она.— Пусть каждый напередъ знаетъ, что у него есть, что его ждетъ, и не занимается догадками и мечтами. Руду дѣлить нельзя: если раздѣлить, то или въ одной части будетъ пахота безъ лѣса или въ другой лѣсъ безъ пахоты. Недѣленная, Руда хорошее имѣніе, а раздѣлъ ее испортитъ и обезцѣнитъ. Оба владѣльца будутъ недовольны, а винить станутъ меня же, мать. Если проживу, а лѣсъ благополучно подростетъ, то изъ лѣса я выплачу Владѣ его часть. Владя найдетъ себѣ другое дѣло а Казя сядетъ на землю. Но и Казю я не пущу сюда неучемъ и барчукомъ-шалопаемъ. Все идетъ впередъ; точно такъ же и хозяинъ долженъ знать много, пожалуй, больше всякаго другого. Теорію дастъ ему школа, а практикѣ ужъ я его доучу дома.

Это рѣшеніе было безапелляціонно. Подкрѣпленное должными коментаріями тети Диси, оно вошло въ законную силу. А такъ какъ въ Рудѣ посторонніе люди почти не бывали, то и некому было подстрекать мальчиковъ къ сопротивленію „бабамъ“, которыя ихъ водятъ за носъ.

Трудовой день въ Рудѣ начинался съ восходомъ солнца, и всѣ дни походили одинъ на другой, какъ зерна четокъ или двѣ капли воды. Лѣтомъ сестры, занятыя каждая своимъ дѣломъ, почти не встрѣчались, сходясь только за обѣдомъ и ужиномъ. Осенью же и зимою вечера проводили вмѣстѣ, въ комнатѣ пани Таиды. Тутъ толковали о работахъ, исполненныхъ и предстоящихъ, тетя Дися шила или вязала, Таида сводила счеты, дѣлала расчеты, а подъ конецъ вечера брала большую сѣрую книгу и заносила туда то, что ее интересовало или заботило. Это былъ ея дневникъ, исторія ея жизни. Эту книгу она собиралась оставить сыновьямъ на память о себѣ.

Когда привозили почту, пани Таида вслухъ читала газету или отвѣчала на письма, если таковыя получались. Письма получались однако рѣдко; кромѣ дѣтей, переписывалась она только съ братомъ, съ сестрой, да еще съ Озерской. Письма этой послѣдней всегда давали тему для разговоровъ съ тетей Дисей. У Озерскихъ было три дочери, и этому пани Таида завидовала.

— Счастливица Озерская, у нея дочки! Это—не сыновья,

которые растутъ не для матерей. Чуть сталъ на ноги, пошелъ въ школу, тамъ учится лѣтъ двѣнадцать; кончитъ учиться, забылъ мать ради первой встрѣчной, и хорошо, если эта встрѣчная что-нибудь порядочное. Жена ужъ совсѣмъ оторветъ его отъ стараго гнѣзда... Дочь,—это совсѣмъ другое, это мое второе я: я направлю ее такъ, какъ хочу, краснѣть за нее не придется, долговъ она не надѣлаетъ, всегда при мнѣ, другъ и помощница. Счастливица Озерская, она никогда не будетъ одинокою.

Такъ говорила пани Таида, но—въ каждомъ счастьѣ есть трещинка, черезъ которую незамѣтно просачивается несчастіе. Дочери Озерскихъ, не только не радовали ихъ, но были причиною постоянныхъ и тяжелыхъ огорченій. Старшая была несчастлива въ замужествѣ и жила гдѣ-то далеко, не смѣя жаловаться на свою долю, такъ какъ родители настойчиво отговаривали ее отъ этого брака. Другая дочь вышла за молодого и очень способнаго техника, но и этотъ получилъ такое назначеніе по службѣ, которое равнялось отдаленной ссылкѣ. Самая младшая, еще подростокъ, тоже не обѣщала ничего хорошаго. Своевольная, несдержанная, взбалмошная, при этомъ очень способная и крайне самолюбивая, она не признавала ничьей надъ собой власти, никакихъ авторитетовъ, и вѣчно ссорилась со своими близкими. Это ей пришла счастливая мысль бѣжать въ Америку. Когда она подросла, она съ жаромъ накинулась на ученье, потомъ на чтеніе. Чтеніе быстро сдѣлало ее радикалкой и революціонеркой, и она объявила войну уже не однимъ родителямъ, а всему свѣту. Письма Озерской были невеселы, иногда полны отчаянья; она жила въ постоянной тревогѣ за дочь, ожидая всего худшаго,—какого-нибудь новаго побѣга, какой-нибудь другой дикой выходки въ томъ же родѣ, вообще какого-нибудь скандала. Владя, когда пріѣзжалъ домой, могъ безъ конца разсказывать о томъ, что выкидывала „сумасшедшая Стася“.

Пани Таида знала дѣвушку по разсказамъ, а вскорѣ пришлось узнать ее и лично. Однажды на каникулахъ Озерская пріѣхала погостить въ Руду и привезла дочь, надѣясь, что деревня и общество пани Таиды хорошо повліяютъ на эту буйную головушку. Стася, противъ ожиданія, понравилась пани Таидѣ, или, по крайней мѣрѣ, показалась ей вовсе не такимъ чудищемъ, какимъ Стасю описывали. Она не была красива, но ея лицо было выразительно и умно, движенія живы, все окружающее ее интересовало.

— Оклеветали вы ее,—сказала пани Таида Озерской.—Ничего ужаснаго въ ней нѣтъ. Немного сорванецъ,—вотъ и все.

Озерская вздохнула.

— Погоди,—сказала она.—Она еще покажетъ себя.

На слѣдующее утро Стаси не оказалось дома. Она отправилась на охоту за утками, съ вечера сговорившись съ Казей и ни слова не сказавъ никому изъ старшихъ. Вернулись они только къ обѣду, по уши въ грязи. Шляпа Стаси была на затылкѣ, за плечомъ ружье, въ ягдташѣ двѣ утки. Она шла размашистой мужской походкой и посвистывала.

— Господи Іисусе!—ахнула мать.—На кого ты похожа?!

Владя сталъ подпѣвать свисту Стаси. Тетя Дися отъ изумленія забыла про вишни, которыя чистила. Пани Таида осмотрѣла дѣвушку съ ногъ до головы, встала и вызвала за собой Казю.

— Будетъ ему баня!—подмигнулъ на брата Владя.

— Душечка, это вы сами убили утокъ?—съ удивленіемъ спросила Стасю тетя Дися.

— Конечно, сама. Ухлопала и третью, но она завалилась въ такую каторжную топь, что я сама еле оттуда вылѣзла.

— Какъ же Казя пустилъ васъ въ болото?!

— Я его позволенія не спрашивала. Я не дама, чтобы за мной ухаживать.

— А что же вы такое?—улыбаясь, спросила тетя Дися.

— Я—человѣкъ!—отвѣтила Стася, бросила утокъ на крыльцо и добавила:—Сегодня я заслужила свой обѣдъ.

— И еще кое-что, кромѣ обѣда,—сказала вернувшаяся пани Таида,—а что именно, я объясню тебѣ потомъ.

— Ступай же переодѣться,—проговорила раздосадованная Озерская,—да кстати подумай, прилично ли ты себя держишь.

— Вѣчный вопросъ о томъ, что прилично и что неприлично,—уходя, сказала Стася.—А вопросъ рѣшается просто, если только пошевелить мозгами.

Озерская молча взглянула на пани Таиду. Та пожала плечами.

— Я бы ее проучила,—сказала она.—А что касается Кази, то онъ, ручаюсь, въ другой разъ не отправится на охоту.

Охотники на утокъ встрѣтились въ столовой.

— Ругали?

— Ругали.

— Я тебѣ сто разъ говорила и теперь повторяю, что слѣдуетъ съ ними со всѣми распрощаться и уйти уже по настоящему.

— Нѣтъ, я отъ матери не пойду.

— Глупо!

— Ты-то умна!

На этомъ разговоръ оборвался, потому что собесѣдники были такъ голодны, что и ссориться не было охоты.

Когда поѣли, Стася спросила:

— Завтра идемъ на утокъ?

— Покорнѣйше благодарю. Только свяжись съ бабьемъ,— и тебѣ достанется, какъ какому-нибудь мальчишкѣ.

— Вотъ какъ! Ладно же, я тебѣ это припомню въ городѣ послѣ каникулъ!—сказала Стася и ушла.

Пани Таида ее поджидала и тотчасъ же обратилась къ ней:

— Скажи мнѣ, пожалуйста, Стася, что ты изъ себя хочешь сдѣлать?

Дѣвушка была сердита. Она сѣла на ступеньки, подперла голову руками и проворчала:

— Если я вамъ скажу, вы все равно не поймете.

— Почему же мнѣ не понять?

— Потому, что вы человѣкъ иной эпохи. Вы продуктъ рабства и невѣжества, а я на рубежѣ просвѣщенія и свободы.

— Стася!—ахнула мать.

— Оставь ее. Оскорбить меня она не можетъ, а мнѣ очень интересно узнать о томъ, что за рубежомъ, на которомъ она находится? Итакъ, ты идешь къ свѣту и свободѣ. Это двѣ очень почтенныя вещи, вдобавокъ для меня и не новыя и вполнѣ понятныя. Ты ищешь знанія и затѣмъ труда. Прекрасно! Но ты-то знаешь ли, что такое знаніе и что такое трудъ?

— Знаю.

— Нѣтъ, не знаешь. Досаждать матери,—это не просвѣщеніе. Выпачкаться на охотѣ за утками,—это не трудъ, а повѣсничанье.

— Не я матери, а она мнѣ досаждаетъ. Нѣтъ такого закона, чтобы не ходить на утокъ. Это только глупый предразсудокъ, которому подчиняться я не намѣрена.

Старшія молчали, но Стася не унималась.

— Все это старье—анахронизмъ, который между тѣмъ, какъ ржавчина, разъѣдаетъ людей. Женщины должны, наконецъ, понять, какъ позорна эта вѣчная опека надъ ними, это ненавистное „неприлично“. Неприлично учиться, — отъ этого страдаетъ женственность. Неприлично одной идти по улицѣ. Неприлично выбрать себѣ дѣло по душѣ и оставить родителей. Неприличны короткіе волосы, отсутствіе корсета, платье не по модѣ. Неприлично не напиличать, курить, насвистывать изъ

оперетокъ. Неприлично быть человѣкомъ, имѣть свою волю, свою индивидуальность. Ну, а награда за соблюденіе всѣхъ этихъ безчисленныхъ приличій? Замужество? Да я назвала бы себя идіоткой, еслибы польстилась на такую награду и ради нея стѣснила бы свою свободу хоть бы однимъ „прилично“.

— Это все слова, а гдѣ же твои дѣла?—спокойно замѣтила пани Таида.

— Говорить не запрещается, а что касается дѣла, то тутъ каждый шагъ приходится завоевывать. Мнѣ семнадцать лѣтъ, и я кончила гимназію. Вашихъ сыновей заставляютъ учиться чуть не всѣ на свѣтѣ, мнѣ весь свѣтъ мѣшалъ идти въ гимназію, а неугодно ли поинтересоваться, кто кому объясняетъ математику, они мнѣ или я имъ?

— Дальше?—серьезно спросила пани Таида.

— Дальше сдамъ экзаменъ, получу аттестатъ и стану копить деньги на университетъ. Нѣжные родители будутъ оплакивать меня, словно погибшую, но я иначе не могу. Я ни отъ кого не видѣла и не вижу помощи, но я сама добьюсь своего. Весь міръ ратовалъ за крестьянъ, изнывшихъ въ рабствѣ; за негровъ пролили кровь лучшіе изъ людей. Женщины тѣ же рабы и негры, но о нихъ никто ни слова, развѣ только съ насмѣшкой и шуточкой. Вотъ мы, женщины, и ненавидимъ всѣхъ тѣхъ, кто держитъ насъ въ кабалѣ.

— Стася,—послышался тихій голосъ тети Диси,—на свѣтѣ и кромѣ эмансипаціи женщинъ очень много работы. Подвигъ не въ томъ, чтобы дѣлать непремѣнно какое-нибудь крупное дѣло, а въ томъ, чтобы исполнять свое назначеніе.

— Согласна, но назначеніе одного растить телятъ, а назначеніе другого быть техникомъ, астрономомъ...

— А знаешь ли, Стася,—прервала ее пани Таида,—что въ нашихъ мѣстахъ гораздо больше людей съ возвышеннымъ назначеніемъ, чѣмъ порядочныхъ телятъ. Мы—земледѣльцы, а земледѣлія не знаемъ. Мы—помѣщики, а земля уходитъ изъ нашихъ рукъ по причинѣ лѣни однихъ и возвышенной неумѣлости другихъ. Жидовъ земли лишилъ гнѣвъ Господень, а мы лишимся своей земли просто по глупости. Если ты, какъ говоришь, „человѣкъ“, то подумай не объ однѣхъ женщинахъ, а о всемъ своемъ народѣ. Онъ стоитъ того, чтобы не забывать о немъ ради твоихъ радикальныхъ идей, можетъ быть, и основательныхъ.

Стася молча блестящими глазами смотрѣла на говорившую. То, что она слышала, было для нея ново. Пани Таида продолжала:

— Мы должны жить въ мирѣ и согласіи, блюсти добрые нравы и обычаи, не жаловаться на личныя невзгоды, не растрачивать силъ на мелочи, уважать старшихъ, эту нашу единственную естественную власть, избѣгать розни, быть примѣромъ, а не соблазномъ. Ты завидуешь тѣмъ, кто ратовалъ за свободу крестьянъ и негровъ. Но есть и еще знамя, не менѣе почетное. Надо только быть „человѣкомъ“...

Пани Танда встала и, проходя мимо Стаси, погладила ея спутанные волосы и отправилась по хозяйству. Озерская и тетя Дися молчали и не мѣшали мыслямъ дѣвушки, которая просидѣла такъ довольно долго. Потомъ она пошла въ садъ, а изъ сада на полевую дорогу, по которой медленно и величаво двигались телѣги, нагруженныя снопами. Далеко вокругъ разстилались поля. Рожь была сжата и ее свозили на гумно. Спѣлый овесъ желтѣлъ на солнцѣ и, колеблемый вѣтромъ, ждалъ косы. Взрытый плугами паръ чернѣлъ. Вездѣ шевелились люди, а между ними то тутъ, то тамъ показывалась пани Танда на своей телѣжкѣ. Она, словно полководецъ, была вездѣ, все видѣла и все направляла.

Стася присѣла на пригоркѣ подъ крестомъ и долго всматривалась. Тутъ засталъ ее Казя, который шелъ съ выгона, гдѣ пасли скотъ.

— Что ты тутъ дѣлаешь?—удивленно спросилъ онъ.

— Что мнѣ тутъ дѣлать? Ничего, какъ видишь,—отвѣтила она сквозь зубы.

— Нѣтъ ли у тебя папироски?

— Нѣтъ. „Бабы“ не должны курить.

— Ахъ, полно! „Бабы“ у меня невольно сорвались съ языка. Что за церемоніи между пріятелями!

— Да, я тебѣ пріятель, когда я тебѣ нужна.

— Нѣтъ, не тогда только, когда нужна, потому что быть пріятелями мы поклялись. Покажи свою руку.

Говоря это, Казя засучилъ рукавъ, подъ которымъ на рукѣ было бѣлое пятно. Такое же пятно было и у Стаси. Еще во времена ихъ неудавшейся эмиграціи въ Америку они поклялись въ вѣчной дружбѣ, а чтобы скрѣпить эту клятву, они накапали себѣ на руки горячаго сургуча, причемъ старались не морщиться и тѣмъ показать другъ другу необычайную силу воли. Стася при этомъ воспоминаніи смягчилась и дала своему другу папиросу.

— Скажи, пожалуйста,—помолчавъ, началъ Казя,—отчего ты никогда не хочешь, чтобы я тебѣ помогъ? Отчего ты не позволила мнѣ достать изъ болота твоихъ утокъ?

— Мнѣ не нужно ничьей помощи. А ты, какъ смѣешь ты меня оскорблять?! Ты—измѣнникъ!

Казя вспыхнулъ.

— Я измѣнникъ?

— Да, измѣнникъ! Ты измѣнилъ нашей клятвѣ. Я для тебя не товарищъ, а „баба“. И ты теперь для меня не другъ, не пріятель, а просто мужчина.

— Да, я виноватъ. Но я былъ разстроенъ. Владя надо мной острилъ... Знаешь, завтра же пойдемъ на утокъ. Пусть себѣ мать дѣлаетъ, что хочетъ...

— Не нужно, не желаю. А сердить твою мать не слѣдуетъ. Я очень не жалую старичья, но твоя мать мнѣ почему-то нравится.

— А знаешь, почему нравится? Потому что она тоже не „баба“. Тебѣ бы слѣдовало почитать ея сѣрую книжку.

— А она упражняется въ сочиненіи книжекъ?

— Это ея дневникъ, вся ея жизнь изо дня въ день.

— Интересно бы взглянуть.

— Не дастъ. Прячетъ для насъ, послѣ своей смерти.

— А ты утащи.

— Попробую, но трудно.

— Трудно? Ну, конечно, все, что трудно, намъ не подъ силу!

Казя снова покраснѣлъ и сердито посмотрѣлъ на Стасю. Та засмѣялась и сказала:

— Отецъ пряталъ своего Дарвина еще хитрѣй, однако, когда ты попросилъ, я тебѣ его достала же. По моему, то и занимательно, что трудно.

— Мать свою книжку не прячетъ, она у нея на столѣ. Иконы въ костелѣ тоже не спрятаны, однако, ты ихъ не возьмешь. Кажется, понятно!

— Преспокойно взяла бы, еслибы онѣ были мнѣ на что нибудь нужны.

И, бросивъ папиросу, Стася, посвистывая, направилась къ дому.

На другой день Стася сказала пани Таидѣ:

— Мнѣ бы хотѣлось познакомиться съ вашей сѣрой книжкой.

Пани Таида спѣшила въ поле и не спросила, откуда извѣстно Стасѣ о сѣрой книжкѣ и почему ей захотѣлось прочесть ее.

— Зачѣмъ она тебѣ? Для тебя моя книга слишкомъ глупа, а можетъ быть, и слишкомъ умна. Во всякомъ случаѣ писана она не для тебя,—отвѣтила пани Таида, сѣла въ телѣжку и уѣхала.

Стася рѣшила все-таки добыть книжку. Взять ее было нельзя. Днемъ она лежала у всѣхъ на виду, а по вечерамъ пани Таида писала въ ней. Потомъ двери ея комнаты запирались, и пани Таида ложилась въ постель. Стася отложила исполненіе своего плана до воскресенья, когда всѣ уѣдутъ въ костелъ. Наканунѣ, въ субботу, Стася отправилась на прогулку и вернулась въ совершенно невозможномъ видѣ, грязная, красная и до того исцарапанная, точно она цѣлый день блуждала въ зарослях самыхъ колючихъ кустарниковъ. Взять ее въ такомъ видѣ въ костелъ было нельзя, а ей только того и надо было. Не успѣли отъѣхать отъ крыльца экипажи, какъ сѣрая книга была у нея въ рукахъ.

Когда богомольцы вернулись, Казя, догадывавшійся о хитромъ планѣ Стаси, спросилъ ее:

— Ну, что, читала? Батюшки, да ты, кажется, ревѣла! Глаза у тебя красны, какъ у кролика.

— Вздоръ! Я не умѣю ревѣть!—сердито отвѣтила Стася, но больше ничего не сказала.

Нѣсколько дней послѣ этого Стася была совсѣмъ приличною особой. Она не ссорилась съ матерью, не развивала своихъ радикальныхъ идей, даже умѣрила размашистость своихъ манеръ, которая такъ коробила тетю Дисю.

Когда Озерскія уѣзжали изъ Руды, пани Таида приласкала Стасю и поцѣловала ее въ голову, а дѣвушка склонилась къ ея рукѣ и тоже поцѣловала. Вечеромъ пани Таида писала въ своей сѣрой книжкѣ слѣдующее:

„Сегодня уѣхали Озерскія. Я была предубѣждена противъ дочери, да и теперь не сомнѣваюсь, что съ нею предстоитъ немало хлопотъ. Но виною тому не столько она, сколько ея воспитаніе. Ни свѣтской куклой, ни наивной дѣвицей она не будетъ, но она и не сдѣлаетъ ничего постыднаго. Съ ея гордостью, самолюбіемъ и волею съ пути не сбиваются. Прежде дѣвушки были чисты и невинны невѣдѣніемъ; теперь онѣ все знаютъ, все видятъ; наивныхъ больше нѣтъ. Можетъ быть, это и лучше; можетъ быть, ихъ знаніе и охранитъ ихъ отъ зла. Да сохранитъ ее и Господь. Стремленіе къ знанію и труду,—что въ этомъ худого и достойнаго порицанія?! Въ этомъ смыслѣ я говорила съ Озерской, но та—словно курица, которая вывела утятъ и не знаетъ, какъ приняться за нихъ“.

Спустя нѣкоторое время въ книжку были внесены такія строки:

„Сегодня получила письмо отъ Озерской. Новый ударъ: Стася оставила домъ. По возвращеніи изъ Руды стала требовать денегъ на университетъ и заграничнаго паспорта. Отецъ

отказалъ. Произошла тяжелая сцена, послѣ которой дѣвушка нѣсколько дней молчала и смотрѣла волкомъ. Затѣмъ она исчезла, оставивъ письмо, исполненное укоровъ, въ которомъ она пишетъ, что уходитъ навсегда. Плохо! Теперь въ самомъ дѣлѣ можно бояться, что дѣвочка пропадетъ. Печать тутъ виновата и пишущіе! Еслибы женщины вмѣсто того, чтобы разсуждать о женскомъ вопросѣ, взялись за тотъ трудъ, который у каждой подъ рукою, не было бы ни вопроса, ни сумасбродныхъ жертвъ его, подобныхъ Стасѣ. Ораторствовать объ эмансипаціи и университетскомъ образованіи, видно, легче, чѣмъ посѣдѣть въ тяжелой работѣ и состарѣться въ глуши,— ну, и бѣгутъ. Бѣдная дѣвочка! Дися дала обѣтъ каждый день молиться за нее. Услышитъ ли Господь ея молитву, сохранитъ ли бѣдняжку? Сегодня Казя уѣхалъ въ земледѣльческій институтъ въ Пулавы. Года черезъ три будетъ мнѣ помощникомъ. Ахъ, пора, пора мнѣ отдохнуть! Владя пишетъ, что могъ получить стипендію, но отказался: много есть гораздо бѣднѣе его. Молодецъ. Напишу ему и похвалю".

Дальше въ сѣрой книжкѣ о Стасѣ не упоминалось, и въ Рудѣ о ней не говорили.

II.

Въ Рудѣ и окрестностяхъ свирѣпствовалъ тифъ. Больничка тети Диси была переполнена, и сама Дися не знала отдыха ни днемъ, ни ночью. Наконецъ, она слегка—и больше не встала. Во всю свою жизнь она никому не причиняла хлопотъ, напротивъ, каждому готова была служить и помогать, чѣмъ могла, и такъ и кончилась эта жизнь. Дися лежала съ недѣлю, а на седьмой день скончалась тихо и незамѣтно: уснула и больше не проснулась.

Всѣ эти семь дней пани Таида не отходила отъ сестры, ухаживая за нею и молясь. Дися принимала лѣкарства безъ сопротивленія, но смерти не боялась; ее огорчало только то, что смерть отрываетъ ее отъ привычнаго дѣла.—„Пусть бы мѣсяцемъ, двумя позднѣе,— тогда и въ домѣ многое необходимое было бы сдѣлано; можетъ быть, и тифъ къ тому времени прекратился бы. Но не суждено, должно быть. Обними за меня мальчиковъ. Тамъ, въ моей шкатулкѣ есть кое-что для нихъ на память. За бѣдную Стасю я каждый день молилась предъ иконой Преображенія, а теперь это дѣлай ты. Мой молитвенникъ отдай Аннѣ, моей больничной сидѣлкѣ. Платье раздай бѣднякамъ. О душѣ моей, я знаю, ты не забудешь. Спасибо тебѣ за то, что ты для меня сдѣлала. Благодаря тебѣ,

мнѣ жилось легко. Жаль мнѣ оставлять тебя одною, но не наша на то воля. Пошли за ксендзомъ. Пора..."—И тети Диси не стало, этой скромной труженицы и работницы, честно исполнившей свой дневной урокъ и отошедшей на покой, когда ея солнце склонилось къ вечеру. Наслѣдство Диси было не велико: старомодная шкатулка съ безчисленными ящичками и зеркальцемъ, старый молитвенникъ, очки, запасъ лѣкарственныхъ травъ, связка ключей и синій рабочій фартукъ. Блѣдная, маленькая, худенькая, лежала она въ гробу и какъ будто улыбалась. Казалось страннымъ, что она лежитъ безъ дѣла и улыбается. Не было о ней некрологовъ, не говорили надъ ея могилой рѣчей; за чертою Руды очень немногіе узнали о ея смерти, какъ немногіе знали о ея существованіи. Но Руда и окрестныя деревни пролили много слезъ. Дворня и мужики днемъ и ночью толпились въ комнатѣ, гдѣ стояла покойница. Женщины причитали и показывали ее дѣтямъ.

Измученная, но мужественно переносившая свое горе, пани Таида видѣла эти слезы и повторяла про себя:

— Теперь я одна, совсѣмъ одна,—до моего конца.

Пріѣхали вызванные телеграммой сыновья и сестра. Племянники плакали, какъ дѣти. Наконецъ, заплакала и пани Таида.

Кладбище было въ двухъ верстахъ, дорога была песчаная. Пани Таида велѣла запречь лошадей, но крестьяне не отдали гроба.

— На рукахъ отнесемъ, — говорила толпа. — Благодѣтельница наша была. Еслибы не она, многихъ изъ насъ тутъ теперь не было бы живыми и здоровыми.

И тетя Дися отправилась на кладбище, сопровождаемая такою многочисленною свитою, какая не всегда окружаетъ и великихъ людей.

Когда вернулись домой, старшая сестра сказала пани Таидѣ:

— Одной тебѣ оставаться не слѣдуетъ. И тосковать будешь, и съ дѣломъ тебѣ не справиться. Пріищи какую-нибудь помощницу.

— Гдѣ же я найду другую Дисю?

— Диси, конечно, не найдешь. Но искать нужно. У меня есть подходящая, родственница моего мужа, Марциновская. Мать умерла, отецъ женится. Она старшая дочь и, кажется, хорошая дѣвушка. Умѣетъ шить, кое-что понимаетъ въ хозяйствѣ. Она вела женское хозяйство у своей родни, Русовскихъ.

— Это та барышня, которую я видѣлъ у васъ на прошлой Святой?—спросилъ Владя.

— Та самая. Что же, будетъ она, по твоему, годиться?

— Право, не знаю,—уклончиво проговорилъ Владя.

— Я и сама понимаю, что одной мнѣ будетъ трудно,—сказала пани Таида.—И ужъ если взять, то, конечно, лучше кого-нибудь извѣстнаго и не совсѣмъ чужого. Дай мнѣ ея адресъ,—я напишу.

— И писать не нужно. Я пришлю ее.

— Хорошо, но предупреди, что работы у меня много, а развлеченій никакихъ.

— Не бойся, она работящая. Она тебѣ понравится.

— Ну, и хорошо. Мнѣ бы только протянуть эти три года, пока Казя кончитъ ученье.

— Конечно. Казя кончитъ курсъ, мы его женимъ, а ты—на покой.

Казя исподлобья взглянулъ на тетку, но промолчалъ. Вообще, Казя помалкивалъ, въ особенности, когда дѣло касалось его собственной персоны.

Такимъ образомъ, приглашеніе въ помощницы къ пани Таидѣ панны Ванды Марциновской было рѣшено. Сестра съ мужемъ уѣхали, уѣхалъ и Владя. Казю мать задержала до пріѣзда панны Ванды.

Однажды Казя получилъ съ почты письмо съ французской маркой и парижскимъ штемпелемъ.

— Кто это пишетъ тебѣ изъ Парижа?—спросила мать.

— Это Стася Озерская,—отвѣтилъ Казя.

— Что?! Ты въ перепискѣ съ этой особой? Дай-ка сюда письмо.

Юноша покраснѣлъ, мгновеніе колебался, но все-таки отдалъ письмо.

Тѣмъ временемъ совладала съ собою и пани Таида.

— Если ты не хочешь,—сказала она,—то я читать не буду. Ты не мальчикъ. Если въ письмѣ что-нибудь дурное, тѣмъ меньше у меня охоты знать его.

— Въ письмахъ Стаси не можетъ быть ничего дурного,—съ внезапной горячностью сказалъ Казя.—Если же я не охотно даю ея письмо, такъ это потому, что я не желаю обмануть ея довѣрія, даже ради матери.

Пани Таида отдала письмо. Юноша положилъ его въ карманъ. Настало молчаніе. Пани Таида вспомнила тетю Дисю, ея молитвы за Стасю,—вздохнула и уже безъ неудовольствія обратилась къ сыну:

— Что же теперь со Стасей, гдѣ она? Скажи, и если это нужно, я не выдамъ вашихъ секретовъ.

— Она въ Парижѣ, слушаетъ медицину.

— Въ Парижѣ? Очень нужно! Увлечется кѣмъ-нибудь, выйдетъ, Богъ знаетъ за кого, замужъ. Глупо все это!

— Не думаю, чтобы увлеклась,—очень серьезно сказалъ Казя.—Скорѣй заработается сверхъ силъ, изголодается, ослабѣетъ. Хорошо, если не наживетъ чахотки.

— А ей трудно? Жалуется?

— Нѣтъ, не жалуется. Она никогда не пожалуется, но что ей не сладко приходится, это видно.

— Должна была знать, на что идетъ. Но съ какой стати вы переписываетесь? Надѣюсь, что ты не сочувствуешь Стасѣ.

— Она и не проситъ моего сочувствія. Да и настоящей переписки мы не ведемъ. Это всего ея третье письмо. А впрочемъ, еслибы и переписка? Мы старые знакомые и товарищи.

Пани Таида наклонилась надъ работой. Казя смотрѣлъ въ газету. Оба молчали. На дворѣ шумѣлъ сильный вѣтеръ, было холодно. Невольно думалось о голодныхъ, бѣднякахъ, безпріютныхъ.

— Не нужно ли ей денегъ? Вѣдь это ужасно, безъ куска хлѣба, безъ средствъ. Правда, сама этого хотѣла, подѣломъ ей, но тяжело это, тяжело... Прочти-ка, что она тамъ пишетъ.

Казя разорвалъ конвертъ и пробѣжалъ коротенькое письмо. Было всего нѣсколько строкъ, но Казя долго прочитывалъ ихъ. На его лицѣ отразилось удивленіе.

— Странно,—сказалъ онъ и подалъ письмо матери.

Вотъ, что писала Стася:

„Неужели тетя Дися умерла? Извѣсти меня сію же минуту. Вѣрно, умерла, потому что третьяго дня, въ субботу, я ее видѣла. Я сидѣла за книгой. Это было подъ утро. Маня Вольская, съ которой мы живемъ, думаетъ, не уснула ли я. Но она сама уже два часа похрапывала на диванѣ. Правда, я была очень утомлена, но я не дремала, а читала. Въ глазахъ у меня рябило, но тетю Дисю я увидѣла очень отчетливо, прямо передъ собой, по другую сторону моего стола. Я не замѣтила, какъ она явилась, я смотрѣла на нее, точно окаменѣвъ, но ничуть не испугалась. Тетя Дися обвела комнату глазами, какъ-будто ища чего-то, потомъ указала на мою голову, словно спрашивая, не болитъ ли? Я кивнула: да, болитъ. Тогда она подала мнѣ толстую тетрадь, съ надписью: „Цѣлебныя травы“, улыбнулась, кивнула головой и исчезла. Я бросилась къ Вольской, разбудила ее и разсказала о своемъ видѣніи. Вольская сначала разворчалась, потомъ подняла меня на смѣхъ, а на другой день всѣмъ разблаговѣстила объ этомъ случаѣ. Надо мной потѣшаются, но я увѣрена, что у васъ

случилось какое-то несчастье. Если я не обманываюсь, то, видно, тетя Дися не забывала меня. Напиши же немедленно".

Пани Таида посмотрѣла на сына.

— Очень странно,—сказала она.—Дися умерла именно въ субботу утромъ. Надо послать Стасѣ Дисину тетрадь...

Пани Таида принесла эту тетрадь. Заглавіе было то же, о которомъ писала Стася. На каждой страницѣ тетради было прикрѣплено засушенное растеніе, а подъ нимъ описаніе растенія, его свойствъ, а иногда и случаевъ удачнаго примѣненія травы въ Дисиной практикѣ. Весь остальной вечеръ Казя разсматривалъ тетрадь, а пани Таида о чемъ-то думала. Когда пришло время расходиться, пани Таида сказала сыну:

— Напиши же ей. Я дамъ тебѣ большой конвертъ для тетради, отошлемъ и ее.

У себя въ этотъ вечеръ пани Таида молилась дольше обыкновеннаго. За ея окномъ по прежнему шумѣлъ вѣтеръ, напоминая о безпріютныхъ, холодныхъ, голодныхъ и погибающихъ.

— Господи Іисусе,— шептала Таида предъ иконой Преображенія,—какъ Ты преобразился на горѣ Ѳаворѣ, такъ преобрази и ея горесть и печаль въ радость и успокоеніе.

Окончивъ молитву, пани Таида вынула изъ стола сторублевую бумажку, вложила ее въ тетрадь съ цѣлебными травами и приписала: „Стасѣ Озерской по завѣщанію тети Диси, которая просила молиться о ней".

Чрезъ нѣсколько дней въ Руду пріѣхала панна Ванда Марциновская, въ красной кофточкѣ, съ золоченымъ поясомъ, съ яркой шляпкой на головѣ и завитой чолкой на лбу. Все это ей шло, но, увы, не произвело хорошаго впечатлѣнія на пани Таиду. Оглядѣвъ пріѣхавшую панну съ ногъ до головы, пани Таида со свойственной ей безцеремонностью сказала:

— Къ вамъ никто изъ мужчинъ не приставалъ дорогой?

Панна покраснѣла.

— Нѣтъ,—отвѣтила она.

— Значитъ, прошло благополучно. А вы сдѣлали все, чтобы на васъ обращали вниманіе и чтобы натолкнуться на непріятность. Ну, идемте въ вашу комнату. Надѣюсь, что вы переодѣнетесь: у насъ въ домѣ трауръ.

Оставшись одна, панна Ванда разразилась внезапными слезами: вотъ она, служба въ чужомъ домѣ! Въ первую же минуту—выговоры и замѣчанія! Такъ застала ее старая горничная, которая принесла лампу. Старуха слышала въ Рудѣ

такой горькій плачъ только однажды, когда скончалась Дися. Въ тревогѣ она спросила Ванду:

— Неужели и вы кого-нибудь схоронили?

— Дѣйствительно, я сирота и теперь должна служить и работать на чужихъ людей,—проговорила, глотая слезы, Ванда.

— Не плачьте, барышня. Говорится: за сиротой Богъ съ калитой. Вы молоденькая, хорошенькая. Дастъ Богъ, счастья дождетесь, женишокъ найдется. Въ Рудѣ не худо. Я, вотъ, уже сорокъ лѣтъ живу и не жалуюсь. Работать нужно всѣмъ, и слугѣ, и барину. Объ этомъ нечего плакать.

— Ваша барыня ужъ слишкомъ строга.

— Строга, но зато справедлива. Напрасно не обидитъ. Требуетъ, чтобы другіе дѣло дѣлали, но и сама работаетъ. Иной разъ, правда, побранитъ, но на то она и хозяйка. Вотъ, покойница, та у насъ прямо святая была. За нее и молиться не нужно; и такъ Богъ ее прямо къ Себѣ взялъ.

— А бываютъ ли у васъ гости? — полюбопытствовала нѣсколько успокоившаяся Ванда.

— Гости не гости, а много народу бываетъ. За лѣкарствомъ ходятъ, по дѣламъ, за совѣтами. Множество бываетъ.

— Нѣтъ, я не о томъ,—бываютъ ли сосѣди?

— Эдакихъ гостей мало. Барыня наша этого, слава Богу не любитъ.

— Почему вы говорите, что слава Богу?

— Да потому что гости, извѣстно, гости. Пріѣдутъ, напьютъ, наѣдятъ, время съ ними теряется,—и уѣдутъ. Невѣстъ у насъ нѣтъ, жениховъ не ищемъ. Молодые господа жениться не собираются. Нѣтъ, у насъ тихо, спокойно, хорошо.

— А молодые господа дома?

— Они только лѣтомъ пріѣзжаютъ. Старшій читаетъ, играетъ, поетъ; младшій на охоту ходитъ. И оба не баловники, нельзя сказать.

— Кучеръ мнѣ говорилъ, что младшій дома.

— Онъ на время, чтобы мать не скучала. Завтра уѣзжаетъ.

Ванда вздохнула и вытерла глаза. Лицо ея повеселѣло. Она открыла дорожный мѣшокъ, вынула зеркало, пудру и начала пудриться.

Старуха впервые видѣла эту операцію и спросила:

— Это зачѣмъ же, барышня, вы муку на себя сыплете?

— Это не мука, а пудра. Дорогой былъ такой вѣтеръ, что я боюсь за свое лицо. Сегодня на ночь принесите мнѣ немного кислаго молока.

— На ночь? Кислаго молока? Богъ съ вами! Сегодня на ужинъ котлеты и яичница. У насъ всегда сыты будете.

— Мнѣ молоко не для ѣды, а для умыванія.

— Охъ, барышня, вотъ два кувшина самой чистой воды. Кто же молокомъ моется!

Старуха была поражена: все лицо засыпала мукой, молокомъ хочетъ мыться. Въ своемъ ли умѣ? Старуха поспѣшила уйти.

Ванда, еще разъ вздохнувъ, стала разбирать свой сундукъ. Сундукъ оказался неисчерпаемымъ кладеземъ платьевъ, кофточекъ, юбокъ, туфелекъ, перчатокъ, шарфиковъ. Все это быстро заполнило шкафъ, комодъ, повисло на стѣнахъ, разлеглось на столѣ и стульяхъ и даже попало на полъ. Не вѣрилось, чтобы столько вещей содержалось въ такомъ на видъ небольшомъ сундукѣ. Долго Ванда обдумывала, какъ ей одѣться, перебрала и примѣрила чуть не всѣ свои платья, и когда, наконецъ, одѣлась, была самая пора идти къ обѣду. Убрать свою комнату Ванда не успѣла. Она сгорала отъ нетерпѣнія увидѣть молодого Старчевскаго.

Казя оказался совсѣмъ нелюбезнымъ кавалеромъ и весь обѣдъ проговорилъ съ матерью о какихъ-то плугахъ, которые горячо хвалилъ, но которыхъ мать не одобряла. Ванда скучала, потомъ обидѣлась и снова почти готова была заплакать. Въ это время къ ней обратилась пани Таида:

— Вотъ что, моя милая. Завтра нужно будетъ разобрать свиныя туши и посолить окорока. Встаньте пораньше и займитесь этимъ. Вы умѣете солить ветчину?

— Нѣтъ, у насъ дома это дѣлали люди.

— Гм... я не такъ богата, чтобы во всемъ полагаться на людей. Моя ветчина идетъ въ Одессу, и я дорожу этой доходной статьей. Нечего дѣлать, дамъ вамъ рецептъ соленья, прочитайте его хорошенько... Чѣмъ же вы занимались дома? Сестра говорила, что хозяйничали. Что вы дѣлали у Русовскихъ?

— Дома я иногда помогала матери, а у Русовскихъ у меня были ключи отъ буфета, и я разливала чай.

— Это немного, самое большое два часа въ день. Впрочемъ, надѣюсь пріучить васъ къ остальному. Была бы охота и добрая воля.

Пани Таида вышла, а Казя спросилъ:

— Вы любите деревню и деревенское хозяйство?

— Трудно любить подчиненность,—не безъ рѣзкости отвѣтила Ванда.

— Въ такомъ случаѣ вамъ будетъ не легко. Дѣло безъ призванія—нѣчто вроди каторги.

— Я не слыхала о такомъ призваніи: солить ветчину, — иронически сказала Ванда.

— Да? Теперь мнѣ ясно, почему на свѣтѣ такъ много плохой ветчины,—засмѣялся Казя.

Ванда замѣтила свою рѣзкость и постаралась смягчить ее.

— Впрочемъ, мои взгляды не помѣшаютъ мнѣ добросовѣстно исполнять разъ принятую обязанность. Постараюсь, чтобы мною остались довольны.

— И прекрасно. Я очень прошу васъ относиться къ моей матери сердечно и доброжелательно. Она много трудится, одинока и нуждается въ участіи и добромъ расположеніи. Прошу васъ, будьте съ нею хороши.

При этихъ словахъ, произнесенныхъ задушевнымъ тономъ, Ванда просіяла. Предстоящій трудъ представился ей менѣе непріятнымъ. Она украдкой взглянула на Казю, и подъ ея завитой чолкой зароились самыя радужныя мечты. Казя сразу сдѣлался въ ея глазахъ интереснымъ, любезнымъ кавалеромъ и даже недурнымъ собою молодымъ человѣкомъ.

А на самомъ дѣлѣ Казя былъ восемнадцатилѣтнимъ малымъ, и некрасивымъ, и достаточно неуклюжимъ, худымъ, съ крупными чертами лица и волосами, напоминавшими жесткую щетку. Онъ еще не кончилъ расти и выросталъ изъ платья, которое всегда имѣло видъ чужого и не способствовало красотѣ и граціи его фигуры. Казя зналъ только общество товарищей, а съ женщинами онъ терялся и никакъ не могъ придумать, о чемъ бы ему говорить.

— Кажется, вы завтра уѣзжаете?—спросила Ванда.

— Уѣзжаю. Нужно.

— А на Рождество пріѣдете?

— Едва ли. Скорѣй, что нѣтъ. Мать не любитъ, чтобы мы теряли время, да и не стоитъ на такое короткое время. Кромѣ того, кто-то отравилъ моихъ гончихъ, и мнѣ даже поохотиться нельзя.

„Глупъ и невѣжливъ. Пусть убирается!“—подумала Ванда, не имѣя ни малѣйшаго желанія продолжать разговоръ.

Въ Рудѣ день начинался съ восходомъ и оканчивался съ закатомъ солнца. Тотчасъ же послѣ ужина пани Таида дала своей новой помощницѣ книжку, заложенную на рецептѣ соленія ветчины и отправила ее спать. На разсвѣтѣ слѣдующаго дня уѣхалъ Казя. Пани Таида обошла гумна и скотный дворъ и вернулась въ домъ.

— Гдѣ же панна Ванда?—спросила она встрѣтившуюся Анну.

— Спитъ, съ бока на бокъ не повернется.

Пани Таида отворила дверь въ комнату панны и остановилась въ изумленіи. Комната, бывшая тети Диси, прежде необыкновенно чистая и всегда прибранная, теперь представляла собою хаосъ, состоявшій изъ принадлежностей туалета. Этотъ хаосъ былъ даже на кровати, а подъ нимъ почивала панна. Скрипъ двери разбудилъ ее.

— Уже восемь часовъ,—строго сказала пани Таида.—Однако, хорошій у васъ тутъ порядокъ!

— Ахъ, извините, пожалуйста. Вчера я была ужасно утомлена.

— Можетъ быть. Но это не должно мѣшать дѣлать то, что сдѣлать нужно. Уберите поскорѣй, пока никто не видалъ. Вѣдь это срамъ!

Какъ только ушла пани Таида, Ванда прежде всего взялась за зеркало. Къ немалому огорченію она убѣдилась, что ея недурненькое лицо отъ вчерашняго вѣтра въ самомъ дѣлѣ стало краснымъ. Однако, долго заниматься этимъ было некогда. Хозяйка была недовольна, и сердить ее еще больше не слѣдовало. Ванда умылась, не выбирая платья, — выбирать было некогда, да и не для кого,—надѣла первое попавшееся подъ руку, вчерашнее, кое-какъ расчесала свою чолку и, спѣша, стала убирать комнату. Дѣлалось это очень просто: платья и юбки брались охапками и швырялись въ шкафъ, въ комодъ и, наконецъ, обратно въ сундукъ. Когда это было готово, Ванда явилась въ столовую.

— Пейте чай и пойдемъ по хозяйству. Я вамъ все покажу, а завтра передамъ эти ключи.

При этомъ пани Таида показала связку ключей, которыя прежде носила тетя Дися.

— Ежели чего не знаете, прямо говорите, что не знаете. Чего не поймете, спросите еще разъ; я объясню.

— Я буду стараться,—обѣщала Ванда.

Пани Таида повела ее по кладовымъ и погребамъ, на скотный дворъ и въ птичникъ, въ кухню и въ молочную. Показала ей телятъ и объяснила, какъ и когда и чѣмъ ихъ нужно кормить. Въ каждомъ мѣстѣ Вандѣ передавался соотвѣтственный ключъ изъ связки.

Вандѣ становилось страшно такого множества предстоящихъ заботъ и обязанностей, но она не подавала вида, утѣшая себя тѣмъ, что есть же тутъ и прислуга, и люди, которые ее выручатъ и не заставятъ все дѣлать непремѣнно самой. Съ пани Таидой она, однако, не подѣлилась этими утѣ-

шительными соображеніями, и обѣ вернулись въ домъ въ наилучшихъ отношеніяхъ.

Въ первые дни дѣло у панны Ванды шло не блестяще: то забудетъ, то перепутаетъ, то опоздаетъ, но черезъ недѣльку дѣло какъ будто стало налаживаться, и пани Таида вздохнула свободнѣе.

„Можетъ быть, и будетъ толкъ“,—думала она и занялась другими дѣлами по имѣнію, которыя въ послѣднее время были немного запущены, такъ какъ она не въ состояніи была справиться со всѣмъ одна.

Панна Ванда была очень занята и дѣятельна. Съ утра до вечера она хлопотала и—удивительная вещь!—никакихъ столкновеній съ людьми, никакихъ жалобъ ни на нее, ни отъ нея. Обществомъ Ванды пани Таида пользовалась очень мало и даже рѣдко встрѣчалась съ нею.

„Работаетъ,—думала она,—ну, и пусть работаетъ; это-то и нужно“.

По вечерамъ Ванда бывала утомлена, глаза у нея слипались, и она рано уходила къ себѣ. Уходила и пани Таида, читала, писала, молилась. Огни погасали, и всѣ ложились въ постель. Всѣ ложились, но не всѣ засыпали. Сонъ бѣжалъ отъ глазъ панны Ванды. Она чутко прислушивалась, и, какъ только щелкнетъ замокъ въ комнатѣ хозяйки, Ванда вставала, выходила въ переднюю, гдѣ давно уже спала старая Анна, неслышно пробиралась на крыльцо, а оттуда во флигель, гдѣ жилъ приказчикъ и двѣ его дочери. У приказчика уже сидѣли конторщикъ и лѣсникъ. Открывался вечеръ. Играли на гитарѣ, пѣли чувствительные романсы, острили, не всегда удачно и прилично, но всегда очень весело. За Вандой усиленно ухаживали. Она не могла жить безъ музыки, романсовъ, остроумной бесѣды и мужского общества. Веселились до полуночи, а иногда и за полночь. На разсвѣтѣ надо было вставать и идти по хозяйству. Нѣкоторое время Ванда крѣпилась и, охая и вздыхая, проклиная свою горькую долю, кое-какъ исполняла свои обязанности. Потомъ дѣло устроилось проще и легче. Ключъ отъ кладовой съ вечера вручался повару; другой ключъ, отъ погреба,—приказчиковой женѣ; третій ключъ, замыкавшій запасы, предназначенные для птицы, свиней и телятъ, поступалъ въ распоряженіе ключницы. Поваръ, ключница и приказчица были очень довольны такимъ довѣріемъ и, конечно, не выдавали панну Ванду. Когда пани Таида возвращалась съ гумна или съ поля къ утреннему чаю, Ванда была уже въ столовой и хлопотала у чайнаго стола. Все шло

благополучно, и Ванда испытывала непріятныя минуты только во время ежемѣсячной повѣрки запасовъ провизіи и еженедѣльной--молочныхъ скоповъ. Провизіи выходило что-то слишкомъ много, молока и масла собиралось до странности мало.

— Какъ, два пуда сахару и три фунта чая? Невозможно! Три пуда крупичатой муки? На что, куда? Такъ нельзя расходовать. Сами ли вы выдаете?

-- Конечно, сама. Каждый день поваръ дѣлаетъ мнѣ сцену.

— А отчего молока убавилось на цѣлыхъ тридцать гарнцевъ? Разъ въ недѣлю вы должны быть при доеніи.

-- Я бываю два раза въ недѣлю! Молока мало оттого, что коровы, должно быть, плохо ѣдятъ...

— Не коровы плохо ѣдятъ, а за коровами плохо смотрятъ и за дойльщицами тоже.

Пани Таида вздыхала и закрывала книги. Дѣло шло плохо, но за всѣмъ усмотрѣть она не могла. Ванда послѣ этихъ ревизій непремѣнно плакала и жаловалась приказчицѣ на придирчивость хозяйки. Приказчица слушала съ участіемъ и соглашалась.

Больничка тети Диси была закрыта. Послѣ тифа помѣщеніе дезинфецировали и заперли. Панна Ванда не имѣла ни времени, ни желанія, ни понятія о томъ, какъ ухаживаютъ за больными. Раны возбуждали въ ней отвращеніе; при видѣ крови она падала въ обморокъ; зараза, горячка, сыпи и прыщи были предметомъ ея ужаса. Обѣ больничныя комнатки, безукоризненно чистыя и уютныя при тетѣ Дисѣ, теперь стояли въ пыли и паутинѣ, въ нихъ пахло затхлымъ и сыростью, и о нихъ никто бы и не вспомнилъ, еслибы не старая сидѣлка, правая рука тети Диси, которая однажды пришла къ пани Таидѣ и съ волненіемъ сказала:

— Барыня, что же это такое? Приказчица требуетъ ключъ отъ больницы и хочетъ поставить туда кадушки со своей капустой. Я не дамъ. Покойница моя въ гробу повернется.

— Кто же приказчицѣ это позволилъ?

— Панна Ванда позволила.

Пани Таида допросила Ванду и приказчицу. Конечно, тѣ отперлись, но старая сидѣлка все-таки отстояла больничку. Она же разсказывала и божилась въ томъ, что каждую ночь въ больничкѣ появляется тетя Дися. Послѣ этого на больницу ужъ никто не дѣлалъ покушеній, а Ванда не рѣшалась возвращаться съ приказчиковыхъ вечеровъ одна, и ее долженъ былъ провожать конторщикъ.

Такъ прошла зима, пришла святая, и настала весна съ ея

хозяйственными заботами и хлопотами. Пани Таида въ домѣ была гостьей; домъ и все домашнее хозяйство она передала цѣликомъ паннѣ Вандѣ и мало вникала въ мелочи и подробности. Ванда была подавлена своими новыми обязанностями, которыя прибавились къ прежнимъ. Тутъ были и садъ, и огородъ, и парники; куры вывели цыплятъ, утки утятъ, свиньи поросились, и такъ далѣе, и тому подобное. Эта было сверхъ силъ человѣческихъ, и Ванда не столько хозяйничала, сколько полагалась на волю Божью. А тутъ еще весна, ароматы черемухи и сирени. Запахи опьяняли, весна сладостно томила, панна испытывала безпредметную грусть и иногда плакала. Ея работа представлялась ей утомительно однообразной и пошлой, жизнь—мученіемъ. Однако, она очень остерегалась загара и усердно шила себѣ свѣтленькіе лѣтніе костюмы, на которые уходили всѣ ея деньги, къ смущенію старой Анны.

— Чулокъ всего три пары, рубашонокъ четыре, а платье уже восьмое шьете!—ворчала старуха.

— Тебѣ платьевъ, разумѣется, не нужно,—подсмѣивалась Ванда.—На тебя хлопцы давно уже не засматриваются.

— Хлопцы не на платье смотрятъ. А который смотритъ, тотъ самъ никуда не годится.

На это Ванда сердилась, но продолжала шить не рубашки, а платья.

Въ маѣ пріѣхалъ Владя, а недѣли черезъ двѣ и Казя. Этотъ послѣдній на другой же день сказалъ брату:

— Ты что-то слишкомъ за нашей панной пріударяешь. Смотри, мать замѣтитъ, достанется тебѣ на орѣхи!

— Отчего же и не пріударить, когда это можно? Приволокнись и ты. Я ревновать не буду.

— Покорнѣйше благодарю. Не хочу мѣшать вашему счастью.

— Что такъ? Или ты до сихъ поръ влюбленъ въ Озерскую?

— Я ни въ кого не влюбленъ. Я влюбленъ въ охоту, а твое бабье я презираю.

— Ну, а я это самое бабье очень одобряю.

Казя заряжалъ ружье и хитро посмѣивался.

— Скажи, пожалуйста,—заговорилъ онъ,—это ты съ Вандой вчера вечеромъ у пруда блаженствовали на тайномъ свиданіи? Всѣхъ утокъ у меня спугнули,—такъ цѣловались! Первый разъ слышалъ такіе поцѣлуи: словно кнутомъ щелкали, отголоски шли! Утки въ ужасѣ разлетѣлись, а я пришелъ домой съ пустой сумкой.

— Не ври. Во-первыхъ, вчера вечеромъ я ея въ глаза не

видалъ; а во-вторыхъ, у насъ, вообще, до поцѣлуевъ еще не дошло.

— Значитъ, дошло съ кѣмъ-то другимъ,—равнодушно сказалъ Казя и свистнулъ свою лягавую собаку.

Владя неожиданно вспылилъ.

— Какъ тебѣ не стыдно клеветать на дѣвушку!

— Самъ же ты говоришь, что за ней приволокнуться „можно“. и меня къ тому же приглашаешь. Тебѣ можно, мнѣ можно; значитъ, и третьему, и четвертому можно. Ты на нее клевещешь, а я о ней думаю столько же, сколько о пустомъ патронѣ.

— Изъ котораго ты стрѣлялъ, да въ цѣль не попалъ. То-то: зеленъ виноградъ...

— Глупо!—сказалъ Казя и ушелъ.

Казя говорилъ правду: женщинами онъ не интересовался, и Владя могъ не опасаться его соперничества. Когда Казя не охотился, то читалъ или былъ въ поляхъ и съ увлеченіемъ любителя и формирующагося знатока распоряжался работами. Часто онъ брался за плугъ и проводилъ нѣсколько бороздъ, съ наслажденіемъ вдыхая запахъ свѣжей, разрытой земли. По вечерамъ онъ уходилъ въ дальніе луга и, подкарауливая утокъ, часами простаивалъ на одномъ мѣстѣ, то думая о чемъ-то, то хмурясь, то усмѣхаясь. О хозяйствѣ онъ могъ говорить съ матерью съ увлеченіемъ и подолгу, но въ обществѣ былъ плохимъ собесѣдникомъ.

Ванда усердно завивала чолку, каждый день надѣвала другое платье и очень часто порхала вокругъ флигеля, гдѣ помѣщались молодые люди. Она казалась очень занятой, очень дѣятельной и была всюду и нигдѣ.

Владя побаивался насмѣшекъ брата, но не умѣлъ молчать и часто начиналъ разговоръ на извѣстную тему.

— Замѣтилъ ты,—вдругъ начиналъ онъ,—какіе у этой шельмы зубы? И смѣется она забористо... Скажи, пожалуйста, вы съ матерью завтра собираетесь въ Поремобы?

— Я-то собираюсь, но зато конторщикъ, сколько я знаю, никуда не собирается.

— Причемъ тутъ какой-то конторщикъ? Ни къ селу, ни къ городу!.. Вотъ, что. Завтра мы съ Вандой дѣлаемъ прогулку въ лодкѣ, такъ ты задержи мать подольше. Никогда я не проводилъ такъ весело каникулъ, какъ теперь!

— Когда же ваша свадьба?

— Свадьба? Ну, ужъ это дудки!

— Отчего же дудки? Если женишься, за одной будешь ухаживать, а такъ—за всѣми. Трудно, я думаю.

— Я этихъ трудностей не боюсь. Напротивъ, тѣмъ занимательнѣй.

На слѣдующее утро пани Таида и Казя уѣхали въ Порембы на весь день, Ванда приготовила имъ корзинку съ провизіей. Владя усердно ей помогалъ, а отъ поѣзки отказался.

— Я потому не ѣду,—говорилъ онъ,—что у меня моя диссертація не идетъ изъ головы. Надо ее подвигать. Каникулы коротки, времени мало.

— Да, диссертаціи не забывай, другъ мой. Диссертація важная вещь.

Диссертація дѣйствительно была вещь очень важная и неизмѣнно выручала Владю.

Дорогой пани Таида заговорила съ Казей:

— Когда Владя сдастъ докторскій экзаменъ, надо будетъ дать ему нѣсколько тысячъ на обзаведеніе, да и тебѣ придется дать тысячу, когда ты отправишься на практическія занятія. Спѣшите, дѣти, стать на ноги, потому что мнѣ серьезно пора на покой! Тяну, тяну эту лямку, наконецъ, не подъ силу становится.

— Я бы хотѣлъ еще года три поучиться, чтобъ больше знать. Чѣмъ больше учишься, тѣмъ яснѣе видишь, что знаешь мало.

— Учись, я не мѣшаю, но только не потеряй охоты: хозяйство—ремесло не легкое и не сладкое.

— Спасибо вамъ, мама. Я это ремесло люблю и не разлюблю.

Матери хотѣлось приласкать сына, но она только сказала:

— Учись, сколько нужно, но потомъ женись, а меня уволь на покой.

— А меня, мама, увольте отъ женитьбы. Я не женюсь, потому что такой женщины, какъ вы, я не найду, а на иной жениться не желаю.

— Ты, мальчуганъ, мнѣ не льсти, а другихъ не порочь. Есть работящія женщины. Вотъ, хоть бы наша Ванда,—работаетъ, на человѣка стала похожа. А помнишь, что это было, когда она къ намъ явилась!?

Казя молчалъ. Нѣсколько времени спустя, пани Таида какъ бы вскользь спросила его, переписывается ли онъ съ Озерской?

— Мало. Она переѣхала въ Женеву и помирилась съ родителями.

— Въ самомъ дѣлѣ? Мать мнѣ ничего объ этомъ не пишетъ.

— Можетъ быть, совѣстно вспомнить, какъ они ее чернили. Теперь видятъ, что Стася держится молодцомъ, и краснѣть за нее не придется.

— Что же она? Все еще въ университетѣ?

— Ей остается еще два года. И не нуждается. Отецъ по секрету отъ матери, а мать потихоньку отъ отца посылаютъ ей деньги.

— Бѣдовая, во всякомъ случаѣ. А тетрадь получила?

— Да, и писала, что сама поблагодаритъ васъ.

— Можетъ и не благодарить. А случай съ тетрадью все-таки удивительный.

Оба вздохнули при воспоминаніи о тетѣ Дисѣ и замолчали.

Весь день они пробыли въ Порембахъ, а къ вечеру вернулись домой. Въ домѣ никого не было. Лакей доложилъ, что у панны Ванды болятъ зубы, а молодой баринъ пишетъ диссертацію и ужинать не будетъ. Пани Таиду ждало много людей по дѣламъ, она ушла съ ними въ контору и забыла и про Ванду, и про сына. Послѣ ужина собрались посмотрѣть на сонъ грядущій газеты, когда вошелъ лакей и сказалъ какимъ-то особеннымъ, многозначительнымъ тономъ, что пришелъ конторщикъ. Пани Таида снова отправилась въ контору, тутъ же рядомъ, а Казя съ любопытствомъ началъ прислушиваться къ тому, о чемъ говорили за стѣной: онъ что-то предчувствовалъ.

Конторщикъ былъ ражій дѣтина, молодой и красивый шляхтичъ изъ Полѣсья. Пани Таида взглянула на него и встревожилась: глаза у него горѣли, губы дрожали, лицо было красно.

— Что съ вами, Васковскій? Что вамъ нужно?

— Я, сударыня, по своему личному дѣлу. Я виноватъ. Какъ угодно, такъ и судите. Прогоните, прогоните безъ всякаго аттестата. Я виноватъ, но я не помнилъ самого себя. Это такой обманъ, такая низость!...

— Ничего не понимаю. Что случилось?

Васковскій словно опомнился.

— Молодой баринъ ничего вамъ не говорилъ?

— И опять же я ничего не понимаю.

— Прошу прощенія, сударыня. Но я имѣлъ права на Ванду. Мы любили другъ друга вотъ уже полгода, но пріѣхалъ молодой баринъ, и все забыто!.. Ну, пусть бы такъ и сказала, что я больше не нуженъ; я бы это перенесъ. Но она вмѣсто того лгала, хитрила, обоихъ насъ дѣлала дураками. И, вѣдь, какъ ловко, не поймаешь, вывернется!

Пани Таида слушала и не вѣрила ушамъ своимъ.

— Она хитра, а я еще хитрѣй. Баринъ велѣлъ нашему рыбаку отвезти его сегодня на пасѣку,—это я у рыбака допытался. На зарѣ я былъ на пасѣкѣ, пасѣчника отослалъ на деревню и залегъ въ его шалашъ, а дома я сказалъ, что иду въ мѣстечко за табакомъ... Пріѣхали оба. Расположились подъ липами въ трехъ шагахъ отъ шалаша. Я все видѣлъ, все слышалъ. И все, что я думалъ, я ей сказалъ. Она, конечно, молчитъ, но молодой баринъ сталъ за нее заступаться и хотѣлъ меня ударить. Я его эдакъ немного отъ себя оттолкнулъ, на нее плюнулъ и ушелъ. Теперь я вижу, что не стоило сумасшествовать, потому что она, извините, паскудство, но по той же самой причинѣ барину не слѣдовало ее защищать... Говорю вамъ истинную правду, сударыня. Прикажите принять отъ меня ключи и книги.

Пани Таида все еще не могла опомниться. Потомъ она строго взглянула на конторщика и тономъ приказанія сказала:

— Ключи и книги остаются у васъ. А вы извольте молчать. Никому ни слова! Понимаете? Иначе сію минуту получите расчетъ и не получите никакого аттестата. И—кончено!

Она повернулась и вышла. Кази въ комнатѣ и слѣдъ простылъ. Пани Таида, руки которой слегка дрожали, развернула расходную книгу, потомъ вынула изъ кассы деньги и направилась въ комнату Ванды.

— Вотъ вамъ деньги за годъ. Лошади будутъ къ раннему поѣзду. Собирайте ваши вещи. Для такихъ, какъ вы, у меня нѣтъ мѣста.

— Это за что же?.. Я... я, кажется, ничего у васъ не украла,—начала было Ванда.

— Вы украли, или обманули, что все равно, мое довѣріе. Затѣмъ вы украли свою женскую порядочность.

— Моя порядочность принадлежитъ мнѣ, и отчета въ ней я никому не обязана давать,—уже смѣлѣй отвѣтила Ванда.

— Ошибаетесь. Кромѣ суда Божія, есть еще судъ людской. Какъ мужчины отвѣчаютъ за свою честь, такъ отвѣчаютъ женщины за свою.

— Чѣмъ же я виновата, что въ меня влюбились двое?!

— Виноваты, потому что, еслибы вы держались одного, то другой не посмѣлъ бы васъ трогать. Легкомысліе не только грѣхъ, но и стыдъ. Такія, какъ вы, срамятъ всѣхъ женщинъ; за неуваженіе къ женщинамъ отвѣтственны подобныя вамъ.

— Нѣтъ, я не виновата. И что я скажу дома?!

— Если вы находите, что вы правы, то разскажите дома все такъ, какъ оно было. Если же вы усомнитесь въ своей

правотѣ, тогда придется, пожалуй, помолчать. Я выдавать васъ не намѣрена. Но совѣтую одуматься: такія шутки до добра не доводятъ... Гдѣ ключи и счета?

Ванда сдѣлала видъ, что ищетъ ключи, но не находила ихъ по той простой причинѣ, что они были у повара. А неумолимая пани Таида стояла и ждала.

Въ это время вошла Анна.

— Помоги панночкѣ Вандѣ найти ключи.

— Что ихъ тутъ искать, когда они у повара!—проворчала старуха.

— Какъ такъ у повара?!

— Да ужъ такъ. Паненка каждый вечеръ отдаетъ ихъ повару.

— Ступай къ повару и принеси ключи мнѣ. Панна Ванда уѣзжаетъ. Ты поможешь ей уложиться.

Пани Таида вышла. Но дѣло еще не было кончено. Она направилась къ сыну во флигель. Владя, надо думать, былъ уже предупрежденъ и, когда вошла мать, сидѣлъ за столомъ и былъ углубленъ въ диссертацію.

— По какому праву ты сбивалъ Ванду съ толку?—рѣзко спросила пани Таида.

— Извините, мама,—отвѣтилъ сынъ, и довольно смѣло,—она сбивала меня больше, чѣмъ я ее.

Мать промолчала.

— А диссертація твоя готова?

Владя поубавилъ смѣлости и прикрылъ свою рукопись книжкой.

— Не вполнѣ,—сказалъ онъ.

Пани Таида отбросила книжку и взяла рукопись. Начиналось съ заглавія. Дальше—исписанная полстраница. Затѣмъ—чистая бумага.

— И это все?

— Это, видите ли, я переписываю на-чисто. Черновики,—вотъ они.

И Владя указалъ на кипу исписанной бумаги.

Мать добралась и до черновиковъ. Сегодняшній день былъ роковымъ для Влади. Въ кипѣ бумагъ было все, что угодно, кромѣ диссертаціи. Тамъ были занимательные рисунки, забавныя каррикатуры, игривыя замѣтки въ стихахъ и прозѣ, но ровно ничего ученаго.

Пани Таида остановила долгій взглядъ на сынѣ. Тотъ потупился и началъ краснѣть.

— Такъ, вотъ, зачѣмъ я тебя растила,—чтобы дождаться

распутника и лгуна,—сказала она, наконецъ, и въ ея голосѣ были такая печаль и такой укоръ, что напускная развязность юноши разомъ исчезла, и онъ всею душой почувствовалъ всю свою вину.

— Простите меня,—чуть слышно прошепталъ онъ.

Она покачала головой и глубоко вздохнула.

— Я старалась жить такъ, чтобы моя жизнь научила васъ уважать женщинъ.

— Мама, большинство женщинъ стремится къ тому, чтобы ихъ не стоило уважать. Я такихъ только и встрѣчалъ, до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ...

— Не стыдно ли тебѣ обманывать меня и за моей спиной, подъ моей крышей, злоупотреблять легкомысліемъ дѣвушки?!

— Мама, не хорошо оправдывать себя, обвиняя другого, но...

Она движеніемъ руки заставила его замолчать.

— Не оправдывайся, въ особенности такъ. Пусть это будетъ тебѣ урокомъ!..

— Мама, клянусь вамъ, теперь я буду думать только объ одной диссертаціи, я все забуду... И... и Васковскій не виноватъ...

По утру панны Ванды уже не было въ Рудѣ. Послѣ ея отъѣзда, какъ это всегда бываетъ, всплыли наружу всѣ ея грѣхи и грѣшки. Ея комната была хаосомъ. Въ комодѣ валялись лоскутья, дырявые чулки, огородныя сѣмена, апельсинныя корки, какія-то притиранія въ засаленныхъ бумажкахъ, объѣдки пирожнаго, куски сахара, каблуки отъ ботинокъ, ленты, ключи отъ потерянныхъ замковъ и замки отъ потерянныхъ ключей, приходо-расходная тетрадь, облитая вишневымъ вареньемъ, нѣсколько тонкихъ салфетокъ, изрѣзанныхъ на творожные мѣшки, молочная книжка, исписанная стихами, и множество столь же удивительныхъ съ точки зрѣнія порядочной хозяйки вещей. Старая Анна повѣдала о ночныхъ празднествахъ у приказчика, а прочая дворня посыпала такія подробности, что пани Ганда приказала, наконецъ, считать „инцидентъ исчерпаннымъ“. Языки замолчали, сообразивъ къ тому же, что это и для нихъ лучше, такъ какъ могли доболтаться и до собственныхъ грѣховъ.

Въ хозяйствѣ оказалась такая путаница, что, сдавъ поле Казѣ, пани Ганда двѣ недѣли съ утра до ночи приводила въ порядокъ кладовыя, погреба, садъ, огородъ, птичную и скотный дворъ. Особенно губительнымъ оказался режимъ панны Ванды для телятъ, изъ которыхъ многіе поплатились самою жизнью своею. Когда пани Ганда подвела всему итоги, то выяснилось, что хозяйничанье Ванды обошлось Рудѣ, не считая жалованья

и содержанія, въ нѣсколько сотъ рублей. Но и тутъ не былъ конецъ. Пришло письмо отъ отца Ванды, исполненное укоровъ и негодованія. Его дочь такъ трудилась, что разстроила свое здоровье. Отъ нея требовали невозможнаго, ее преслѣдовали выговорами, а въ награду — черная неблагодарность. Пани Таида вспылила и сгоряча написала должный отвѣтъ, но подумала и бросила письмо въ огонь. Ея негодованіе излилось въ извѣстную намъ сѣрую книжку.

„Ужъ не это ли называется „интеллигентной труженицей“? Не за нихъ ли ратуетъ теперь весь свѣтъ? Дѣло, которое было подъ силу Дисѣ, оказалось не по плечу молодой, здоровенной дѣвкѣ. Я была черезчуръ требовательна, и она потеряла здоровье! Я же и виновата, а она—бѣлая голубка!“

Пани Таида рѣшила держаться подальше отъ интеллигентныхъ труженицъ и вести все хозяйство самой. До конца каникулъ это было нетрудно, потому что Казя помогалъ ей, какъ нельзя лучше.

Каникулы, однако, кончились. Первымъ уѣхалъ Владя, съ готовой диссертаціей. Въ Варшаву онъ ѣхалъ не безъ удовольствія: достаточно вкусилъ онъ деревни, уединенія, ученыхъ трудовъ и монашескаго образа жизни! Потомъ сталъ поговаривать объ отъѣздѣ и Казя. Дѣлать было нечего, и пани Таида начала снаряжать въ путь и его.

„Ахъ, почему нѣтъ у меня дочерей!“—съ огорченіемъ думала она.

Проводивъ сына до границы Руды и вернувшись въ опустѣлый домъ, гдѣ, въ полномъ одиночествѣ, ей предстояло провести долгую осень и темную зиму, она почувствовала, что ей становится жутко. Чрезъ недѣлю она писала къ Озерской:

„Ради Бога, пришли кого-нибудь, но только не молодую и не франтиху. Молодой ни за что не возьму. Лучше всего была бы пожилая дѣвушка или бездѣтная вдова“.

Озерская отвѣтила, что въ Варшавѣ можно найти все, что угодно. Тысячи недостаточныхъ женщинъ ищутъ работы, и тотъ, кто дастъ уголъ и кусокъ хлѣба одной изъ этихъ горемыкъ, сдѣлаетъ истинно доброе дѣло. „Пріѣзжай сама,—писала Озерская,—у насъ есть свободная комната, въ которой ты будешь, какъ дома. Напечатаемъ объявленія, и ты увидишь кандидатокъ собственными глазами и выберешь себѣ по вкусу. Кромѣ того, о многомъ хотѣлось бы поговорить, а рады тебѣ мы будемъ искренно“.

Сначала пани Таида сочла поѣздку въ Варшаву нелѣ-

постью. Какъ это такъ? Оставить Руду безъ себя! Очутиться въ Варшавѣ, въ несносной городской сутолокѣ! Возиться съ незнакомыми „интеллигентными труженицами“! Кто тутъ разберетъ, которая изъ нихъ годится! Пани Таида мучительно колебалась и, наконецъ, пришла къ отчаянному выводу, что въ крайности человѣкъ и за бритву хватается, а не только ѣздитъ въ Варшаву. Она приказала принести чемоданъ и стала укладываться. Несмотря на небольшіе размѣры чемодана, сборы заняли не меньше недѣли. Наличность кладовыхъ и амбаровъ была еще разъ тщательно провѣрена. Каждое должностное лицо Руды прослушало цѣлый курсъ о своихъ священныхъ обязанностяхъ во время отсутствія хозяйки. И должностныя лица, и прислуга, кромѣ того, получили цѣнныя наставленія касательно ихъ личнаго поведенія. Наконецъ, можно было тронуться въ путь. Уже одни сборы такъ утомили пани Таиду, что она не была увѣрена, что доѣдетъ до мѣста.

Со станціи была подана телеграмма Владѣ о томъ, чтобы онъ встрѣтилъ путешественницу, такъ какъ пани Таида боялась заблудиться въ такомъ Вавилонѣ, какъ Варшава. Цѣлую дорогу она ничего не ѣла, потому что опасалась, что поѣздъ уѣдетъ безъ нея. Она вздохнула свободно только тогда, когда увидѣла встрѣчавшаго сына. Не успѣлъ тотъ усадить ее на извозчика, какъ сейчасъ же сообщилъ удивительную новость:

— Мама, у Озерскихъ вы встрѣтите одного изъ моихъ собратьевъ по наукѣ.

— Кого же?

— Стасю. Явилась изъ Женевы. Но что это за Стася! Умытая, причесанная, глубокомысленно-молчаливая. Настоящій жидовскій раввинъ!

— А медицину бросила?

— Нѣтъ, зачѣмъ же! Она захворала за границей, и отецъ привезъ ее на поправку. И, знаете, кто вызвалъ отца? Нашъ Казя! Оказывается, онъ изучаетъ агрономію въ городѣ Женевѣ...

Все это было такъ неожиданно, что пани Таида ничего не сказала.

— Ну, а ты какъ? Заводится у тебя практика?

— Помаленьку. Какъ-то заходили сапожникъ и переплетчикъ. Одинъ живъ, другой померъ, и оба одинаково ничего не заплатили. Но это пустяки. Дайте срокъ: мы еще прогремимъ!

— Это твое дѣло, а я свое сдѣлала. На всякій случай привезла тебѣ немного денегъ. Однако, когда же мы доѣдемъ?

Улицы, улицы: дома, дома! Господи, и живутъ же люди въ эдакомъ аду!

— Пріѣхали, мама. Въ ворота налѣво, первый этажъ.

Трудный путь конченъ и пани Таида очутилась въ объятіяхъ Озерской. Восклицанія, безсвязные вопросы, недоконченные разсказы и сейчасъ же завтракъ.

— А панны Стаси нѣтъ дома?—спросилъ Владя.

Озерскіе смущенно взглянули на пани Таиду.

— Я слышала,—сказала та.—Ну, что же, миръ всегда лучше ссоры.

— Спасибо. Да, помирились. Слишкомъ ужъ было это мучительно.

— Можетъ быть, она у васъ останется?

— Объ этомъ мы и не мечтаемъ,—вздохнула мать.—Но и за то слава Богу, что она теперь не такъ рѣзка. Сидитъ и читаетъ, или дома, или въ университетской библіотекѣ. Но ее все тянетъ назадъ. Насилу уговорили остаться до праздниковъ, а потомъ, нечего дѣлать, опять отпустимъ. Еслибы не твой Казя, добрая душа, ея не было бы въ живыхъ. Умирала и все-таки не дала знать.

Пани Таида неопредѣленно покачала головой: добрая душа, Казя, вдругъ внушилъ ей нѣкоторыя подозрѣнія. Заговорили о вызовѣ экономокъ. Владя немедленно приступилъ къ выработкѣ объявленія объ этомъ важномъ предметѣ. Послѣ продолжительныхъ и оживленныхъ преній остановились на такой редакціи:

„Ищутъ особу немолодыхъ, приближающихся къ среднимъ, лѣтъ. Въ отъѣздъ, въ деревню. Занятія: женское хозяйство подъ руководствомъ, но въ помощь владѣлицѣ имѣнія. Являться просятъ отъ часа до трехъ пополудни. Вспольная, 14, квартира гг. Озерскихъ“.

— Нѣтъ, это не все,—говорила пани Таида.—Надо прибавить, что руководить не значитъ учить. Да, прибавьте, что требуется знаніе дѣла. И еще надо сказать: „просятъ приходить особъ, принадлежащихъ къ порядочному кругу, хорошо воспитанныхъ, тактичныхъ и обладающихъ хорошимъ здоровьемъ“.

— Какъ бы не подумали, что вы, мама, ищете не экономку, а невѣстку,—возразилъ Владя.

— Я думаю, личное свиданіе и бесѣда лучше всего выяснятъ требуемыя качества,—замѣтила Озерская.

Пани Таида махнула рукой, дала деньги на объявленіе и,

утомленная путешествіемъ и продолжительными преніями, попросила позволенія отдохнуть.

Къ обѣду пришла изъ библіотеки Стася, которую пани Таида узнала не сразу,—такъ она похудѣла и поблѣднѣла; только глаза блестѣли по прежнему, но и этотъ блескъ былъ невеселый. Плотно сжатыя губы имѣли горькое и жесткое выраженіе. Юношескаго въ этомъ лицѣ ничего не было. Стася поздоровалась съ гостьей принужденно и съ отчужденіемъ. Пани Таида заставила себя приласкать дѣвушку, вспомнивъ покойную Дисю, ея молитвы и свои собственныя.

— Какъ ты похудѣла,—сказала она.—Должно быть, переутомляешься. Нехорошо. А что помирилась со своими, за то хвалю.

Стася покраснѣла, нѣсколько мгновеній постояла въ нерѣшительности и снова нагнулась къ рукѣ старухи.

— Вы прислали мнѣ тетрадь тети Диси и деньги. Я должна была и хотѣла поблагодарить васъ,—и не могла.

— Полно! Я послала, во-первыхъ, потому, что знала, что ты нуждаешься. Во-вторыхъ, я была увѣрена, что ты возвратишь деньги, не теперь, конечно, а когда кончишь ученье. Надѣюсь, съ твоими родителями у меня не будетъ объясненій по этому поводу?—добавила пани Таида съ безпокойствомъ.

— Мнѣ было стыдно сознаться имъ, что я принимала милостыню. Я сказала объ этомъ только Казѣ, и то, когда боялась, что не смогу больше ни поблагодарить васъ, ни вернуть долга.

— И ему не нужно было говорить. Какъ онъ попалъ въ Женеву?

Не знаю. Я была безъ памяти, когда онъ появился. Куда и когда онъ потомъ исчезъ, я тоже не замѣтила. Мнѣ стало лучше.

— Ты собираешься вернуться?

Глаза Стаси загорѣлись прежнимъ молодымъ задоромъ.

— И это спрашиваете вы? Вы, которая никогда не отступала отъ намѣченной цѣли? Я тоже не намѣрена отступать.

Но лицо ея снова омрачилось, и она продолжала:

— Да, моя жизнь не легка, но это ничто въ сравненіи съ тѣмъ ужаснымъ чувствомъ, которое я вынесла оттуда къ людямъ. Тамъ мы, женщины, словно въ аду. Все святое въ насъ заглушается, вся грязь жизни предъ нами раскрывается... Одинъ не выдерживаютъ и бѣгутъ. Другія привыкаютъ и даже входятъ во вкусъ. Я устояла, но люди, люди!.. Какъ я научилась ихъ презирать и даже ненавидѣть!

Стася схватилась за горло, какъ будто ее душило, и съ минуту молчала. Потомъ она сказала шопотомъ:

— Вы слышали, что мнѣ являлась тетя Дися?

Пани Таида кивнула головой.

— Я не вѣрю въ сверхъестественное, но, что я видѣла, то видѣла. И, если меня что-нибудь и мирило съ людьми, такъ это привидѣвшееся мнѣ лицо покойницы. Я всегда припоминала его, когда мнѣ бывало слишкомъ трудно. Что значило ея явленіе? Въ тотъ день я пошла въ церковь, гдѣ давно уже не бывала.

— Можетъ быть, она этого и желала. Быть можетъ, и въ остальномъ она стала твоей заступницей. Не забывай о ней. Смолоду человѣкъ пламенно вѣритъ въ людей и добро. Потомъ вдругъ нами овладѣваетъ разочарованіе, не только въ людяхъ, но и въ Провидѣніи; намъ кажется, что и люди, и Богъ насъ покинули. Потомъ понемногу душевное равновѣсіе возстановляется. Къ людямъ мы относимся снисходительнѣй. Я говорю, конечно, о людяхъ нормальныхъ, здоровыхъ душою и тѣломъ. Къ сожалѣнію, такихъ не такъ много, какъ кажется. Слабыя натуры не находятъ равновѣсія, падаютъ; онѣ-то и внушили тебѣ презрѣніе къ людямъ. Но не осуждай ихъ: это не столько грѣшники, сколько больные и неудачники. По настоящему, ихъ надо жалѣть, а не презирать. Презрѣніе,—это гордость сильнаго предъ слабымъ. Не гордись: своей силой ты обязана на себѣ, а Тому, кто тебя создалъ... Теперь ты, быть можетъ, не понимаешь меня вполнѣ, но придетъ время,— и ты поймешь, если только не забудешь нашей бесѣды.

Пани Таидѣ почему-то вспомнилась панна Ванда, и она прибавила:

— Поосторожнѣе съ амурами! Это можетъ перевернуть вверхъ дномъ всякіе планы.

— Съ амурами!—воскликнула Стася.—Сама не испытала, но насмотрѣлась достаточно. Брр!.. Это на всю жизнь застраховало меня отъ амуровъ.

— И это крайность: жизнь безъ любви—уродлива. Но... и это у тебя придетъ въ равновѣсіе.

Въ другое время Стася не преминула бы вступить въ ожесточенный споръ, но теперь она промолчала и перемѣнила тему.

— Тетрадь тети Дисп не лишена цѣнности. Коллекція травъ очень богата. Я многому ей обязана.

— Покойница лѣчила недурно, хотя и не имѣла дипломовъ. Ея дипломомъ были призваніе и добрая душа.

Въ это время вошли Владя съ квитанціей на объяв-

леніе, и Озерская, которая была пріятно удивлена такой продолжительной бесѣдой дочери съ гостьей.

На слѣдующій же день около часа явилась первая кандидатка на должность домоправительницы въ Рудѣ. Это была чрезвычайно нарядная дама, въ шляпѣ, съ пышными перьями, напудренная, завитая и съ пріятнѣйшей улыбкой на устахъ.

— Я по объявленію. Неблагопріятное стеченіе обстоятельствъ вынуждаетъ меня искать занятій.

Пани Таида была изумлена видомъ посѣтительницы, но оправилась и довольно сухо спросила:

— Занимались ли вы деревенскимъ хозяйствомъ?

— До сихъ судьба была ко мнѣ снисходительна,—я не нуждалась въ работѣ. Мой мужъ имѣлъ очень хорошее мѣсто на желѣзной дорогѣ. Овдовѣвъ, я открыла модный магазинъ, но дѣло не пошло, какъ это всегда бываетъ у слабыхъ женщинъ, лишенныхъ мужской поддержки.—Посѣтительница вздохнула и продолжала.– Какъ только я прочла ваше объявленіе, я сказала себѣ: вотъ, что поправитъ мои бѣдные, истерзанные нервы,—деревня!

— А вы не спросили себя, справитесь ли вы со своими обязанностями? Имѣете ли вы понятіе о томъ, какъ растить молодую скотину, что нужно дѣлать въ огородѣ и какъ обращаться съ масломъ?

— Ахъ, такъ я буду простой ключницей? Но въ объявленіи ясно сказано: быть помощницей владѣльцы имѣнія.

— Да, но какъ же вы будете помогать, не имѣя понятія о вашей работѣ? Вамъ придется слишкомъ трудно, и я думаю, что это не будетъ способствовать укрѣпленію вашихъ больныхъ нервовъ.

Посѣтительница тотчасъ же съ видомъ оскорбленнаго достоинства поднялась.

— Въ такомъ случаѣ не слѣдовало бы печатать непонятныхъ объявленій, которыя вводятъ въ заблужденіе и, кромѣ того, заставляютъ выслушивать совершенно излишнія нравоученія.

И нарядная кандидатка величественно удалилась.

Пани Таида, сильно не въ духѣ, вышла въ столовую, гдѣ хлопотала съ кухаркой Озерская, и разсказала о своей неудачѣ.

— Потерпи. Найдется нужное, не безпокойся. Вѣдь это только начало. Опять звонятъ! Стася, отопри, пожалуйста, горничная ушла.

Стася у окна читала. Она машинально поднялась, вышла въ прихожую и сейчасъ же вернулась.

— Кто?—спросила мать.

— Опять къ пани Старчевской,—нехотя отвѣтила Стася.

— Какова же эта?

— Не замѣтила и не имѣю желанія разсматривать.

— Почему же?—спросила пани Таида.

— Ничего изъ этого не выйдетъ, кромѣ цѣлой процессіи гороховыхъ чучелъ. Вы публиковали объ особѣ среднихъ лѣтъ,—вотъ, и пойдутъ особы, которыя до среднихъ лѣтъ ни на что не годятся и только еще ищутъ занятій...

— Опять крайности! Все у тебя крайности! Борьба за существованіе тянется долго, кусокъ хлѣба найти не легко.

Пани Таида ушла, но Стася не унялась.

— Кто знаетъ, чего онъ хочетъ,—тотъ найдетъ кусокъ хлѣба и не станетъ таскаться по объявленіямъ. Да и вы — странныя, право, обѣ! Пани Старчевская желаетъ найти другую себя, а вы, мама, наивно думаете, что такихъ въ Варшавѣ сколько угодно, стоитъ только напечатать объявленіе. А онѣ всѣ убѣждены, что деревня—это такое мѣсто, гдѣ дышатъ вольнымъ воздухомъ, ходятъ на прогулку и ѣдятъ жареныхъ цыплятъ.

Дверь въ прихожей хлопнула, и сейчасъ же вошла пани Таида.

— Знаете ли, что эта выдумала! Ни за что, говоритъ, не рѣшусь жить въ домѣ, гдѣ нѣтъ хозяина, мужчины. Кто защититъ отъ разбойниковъ? Кто прогонитъ воровъ? Кому пожаловаться, если вздумаетъ нагрубить прислуга? Нѣтъ, она не можетъ, ей страшно!

Стася расхохоталась.

— Слабое существо! Ей страшно! Das ewig weibliche!

Пани Таида начинала отчаиваться.

— Надо, чтобы объявленіе больше не появлялось. Это можетъ кончиться дурно: я начну говорить грубости... Снова звонятъ!

Стася вышла отпереть. На этотъ разъ пришелъ Владя.

— Уважаемому коллегѣ, будущему доктору медицины, нижайшее почтеніе, — сказалъ онъ весело. — Знаете, коллега, у меня появилась паціентка, и прехорошенькая. Я ее такъ хорошо вылѣчилъ, что теперь состою у нея постояннымъ врачемъ.

— Барышня или вдовица?

— Замужемъ.

— И это бываетъ. Что-жъ, поздравляю.

— А у васъ что слышно? Въ какомъ настроеніи обрѣтается маменька?

— Въ самомъ дурномъ. Не совѣтую сообщать ей о вашей паціенткѣ; ей теперь не до того: дѣлаетъ смотръ будущимъ экономкамъ.

— То-то, передо мной по лѣстницѣ шло нѣчто костлявое и желтое и присматривалось къ доскамъ на дверяхъ. Если вы и очень ревнивы, то къ этому желтому все-таки не приревнуете вашего друга, Казю.

— Не говорите, иногда мужской вкусъ бываетъ оригиналенъ. Ужъ если вы были влюблены въ жидовку, которая набивала вамъ папиросы, то нѣтъ женщины, которая не была бы опасна.

— Какая вы, однако, злопамятная, панна Стася! Звонятъ. Это, конечно, желтая особа. Пойду поздороваться съ дамами, а потомъ сяду за портьерой и буду слушать. Даровой спектакль!

Стася еще разъ отворила дверь и увидѣла въ самомъ дѣлѣ худую, желтую и вдобавокъ какъ будто испуганную особу женскаго пола.

— Это квартира госпожи Озерской?

— Да.

— Я, видите ли, прочла въ сегодняшней газетѣ...

— Входите,— перебила ее Стася.

Но посѣтительница, несмотря на свой перепуганный видъ оказалась особой словоохотливой.

— Должна вамъ сказать, что я уже очень давно мечтала о томъ, чтобы уѣхать въ деревню. Тамъ тишина, тамъ спокойствіе. Городъ полонъ соблазна и искушеній; тутъ грѣшишь, если не дѣломъ, то мыслью. Тогда какъ деревня, это—святое мѣсто...

Посѣтительница говорила съ глазами, скромно опущенными долу, и потому не видѣла, какое выраженіе приняло лицо Стаси. За портьерой слышалось странное сопѣніе смѣшливаго Влади. Къ счастью, пришла пани Танда и тотчасъ же начала свой экзаменъ.

— Вы желаете получить у меня мѣсто?

— Да, мое счастье заключается въ молитвѣ и въ трудѣ.

— Вы замужемъ?

— О, нѣтъ. До сихъ поръ я жила при матери, въ сѣдлецкой губерніи. Послѣ отца осталось имѣньице, но мать моя была слабаго здоровья, и мы переѣхали въ Сѣдлецъ. Насъ

разорилъ арендаторъ, и имѣніе пришлось продать. Деньги ушли на докторовъ и лѣкарства; мать скончалась два года тому назадъ. Одна знакомая графиня устроила меня здѣсь при больницѣ, но я всегда рвалась въ деревню. И вотъ, когда я прочла ваше объявленіе, я сказала себѣ: это перстъ Божій! Надо вамъ сказать, что въ тотъ день, когда мы продали нашу „Волю"—это было во вторникъ—я дала обѣщаніе поститься всѣ вторники...

— Стало быть, вы имѣете понятіе о деревенскомъ хозяйствѣ?

— Какъ же, я помогала матери. Я знаю и люблю деревню, ея ненарушимую тишину, ея миръ и спокойствіе, чистоту ея нравовъ...

Владя за своей портьерой вспомнилъ панну Ванду, конторщика Васковскаго и покачалъ головой: не всегда въ Рудѣ тишина и спокойствіе, и не всѣ застрахованы тамъ отъ соблазновъ и искушеній. Пани Тандѣ, наоборотъ, стремленіе посѣтительницы въ деревню понравилось, и она стала экзаменовать подробнѣй.

— Хорошее ли у васъ здоровье? Работы будетъ много.

— Я или работаю, или молюсь. Хворать некогда.

— Должна васъ предупредить, что въ домѣ мы будемъ совсѣмъ одни. Я вдова, у меня почти никто не бываетъ. Не разсчитывайте ни на общество, ни на развлеченія.

— Это и прекрасно. Именно о такой жизни я мечтала всю мою жизнь. Я сирота, я бѣдна, поэтому я застѣнчива. Я всегда избѣгала общества, а мужчинъ я прямо боюсь. Теперешніе мужчины такъ развращены и до того безъ правилъ, что довѣрять имъ невозможно.

Пани Таида пристально осмотрѣла внѣшность этой ненавистницы мужчинъ, но у той было такое непритворно испуганное лицо, что пани Таида удержала усмѣшку.

— Будьте покойны,—сказала она.—Отъ опасности съ этой стороны вы будете застрахованы. Обязанности же ваши состоятъ въ слѣдующемъ: кладовая, огородъ и молочное хозяйство. За прислугой смотрѣть должны тоже вы. Вы будете вести приходъ и расходъ молочнымъ скопамъ и съѣстнымъ припасамъ.

— Постараюсь все это исполнить. Господь будетъ мнѣ помощью. Вы разрѣшите мнѣ ежедневно быть въ костелѣ?

— Ежедневно?! До костела тридцать верстъ!

— О, Боже! Стало быть, вы бываете у обѣдни только по воскресеньямъ?

— Я ѣзжу въ церковь четыре раза въ годъ.

— Не можетъ быть! Развѣ можно жить вдали отъ Бога?

— Отчего же вдали? Богъ вездѣ.

— Конечно, Господь вездѣсущъ, но все-таки это ужасно! Безъ проповѣдей! Дьяволъ на каждомъ шагу разставляетъ намъ сѣти, а я не могу укрыться отъ нихъ въ святомъ храмѣ. Что же въ концѣ концовъ будетъ со спасеніемъ души? Нѣтъ, какъ хотите, вы подвергаетесь страшной опасности. Объ этомъ я должна сначала спросить моего духовнаго отца и посовѣтоваться съ собственной совѣстью. Плоть немощна...

— Послушайте, вѣдь вы вздоръ говорите!—вырвалось у пани Таиды.—Со мной жили и умирали святые люди. Я сама прожила тамъ весь вѣкъ и не погубила своей души. Сѣти дьявола! Какія тамъ еще сѣти, когда всѣ работаютъ? И молимся мы каждый день, утромъ и вечеромъ, никого не обижаемъ, бѣднымъ и больнымъ помогаемъ, не лжемъ, исполняемъ свои обязанности, а Богъ вездѣ, гдѣ Его чтутъ и не забываютъ. По вашему, если до костела тридцать верстъ, то Господь обо мнѣ и не слыхалъ ничего! А я увѣрена, что слыхалъ! Вы должны знать, что̀ сказалъ блаженный Августинъ: „Каждая келья можетъ превратиться въ Содомъ, каждая мірская комната можетъ стать храмомъ“. Смотря по тому, кто тамъ проживаетъ.

Посѣтительница вздохнула.

— Да будетъ такъ. Господь требуетъ отъ меня подвига,— сказала она и, глядя въ окно, возвела очи горѣ. Въ окнѣ виднѣлась голая каменная стѣна вмѣсто небесъ, которыхъ искала желтая особа.

— Вы немного экзальтированы, — проговорила сквозь зубы пани Таида.

— Я пекусь о спасеніи души моей. Я бѣгу соблазновъ міра и дьявола. Развѣ это такъ дурно?

— Нѣтъ, это не дурно, но не слѣдуетъ ни въ чемъ пересаливать. Однако, къ дѣлу. Какія ваши условія?

— Отдѣльная комнатка и небольшое вознагражденіе. Мои желанія скромны.

Пани Таида назвала цыфру вознагражденія.

— На это жалованье я согласна, но позвольте мнѣ еще подумать о предстоящемъ шагѣ. Завтра вечеромъ я увѣдомлю васъ.

— Прекрасно. И я тоже подумаю.

На этомъ и порѣшили. Пани Таида вернулась къ остальнымъ, держа въ рукахъ карточку, на которой было напечатано: „Панна Клара Вольская. Новый Свѣтъ, 54“.

— Ну, что же?—спросила ее Озерская.

— Да странное что-то. Одна другой удивительнѣй. Эта.

вотъ, богомолка и ханжа. Зато выросла въ деревнѣ, хочетъ работать и на все согласна. Не знаю, какъ быть.

Владя старался слушать мать съ серьезнымъ лицомъ.

— Не довольно ли на первый разъ? — сказалъ онъ.—Пойдемте взглянуть на городъ; я къ вашимъ услугамъ въ качествѣ гида. Не нужны ли покупки?

— Какъ же, цѣлый списокъ покупокъ! Кромѣ того покажи, какъ ты живешь.

На слѣдующій день процессія искательницъ мѣстъ возобновилась, но на этотъ разъ пани Таида позвала себѣ въ помощь Озерскую. Сразу явилось семь кандидатокъ. Три изъ нихъ удалились тотчасъ же, какъ только узнали, что въ домѣ нѣтъ хозяина.

— Извините, я не вчиталась; мнѣ показалось, что въ объявленіи говорится что-то о вдовцѣ, а вы вдова,—говорила одна изъ нихъ и даже имѣла обиженный видъ.

Еще двѣ были поражены тѣмъ, что у нихъ не будетъ отдѣльной горничной и съ отвращеніемъ выслушали требованіе ходить съ доильщицами въ хлѣвъ, въ грязь, въ навозъ!

— Для этого должна бы быть спеціальная скотница,—говорили онѣ.

Одна разобидѣлась, узнавъ, что за всѣ ея труды она получитъ всего двѣсти рублей жалованья.

— Помилуйте! Когда-то моя покойная мамаша своей горничной платила дороже!

Нашлась и такая, которая была на все согласна, но на что именно, не имѣла ни малѣйшаго представленія, такъ какъ отъ рожденія не покидала Варшавы, а занималась уроками музыки.

Уже послѣ трехъ часовъ явилась еще особа, толстая бабища, съ лицомъ, покрытымъ красными пятнами, и въ чепцѣ, сбитомъ на бокъ.

— Вы нанимаете въ деревню? Ѣду! Одинъ конецъ! Только что разругалась съ мужемъ. Подожди ты, старый песъ! Драться? Въ деревню уѣзжаю, за тридевять земель, къ чорту на кулички, въ тартарары, къ мужикамъ, къ грубіянамъ, къ разбойникамъ! Пропаду, а ты меня больше не увидишь на этомъ свѣтѣ!

Чтобы выпроводить расходившуюся бабу, понадобилось содѣйствіе Влади. Тотчасъ же затѣмъ Владя былъ посланъ на извозчикѣ въ газету, съ покорнѣйшей просьбой объявленія больше не печатать. Пани Таида не знала, какъ быть.

— Развѣ взять эту богомолку Вольскую?

— Подождите, мама. Она еще не успѣла досыта насовѣтываться съ духовникомъ.

Вечеромъ посыльный принесъ отвѣтъ панны Клары Вольской. Она принимала мѣсто.

— Да, эта все-же лучше остальныхъ,—сказала пани Таида.— Напишу, чтобы собиралась. Пора домой.

III.

Первымъ дѣломъ панны Клары Вольской, по пріѣздѣ въ Руду, было устроить свою компату согласно своему вкусу и своимъ наклонностямъ. Когда все было конечно, она пригласила пани Таиду.

— Не откажите взглянуть на мою келійку!—говорила она, идя позади хозяйки и, вѣроятно, разсчитывая на сильное впечатлѣніе, которое произведетъ на ту ея обитель.

Пани Таида остановилась въ дверяхъ, взглянула и сказала:

— Если это и келья, то совершенно идолопоклонническая.

Самый широкій простѣнокъ сплошь былъ завѣшанъ безчисленными, большими, средними и малыми образами и образками. Между ними фестоны столь же многочисленныхъ четокъ. У стѣны подобіе алтаря, на которомъ горѣли лампадки и лежала груда молитвенниковъ.

— Какъ такъ, идолопоклонническая?!—ахнула Клара.

— Ну, конечно, для чего христіанину столько образовъ или такое множество молитвенниковъ? Крестъ или образъ Богоматери, молитвенникъ, вотъ и все, что нужно. И, знаете ли, я замѣчаю тутъ нѣчто несовмѣстимое. Келья, лампады, а на кровати цѣлая гора пуховиковъ и подушекъ.

Клара пропустила это замѣчаніе мимо ушей и продолжала:

— Какъ было бы хорошо, если бы Руда собиралась сюда, ко мнѣ, для общихъ молитвъ.

— Въ Рудѣ католички только мы съ вами, а остальные—православные.

— Тѣмъ болѣе, тѣмъ болѣе! Мы обязаны возвратить заблудшихъ овецъ на путь истинный.

Пани Таида, наконецъ, разсердилась.

— Вы, милая, должно быть, съ луны свалились, говоря такія вещи. Съ насъ достаточно вѣровать и не быть соблазномъ для другихъ; проповѣдь же — дѣло священниковъ и миссіонеровъ. Это во-первыхъ. А во вторыхъ, вы пріѣхали сюда не для проповѣди и спасенія душъ, а для работы; если же

вы и о ближнемъ заботитесь, то помогайте здѣшнимъ бѣднякамъ, лѣчите больныхъ, ухаживайте за ними. Въ этомъ случаѣ можете разсчитывать на мое сочувствіе и содѣйствіе.

Клара вздохнула.

— А я мечтала, что хоть въ праздники мы съ вами будемъ тутъ молиться!

— Здѣсь я не могла бы спокойно молиться. Эта пестрота меня развлекала бы, а бумажные цвѣты рядомъ съ лампадками все время заставляли бы думать о пожарѣ. Впрочемъ, если это вамъ такъ нравится, можете оставить вашу келью, какъ она есть. По моему же, истинная религія—въ душѣ человѣка, а не на стѣнахъ.

Съ этими словами пани Таида удалилась, а панна Клара дала себѣ слово начать свою миссіонерскую дѣятельность съ обращенія самой хозяйки.

Послѣ вѣтренницы Ванды панна Клара показалась пани Таидѣ настоящимъ кладомъ. Не отличаясь расторопностью, понятливостью и быстротой, Клара была добросовѣстна, исполнительна и не лгала. Однако, обязанности свои она исправляла такъ, какъ будто несла крестъ или исполняла эпитимью, со вздохами, шептаніемъ молитвъ, а иногда даже и со слезами, точно она оплакивала міръ, погрязшій съ грѣхахъ. Прислуга ея не полюбила и подшучивала надъ ней. Нравоученія и поученія сыпались изъ ея устъ, какъ сахаръ и сладкіе пирожки изъ кармановъ ея предшественницы, Ванды. Вмѣсто сердца въ ея груди былъ складъ прописныхъ правилъ. „Молись и трудись“, „добродѣтель есть лучшее сокровище“, „смиреніе ведетъ къ вѣчному блаженству“, „слѣдуетъ исполнять заповѣди Господни“, и т. д. и т. под. Говорила она это всѣмъ, кто приходилъ къ ней за совѣтомъ или помощью, и была убѣждена, что исцѣляетъ тѣмъ тѣла и души. Мужики слушали, поддакивали и ожидали, что вслѣдъ за словами имъ дадутъ касторки, или деньжонокъ, или хотя бы путный совѣтъ, но Клара поворачивалась и удалялась въ свою келью, гдѣ погружалась въ молитвенники, упиваясь красивыми оборотами словъ, но не вникая въ ихъ смыслъ.

Первое время панна Клара не выходила изъ своей комнаты, но потомъ попросила у пани Таиды разрѣшенія проводить съ нею вечера. Обѣ сидѣли обыкновенно за большимъ круглымъ столомъ, одна противъ другой, представляя собою полнѣйшій контрастъ. На столѣ горѣла лампа, освѣщая комнату только наполовину. Предъ пани Таидой лежали разныя принадлежности дѣтскаго туалета, однѣ уже сшитыя, другія

только скроенныя. Это были кофточки, чепчики, фартуки и т. под. вещицы для деревенскихъ дѣтей. Работа шла не особенно споро, но пани Таида дѣлала это въ память покойной сестры, одѣвавшей бѣдныхъ деревенскихъ ребятъ. Клара, по другую сторону стола, длиннымъ крючкомъ вязала что-то хитрое изъ бѣлой бумаги и, считая петли, начинала бесѣду.

— Правда ли, что у моей предшественницы была двусмысленная интрига съ конторщикомъ?

Пани Таида посмотрѣла на нее сверхъ очковъ.

— Откуда это вы узнали?

— О, я никогда бы не позволила себѣ говорить на эту тему, но я услышала совсѣмъ случайно.

— Вы услышали сплетню и напрасно не остановили болтуна. Ничего двусмысленнаго не было. Просто молодое легкомысліе.

— Вы называете это легкомысліемъ!.. Ахъ, нѣтъ, это хуже, это гораздо хуже. Я никогда не заговорила бы объ этомъ, еслибы не узнала совсѣмъ нечаянно. Вообще, тяжело дѣвушкѣ съ правилами видѣть всю испорченность людей, ихъ распущенность, ихъ безнравственность. Знаете ли, что нашъ лѣсничій живетъ совсѣмъ не съ женой, а съ чужой женщиной? Или скотница! Да что скотница, возьмите паненокъ нашего эконома...

— Откуда вы все это знаете? Кажется, ни съ кѣмъ и не разговариваете, удаляетесь отъ людей, бѣжите отъ грѣховнаго міра, а вамъ все извѣстно...

— Ахъ, въ моемъ настоящемъ положеніи я поневолѣ соприкасаюсь съ грѣхомъ. О, мама, еслибы ты, которая сберегла меня чистою и невѣдающею, какъ цвѣтокъ, увидѣла меня теперь...

— Такъ вы только здѣсь узнали, что люди не ангелы?

— Я знала, что люди грѣшны, но теперь убѣждаюсь, что они не только грѣшны, но и порочны. Благодарю Создателя, что меня Онъ пощадилъ и не допустилъ стать такою же.

— Совершенный фарисей,—сквозь зубы проговорила пани Таида.

Клара сдѣлала видъ, что не слышала, и продолжала:

— Вѣдь, подобные люди еще при жизни осуждены на погибель вѣчную. Уже общаться съ ними грѣхъ. Ихъ не вразумишь никакими увѣщаніями. Они не видятъ и не понимаютъ, что такое добродѣтель, они слѣпы и глухи. Я имъ указываю путь ко спасенію, а они отвѣчаютъ мнѣ шутками и насмѣшками

Пани Таида опустила на колѣни руки съ работой и посмотрѣла на собесѣдницу.

— Скажите, пожалуйста, вы никогда не увлекались?—спросила она.

— При монхъ правилахъ?! Никогда!

— Можетъ быть, у васъ былъ женихъ, и вы были влюблены по крайней мѣрѣ въ него?

— Кажется, я не подавала повода подозрѣвать меня въ любовныхъ шашняхъ, хотя бы и съ женихомъ. Правда, я бѣдна, но мои родители—дворяне, помѣщики и добрые христіане.

— Какъ будто христіанки и помѣщицы застрахованы отъ увлеченій, любви и женіховъ?

— Я, слава Создателю, избѣжала низменныхъ и плотскихъ страстей,—обиженно сказала Клара.

— Если такъ, то вы исключеніе и другимъ не примѣръ Знаете ли, вы даже не святая и живою на небо взяты не будете. Если вы не знали искушеній, не боролись, не побѣдили, тогда и заслуги нѣтъ никакой, и другихъ, боровшихся, вы судить не можете. Нѣтъ никакого сомнѣнія, соблазна много, и люди не ангелы, но камень можетъ бросить только тотъ, кто самъ безъ грѣха. И о чистотѣ своей душевной не безпокойтесь: противъ вашей воли никто и ничто не можетъ осквернить ее.

— Да, конечно, о бѣдной сиротѣ никто не думаетъ, никто не позаботится, она брошена на произволъ судьбы! Испытанія и полное одиночество, вотъ моя доля. Еслибы моя мама знала, что ждетъ меня въ жизни!

— Еслибы знала, она, можетъ быть, воспитала бы васъ нѣсколько иначе, болѣе трезво и реально. А теперь съ вашими стремленіями вамъ бы лучше всего идти въ монастырь. Тамъ васъ, пожалуй, поймутъ и оцѣнятъ, а въ свѣтѣ едва-ли.

Клара глубоко вздохнула и умолкла. Нѣсколько минутъ спустя, пани Танда спросила:

— Сегодня около вашей комнаты я видѣла какого-то мужика. Чего онъ отъ васъ хотѣлъ? Онъ показался мнѣ очень жалкимъ.

— Жалкимъ?! А между тѣмъ онъ—невѣжа и наглецъ, послѣдній наглецъ! Вообразите, о чемъ онъ осмѣлился со мной говорить? О своей женѣ, которая...—Клара задохнулась отъ негодованія,—которая произвела ребенка! Тутъ же стоялъ поваръ. Я думала, что умру отъ стыда, выслушивая такія вещи.

— Я увѣрена, что ни онъ, ни поваръ не видѣли въ этомъ ничего предосудительнаго. Люди привыкли приходить сюда за совѣтомъ во всякихъ дѣлахъ. Что же вы ему сказали?

— Я сказала все, что думала о его безстыдствѣ и цинизмѣ. А поваръ при этомъ изволилъ улыбаться!

— Какъ же не смѣяться?! Въ наивность они не вѣрятъ. Кромѣ того, въ ваши годы...

— Мнѣ только тридцать лѣтъ, и я дѣвушка!

— Все-таки не подростокъ. А что такое случилось сегодня на скотномъ дворѣ? Вы оттуда выбѣжали, какъ будто тамъ загорѣлось.

— Нога моя тамъ больше не будетъ! Тамъ я увидѣла такую картину, такую картину!..

Пани Таида покачала головой.

— Неприличную?—спросила она.

— И безнравственную! Животныя тоже безнравственны.

— Тогда и телятина, которую вы ѣдите, тоже безнравственна. Молоко, которое вы любите, тоже неприлично.

— Вы не хотите меня понять, хотя ясно, какъ день, что дѣвушка изъ приличнаго дворянскаго круга не можетъ и не должна заниматься ни скотоводствомъ, ни лѣченіемъ женскихъ болѣзней.

— А чѣмъ же она должна заниматься, если судьба заброситъ ее въ деревню и заставитъ вести хозяйство? Я двадцать лѣтъ хозяйничаю, и ни разу мнѣ не приходило въ голову, что это роняетъ мое дворянское достоинство.

— Что прилично замужней женщинѣ, то не годится для дѣвушки.

— А, стало быть, вы бережете свою репутацію въ виду замужества? Тогда дѣло другое. Но почему же, только что, вы чуть не затыкали уши, когда я говорила о женихѣ и любви? Къ сожалѣнію, у меня никого не бываетъ, и вы едва ли найдете себѣ здѣсь партію.

— Какого вы обо мнѣ низкаго мнѣнія! Мама учила меня быть чистой и непорочной для самой себя.

— Все это прекрасно, но я не пойму, что́ угрожаетъ вашей чистотѣ на скотномъ дворѣ или въ избѣ больной роженицы? А впрочемъ, вы, кажется, сами не знаете, чего вы хотите или чего опасаетесь.

Пани Таида стала собирать работу и тѣмъ положила конецъ давно наскучившей ей бесѣдѣ.

Въ тотъ вечеръ она занесла въ свою сѣрую книгу слѣдующее:

„Боюсь, что попала изъ огня да въ полымя съ этой тридцатилѣтней ханжой. Я должна заняться скотнымъ дворомъ, потому что тамъ что-то оскорбило ея чувства; больными,—потому что и они ее оскорбляютъ; наконецъ, ею самою, чтобы не надѣлала вздора. Гдѣ же, наконецъ, нормальныя, здоровыя

женщины, самостоятельныя и уравновѣшенныя?.. Во всю жизнь, кажется, я не слышала столько вздора, сколько сегодня. И ко всему этому припутана еще какая-то особенная религія, для меня совсѣмъ непонятная. Уравновѣшенности надо, устойчивости нѣтъ!"

Разговоры, подобные приведенному нами, повторялись каждый вечеръ и наводили на пани Таиду тоску. Каждый день Клара приходила въ ужасъ отъ чего-нибудь, то нескромнаго и неприличнаго, то грѣховнаго. Въ прежнее время у пани Таиды не хватило бы терпѣнія слушать такой вздоръ, но съ годами она стала равнодушнѣе и спокойнѣе. Кромѣ того,—она начинала уставать, желала спокойствія, и ей было не до споровъ. Она вспоминала, что года черезъ два Казя будетъ дома, и эта мысль придавала ей терпѣнія; только послѣ Ванды она уже ни на кого не рѣшалась положиться и не упускала изъ вида и свою новую помощницу.

Время шло, а Клара никого не обратила на путь истинный и ни отъ кого не заслужила ни любви, ни довѣрія, ни уваженія. Ея набожность, ея скромность и застѣнчивость были только предметомъ подтруниваній. Каждый день она на кого-нибудь жаловалась: тотъ въ ея присутствіи обнаружилъ цинизмъ; другой позволилъ себѣ задать щекотливый вопросъ; третій, очевидно, съ умысломъ, требовалъ у нея нравственныхъ совѣтовъ по самому пустячному дѣлу и т. п.

— Войдите въ мое беззащитное положеніе и внушите имъ сколько-нибудь уваженія къ моему полу и возрасту.

Раза два пани Таида сдѣлала выговоръ виновнымъ, но при новой жалобѣ рѣзко отвѣтила, что каждый самъ долженъ умѣть себя поставить и держать себя такъ, чтобы не имѣть непріятностей.

— Я живу съ этими людьми уже много лѣтъ и не могу пожаловаться на ихъ отношенія ко мнѣ.

— Стало быть, я брошена на произволъ грубости и невѣжества, безъ надежды на чью-либо защиту. Такова печальная судьба одинокой дѣвушки!

Пани Таида чувствовала, что теряетъ терпѣніе, и поспѣшила уйти.

Къ счастью, вечера становились короче, бесѣды начинались позднѣе, наставала весна, прибавлялось работы, и раздражаться нытьемъ панны Клары было некогда.

Въ мартѣ, который въ этомъ году выдался особенно теплый и сухой, пани Таида сообщила Кларѣ, что ждетъ землемѣра, который пробудетъ въ Рудѣ цѣлый мѣсяцъ: будетъ

мѣрить лѣсъ и сѣнокосы. При этомъ она поручила ей приготовить комнату и заботиться о его содержаніи.

— Это очень хорошій и почтенный человѣкъ, уже немолодой. Обѣдать и ужинать онъ будетъ съ нами.

— Вы приказываете приготовить угольную комнату? Но тамъ мои цвѣты, къ которымъ я часто должна заходить.

— Такъ что же? Онъ не куритъ, такъ что цвѣтамъ не будетъ никакого вреда. Напротивъ, они скорѣе зацвѣтутъ, потому что комнату будутъ топить.

— Но я не рѣшусь туда войти. Вѣдь, тамъ будетъ мужчина!

— Онъ цѣлый день будетъ на работѣ.

— Все-таки я не могу войти въ комнату мужчины.

— Какъ хотите. Землемѣръ мнѣ нужнѣе, чѣмъ ваши горшки съ цвѣтами. Извольте приготовить угловую,—сказала пани Таида и отвернулась.

Клара была возмущена до глубины души. Каждый день ей предстоитъ встрѣчаться съ мужчиной, жить съ нимъ черезъ стѣнку. Однако, въ одинъ прекрасный вечеръ этотъ мужчина прибылъ, въ собственной телѣжкѣ, нагруженной инструментами, которые и были внесены въ угловую. Самъ землемѣръ прошелъ въ гостиную и безъ дальнѣйшихъ околичностей отрекомендовался Кларѣ.

— Вавельскій, землемѣръ и вашъ покорный слуга. Пани Старчевская, вѣроятно, въ полѣ?

— Въ полѣ,—прошептала Клара. Глаза ея были опущены, а сердце билось.

Гость посмотрѣлъ на нее и, будучи человѣкомъ разговорчивымъ, продолжалъ:

— Вы, какъ я догадываюсь, завѣдуете здѣсь хозяйствомъ? Постараюсь заслужить ваше доброе расположеніе, чтобы не голодать. Когда день-деньской проходишь по лѣсамъ и болотамъ, то аппетитъ, какъ у волка. Прошу любить и жаловать. Отслужу на вашей свадьбѣ.

Клара рѣшилась поднять глаза. Предъ нею былъ человѣкъ лѣтъ сорока, съ бородой, высокаго роста, сильный и здоровый. Его загорѣлое лицо и добродушные глаза привѣтливо улыбались.

— Я завѣдую кладовой и буфетомъ. Вы всегда будете сыты безъ особой за то благодарности,—проговорила Клара уже нѣсколько смѣлѣй.

— Давно ли вы въ Рудѣ?

— Съ осени. Это первая моя служба со времени смерти мамы. Она умерла три года тому назадъ.

— Ровно три года, какъ я похоронилъ жену.

— Стало быть, и вы одиноки?

— Хуже, потому что у меня трое дѣтей. Если бы вы знали, какъ это хлопотно! Одинъ нездоровъ, другой реветъ, третій свалился съ дерева. Платья рвутъ, обувь рвутъ. А я мало сижу дома.

— Вы живете въ деревнѣ?

— Я, собственно, нигдѣ не живу, но у меня домъ въ мѣстечкѣ, садъ и огородъ,—кусокъ земли и хозяйство. Но что за хозяйство, когда нѣтъ хозяйки!

— Это мѣстечко большое?

— Порядочное. Есть костелъ, докторъ, аптека, почта, живетъ судья. Вы, вѣрно, бываете по воскресеньямъ у обѣдни?

— Я была всего только три раза. До костела далеко, а лошадей даютъ съ трудомъ. Я бы рада каждое воскресенье, но не отъ меня это зависитъ.

— Такъ, вотъ, мой домъ по дорогѣ къ костелу,—зеленый заборъ, кругомъ каштаны. На дворѣ службы, а за ними садъ и огородъ. Ничего себѣ уголокъ. Мнѣ даютъ за него пять тысячъ. Приходится продать, потому что не углядѣть за порядкомъ,—или жениться. Да боюсь, что за меня никто не пойдетъ.

Клара смутилась и, сославшись на неотложное дѣло, ушла.

„Какъ видно, и мужчинѣ быть одинокимъ тяжело“,—подумала она.

Во время ужина Клара прислушивалась къ разговорамъ пани Таиды съ землемѣромъ, и ея робость понемногу проходила. Гость добродушно и откровенно разсказывалъ о своихъ заботахъ и домашнихъ дѣлахъ и оканчивалъ все тѣмъ же:

— Надо жениться, ради дѣтей. Ни красоты и молодости, ни денегъ мнѣ не надо, лишь бы заботилась о моихъ сиротахъ. Но трудно это: простушку взять не хочется, а кто получше, не очень-то польстится на мою обстановку.

— Найдется,—утѣшала его пани Таида.—Вотъ, только одно: ваши дѣти, какъ я слышала, большіе сорванцы; ихъ развѣ испугаются.

— Можетъ быть, и сорванцы. Я знаю ихъ меньше, чѣмъ сосѣди, да и, сказать по правдѣ, у меня не хватаетъ характера ихъ наказывать.

— Ну, и пожалѣете объ этомъ.

— Ничего не подѣлаешь. Предъ слабымъ и беззащитнымъ я безоруженъ.

Клара начинала чувствовать все возрастающую симпатію

къ такому благородному мужчинѣ. Страхъ ея передъ нимъ разсѣялся. На слѣдующее утро, на разсвѣтѣ, для Вавельскаго уже былъ готовъ вкусный кофе со сливками, довольно объемистый свертокъ съ закусками, бутылка хорошей водки и даже плитка шоколада. Счастливецъ встрѣтился съ благороднымъ и отзывчивымъ сердцемъ, которое когда-либо билось въ женской груди. Несмотря на то, дверь изъ комнаты Клары въ угловую была заперта на два оборота ключа, завѣшана ковромъ и заставлена комодомъ. Клара чувствовала себя въ безопасности, но черезъ нѣсколько дней забезпокоилась о своихъ цвѣткахъ и, вооружившись отвагой и лейкой, отодвинула комодъ, подняла коверъ и впервые въ жизни вошла... въ комнату мужчины. Какъ билось ея сердце!

Вавельскій былъ на работѣ. Комната имѣла тотъ видъ, какой всегда имѣютъ комнаты для гостей, занятыя мужчиной и оставленныя на попеченіе прислуги. Постель смята, вещи и бѣлье разбросаны, полъ плохо выметенъ. Клара поливала цвѣты, трепеща отъ смущенія, но въ то же время ощущала жалость къ бѣдному вдовцу, лишенному заботливаго женскаго ухода. Потомъ какъ-то случилось, что она оправила постель, привела въ порядокъ вещи, даже перемѣнила бѣлье и вновь скрылась въ свою неприступную дѣвическую крѣпость.

— Ну, что же, сдѣлано доброе дѣло,—говорила она сама себѣ, хотя о такихъ добрыхъ дѣлахъ въ ея молитвенникахъ ничего сказано не было.

Вавельскій былъ очень благодаренъ за то, что его хорошо кормятъ, по воскресеньямъ приходилъ къ дамамъ побесѣдовать и его бесѣды дѣлали чудеса: панна Клара не только оживлялась, но стала даже улыбаться. Затѣмъ она начала разговаривать, и скоро Вавельскій узналъ всѣ обстоятельства ея жизни: дворянское происхожденіе, утонченное воспитаніе, сначала достатокъ, потомъ разореніе, смерть матери, борьба съ нуждой. Мягкое сердце Вавельскаго умилилось и преисполнилось участія, что онъ и выразилъ въ достаточно теплыхъ выраженіяхъ. Тогда ея душа расцвѣла: наконецъ-то, наконецъ ее поняли, и кто же?—мужчина!

Незамѣтно прошелъ мѣсяцъ. Къ крыльцу подана бричка, въ бричку уложены инструменты. Панна Клара была въ столовой одна. Землемѣръ подошелъ съ ней попрощаться.

— Прощайте,—глухо проговорила Клара, протягивая руку.

— Надѣюсь, до свиданія. Вы были ко мнѣ такъ добры и любезны, что съ моей стороны было бы большой неблагодарностью, если бы я чѣмъ-либо не отслужилъ вамъ. Надѣюсь

въ воскресенье увидѣть васъ въ церкви. И онъ поцѣловалъ ей руку.

Клара чуть не вскрикнула. Вавельскаго уже не было. Клара терла руку о платье, но, провожая глазами отъѣзжающую бричку, повторяла: „До свиданія, въ воскресенье въ церкви... Какъ онъ меня понимаетъ, какъ понимаетъ!“

Послѣ этого панна Клара бывала въ церкви чаще прежняго. Пани Таида, когда она просила у нея лошадей, немного ворчала, но, такъ какъ Клара въ послѣднее время меньше ныла и жаловалась, то и пани Таида съ своей стороны хотѣла сдѣлать ей какое-либо удовольствіе.

— Моя ханжа понемногу исправляется. Или это я къ ней привыкла, или она стала лучше, во всякомъ случаѣ въ концѣ концовъ мы, пожалуй, и сживемся. Эта постарше и посолиднѣе.

Такъ думала пани Таида, какъ вдругъ въ ясномъ небѣ грянулъ громъ.

Однажды ей докладываютъ, что пріѣхалъ Вавельскій, безъ цѣпи и безъ инструментовъ. Пани Таида вышла и съ удивленіемъ замѣтила, что гость тщательно выбритъ, разодѣтъ по праздничному и съ такой же праздничной физіономіей. Гость по своему обыкновенію безъ всякихъ предисловій приступилъ прямо къ дѣлу:

— Я пріѣхалъ просить, такъ сказать, вашего согласія и благословенія на вступленіе въ законный бракъ. Это вамъ будетъ, можетъ быть, не совсѣмъ пріятно, но оставлять моихъ сорванцовъ долѣе безъ призора никакъ невозможно. Войдите въ мое положеніе и простите великодушно.

— Что такое? На комъ вы женитесь?

— На паннѣ Кларѣ.

— Вы не съ ума сошли?—вырвалось у пани Таиды.

— Нѣтъ. Слава Богу, пахожусь въ здравомъ умѣ и твердой памяти. Всѣ меня поздравляютъ: ксендзъ, докторъ, аптекарь. Да и чѣмъ плоха партія? Панна Клара—помѣщичья дочь, въ совершенномъ возрастѣ, особа богобоязненная, отличается хорошимъ характеромъ и расположена ко мнѣ. Она одинока и во мнѣ найдетъ защитника, такъ что, кромѣ всего прочаго, я и доброе дѣло дѣлаю. Хорошенько обсудивъ и взвѣсивъ все вышесказанное, мы и порѣшили обвѣнчаться.

— Стало быть, вы объяснились и получили согласіе?

— Она выразила свое согласіе въ прошлое воскресенье послѣ обѣдни въ присутствіи ксендза-пробоща. Кстати, обѣщала ему не забывать и нуждъ костела. Теперь дѣло за ва-

шимъ согласіемъ. Получивъ его, ѣду къ ксендзу просить сдѣлать оглашеніе.

— Можете просить. Вы оба совершеннолѣтніе, если и не совершенно въ своемъ умѣ. Сейчасъ пришлю къ вамъ вашу невѣсту.

Пани Таида отправилась къ Кларѣ, которую застала въ ея кельѣ за шитьемъ. Въ кельѣ сильно было накурено ладаномъ, но на алтарѣ горѣла почему-то только одна лампада.

— Сейчасъ Вавельскій объявилъ мнѣ, что онъ вашъ женихъ, а вы его невѣста. Почему вы отъ меня это скрывали до сихъ поръ?

Панна Клара зардѣлась, какъ маковъ цвѣтъ.

— Мнѣ было стыдно. Онъ—мой будущій глава и господинъ, и я предоставила это ему.

— Подумали ли вы объ обязанностяхъ, которыя на себя берете? Справитесь ли вы съ ними?

— Надѣюсь исполнить свой долгъ. Господь сотворилъ женщину для любви.

— А, вы поняли это, наконецъ! Поздравляю. Но любовь любовью, а у Вавельскаго, кромѣ того, трое дѣтей и хозяйство. Придется много трудиться.

— Съ нимъ я ничего не боюсь!—прошептала Клара.

— Ну, такъ идите къ нему и назначайте время свадьбы. Съ моей стороны нѣтъ никакихъ препятствій. Вотъ, вы на самой себѣ удостовѣрились, какъ нужно быть снисходительной къ другимъ, когда дѣло идетъ о любви и увлеченіяхъ. Не забудьте этого и на будущее время.

— Никогда не забуду, что въ вашемъ домѣ мнѣ впервые улыбнулось счастье.

Нѣсколько времени спустя, въ сѣрой книгѣ прибавились слѣдующія строки:

„Обвѣнчались—и, слава Богу, что такъ кончилось. Теперь ужъ больше не буду вѣрить барышнямъ, ни зрѣлымъ, ни перезрѣлымъ. И моя святоша и ненавистница мужчинъ ничего не забыла: ни бѣлаго платья, ни вуаля, ни померанцевыхъ цвѣтовъ, а отвѣты ксендзу давала трепещущимъ голосомъ. Отроковица, да и полно! А въ метрикѣ не тридцать, а тридцать семь съ хвостикомъ. Вавельскаго прельстило больше всего то, что она дворянка и эксъ-помѣщица. На аптекаря это произвело тоже сильное впечатлѣніе и даже возбудило зависть къ нашему почтенному землемѣру. Невѣста такъ торопилась и хлопотала, что забыла у меня свой алтарь. Ужъ я уложила его и отослала къ ней. Думаю, что теперь его едва ли

водрузятъ вновь; вѣрнѣе, сорванцы Вавельскаго распорядятся имъ по своему. Одной въ домѣ мнѣ гораздо лучше, и не скоро меня уговорятъ опять обзавестись „интеллигентной труженицей“.

Теперь пани Таида могла выражаться такъ рѣшительно, потому что пріѣхалъ ея сынъ и снялъ съ нея добрую половину работы.

Сыномъ пани Таида была очень довольна. Онъ любилъ деревню и хозяйство и былъ благоразуменъ не по лѣтамъ. Годъ жизни за границей хорошо отозвался и на его внѣшности. Онъ сталъ общительнѣе и развязнѣе, а о томъ, что видѣлъ за границею, разсказывалъ съ увлеченіемъ. Увлеченія эти были, разумѣется, тоже хозяйственныя: породистый скотъ, усовершенствованныя орудія, улучшенныя сѣмена. Онъ мечталъ ввести все это въ Рудѣ. У матери былъ одинъ отвѣтъ:

— Почему же и нѣтъ. Но сначала найди средства. Ты знаешь, что капиталъ весь принадлежитъ Владѣ.

Казя погрузился въ хозяйство. Единственнымъ его развлеченіемъ была иногда охота. Обществомъ же, ни мужскимъ, ни въ особенности женскимъ, онъ по прежнему не интересовался. Мать не совсѣмъ одобряла послѣднее и почти насильно выпроводила его къ сестрѣ на именины, которыя праздновались всегда шумно и многолюдно. Передъ самымъ отъѣздомъ она дала ему старинный перстень съ солитеромъ и сказала:

— Это нашъ семейный талисманъ. Уже третьему поколѣнію онъ долженъ послужить обручальнымъ кольцомъ. Возьми его. Ты уже не мальчикъ, пора и тебѣ думать о женитьбѣ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, потому что ты самъ знаешь, какъ тебѣ нужна будетъ помощница и въ жизни, и въ хозяйствѣ. Я скоро попрошусь въ отставку.

Казя взялъ перстень довольно равнодушно.

— Какъ бы еще не потерять. Знаете, мама, пусть лучше у васъ останется, тѣмъ болѣе, что у меня нѣтъ никакой охоты ухаживать за барышнями.

— Есть охота или нѣтъ, а жениться надо. Тебѣ нужна хозяйка въ домѣ, помощница и другъ. Приглядывайся, ищи, потому что черезъ два года или ты самъ долженъ жениться, или я тебя женю, а старымъ холостякомъ не оставлю. Это не шутка. Это долгъ, и его надо исполнить. Сестра пишетъ мнѣ о двухъ очень хорошихъ дѣвушкахъ, Петровской и Грушецкой. Познакомься съ ними и потомъ разскажи, какими ты ихъ нашелъ. Ну, въ часъ добрый, поѣзжай. Можешь и недѣлю прогостить.

Кстати, если случится, промѣняй пристяжную Каштанку. Тамъ много будетъ лошадиныхъ охотниковъ.

Казя уѣхалъ, но уже на четвертый день вернулся.

— Ну, что, какъ провелъ время?

— Прекрасно. Каштанку промѣнялъ очень удачно Петровскому: взялъ недурную караковую и тридцать рублей придачи.

— Ну, а барышни какъ? Понравилась которая-нибудь?

— Барышни, какъ барышни. Чай разливаютъ, разговариваютъ о литературѣ, въ деревнѣ скучаютъ, немножко играютъ на фортепіано, немножно ухаживаютъ за цвѣтами. И Петровская такая же.

— А недурна?

— Не въ моемъ жанрѣ.

— А, у тебя есть свой жанръ! Кто же еще былъ? Танцовали?

— Какъ же. И я долженъ былъ съ ними вертѣться, но ни одна какъ-то не осталась въ памяти: такъ онѣ всѣ похожи одна на другую. Совершенно прейсъ-куранты машинъ и орудій. Прейсъ-куранты разные, а машины однѣ и тѣ же. Еслибы можно было сдѣлать имъ испытаніе, какъ это дѣлается съ вѣялками и сѣялками, тогда можно было бы сказать что-нибудь опредѣленное, а такъ, кто ихъ разберетъ: сидятъ рядышками у стѣнъ, и все тутъ.

— Ты, я вижу, еще мальчуганъ, притомъ глупый, — проворчала пани Таида, недовольная первыми шагами сына на поприщѣ жениха.

Четверо сутокъ не было лошадей, вернулись онѣ, перепавъ въ тѣлѣ, въ бричкѣ ослабѣла шина, кучеръ, очевидно, пьянствовалъ,—и все это только затѣмъ, чтобы этотъ дикій малый сравнилъ молодыхъ дѣвицъ съ вѣялками и сѣялками! Пани Таида не на шутку была недовольна, а тутъ вдругъ пришла ей въ голову еще одна непріятная мысль.

— А скажи, пожалуйста,—все забывала тебя спросить,—зачѣмъ это ты ѣздилъ въ Женеву?

— На сельскохозяйственную выставку,—совершенно спокойно отвѣтилъ Казя.

— Однако, видѣлся и со Стасей Озерской.

— Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: она тамъ учится.

— Можетъ быть, это она—въ твоемъ жанрѣ?

Казя посмотрѣлъ на мать съ выраженіемъ самаго искренняго удивленія. Можно было навѣрное сказать, что и самъ онъ никогда не задавалъ себѣ этого вопроса.

— Вотъ, ужъ я не знаю, право. Я о ней никогда не думалъ, какъ о женщинѣ. Она совсѣмъ непохожа на другихъ.

Пани Таида и тутъ осталась недовольна собою и подумала: „Очень нужно было спрашивать и наталкивать на эту мысль!“

— Да, непохожа, — вслухъ сказала она. — Чѣмъ меньше такихъ чудихъ, тѣмъ лучше. Въ нормальныхъ же условіяхъ жизни онѣ и совсѣмъ непригодны... Ну, покажи мнѣ твою караковую.

Пани Таида больше не заговоривала съ сыномъ о женитьбѣ, отложивъ это до будущаго года.

Снова миновало лѣто, быстро, какъ сонъ. Это было урожайное лѣто. Гумна и сараи были полны до крышъ, стояли большія скирды хлѣба и сѣна, озими были прекрасны, цѣны поднимались. Нехорошо было только то, что пани Таида снова осталась одна, имѣя въ перспективѣ длинные вечера, осеннее ненастье и зимній холодъ. Въ октябрѣ навѣстилъ ее Владя, но долго остаться не могъ; да и помощь отъ нѐго была невелика.

Однажды, болтая о своихъ знакомыхъ и разныхъ разностяхъ, онъ вдругъ сказалъ:

— А знаете ли, мама, вѣдь, у меня есть для васъ компаньонка или помощница, какъ хотите.

— Благодарю покорно, не надо ни того, ни другого. Въ „интеллигентныхъ труженицъ“ я больше не вѣрю. Грошъ имъ цѣна.

— Моя не изъ такихъ. У нея отецъ, мать, родня, состояніе и, наконецъ, женихъ, который черезъ годъ оканчиваетъ юридическій факультетъ. Городское бездѣлье ее тяготитъ, а городъ вреденъ для ея здоровья. Она бы съ удовольствіемъ и безъ вознагражденія поработала подъ вашимъ руководствомъ. Если надумаете, напишите мнѣ пару словъ, и я вамъ это дѣло устрою.

— Какъ-нибудь и такъ обойдусь. А на будущій годъ пріѣдетъ Казя, и я его женю..

— Какъ это легко вамъ представляется! Отчего вы меня не жените? Я—старшій и хоть сейчасъ готовъ подъ вѣнецъ, а Казю вы не такъ-то скоро уломаете.

— Ошибаешься. Казя всегда сдѣлаетъ то, что мнѣ пріятно, какъ ты—то, что мнѣ непріятно.

— А вотъ, вы увидите, какъ вы ошибаетесь и въ томъ, и въ другомъ.

— Что за загадки! Если ты что-нибудь знаешь, такъ скажи.

— Мнѣ сильно сдается, что онъ неравнодушенъ къ Стасѣ Озерской.

— Вздоръ!—разсердилась пани Таида.

— А она къ нему равнодушна,—договорилъ Владя.

— Откуда ты это знаешь? Они тебѣ говорили?

— Они не говорили, но я самъ вижу, что это такъ.

— Вздоръ, вздоръ!—повторила пани Таида, задумалась и спросила.—А у этой твоей протэже есть какой-нибудь толкъ въ головѣ?

— Умница, хорошо воспитана и мила. И недурна, и весела, но влюблена въ своего Кароля и, кромѣ него, ни на кого и смотрѣть не хочетъ. Право же, мама, она вамъ понравится. Попробуйте.

— Чѣмъ же она занимается?

— Даетъ уроки.

— А ея Кароль гдѣ?

— Въ Кіевѣ, въ университетѣ.

Больше пани Таида не разспрашивала, но около новаго года написала Владѣ:

„Если та барышня, о которой ты мнѣ говорилъ, не раздумала, я согласна сдѣлать еще одну пробу. Плата помѣсячно, потому что въ годовой срокъ я ужъ больше не вѣрю".

Чрезъ нѣсколько дней Владя извѣстилъ телеграммой, что панна Ирена выѣхала. Послали лошадей къ поѣзду и ждали пріѣзжую къ вечеру, но вечеромъ никто не пріѣхалъ. Пани Таида съ безпокойствомъ ждала до слѣдующаго дня, когда, наконецъ, вернулся экипажъ, а изъ него вышла молодая, худенькая и очень блѣдная дѣвушка; она была такъ взволнована, а можетъ быть, утомлена, что дрожала, какъ въ лихорадкѣ, и не могла слова вымолвить. Пани Таида поздоровалась, дала ей время придти въ себя и спросила:

— Отчего же вы вчера не пріѣхали?

— Нашъ поѣздъ сильно запоздалъ, а кучеръ сказалъ мнѣ, что засвѣтло мы не доѣдемъ. А я страшно боюсь ѣхать ночью.

— Чего же вы боитесь? Дорога широкая и прямая, не проселокъ.

— А волки, а въ лѣсу разбойники? Когда я подумала, что ѣхать далеко, а я одна, я рѣшилась лучше переночевать на станціи.

— Вы развѣ никогда не выѣзжали изъ города?

— Напротивъ, каждый годъ мы ѣздимъ на дачу.

— Ну, такъ это у васъ на дачахъ волки и разбойники, а у насъ о нихъ не слыхать.

— А кучеръ мнѣ говорилъ, что часто видитъ волковъ, и что однажды они его чуть не съѣли.

— Это онъ сочинялъ, чтобы васъ развлечь дорогой.

— Скверный!.. А я все время дрожала отъ страха!—улыбнулась дѣвушка, постепенно приходя въ себя.

Пани Таида повела ее въ столовую и предложила поѣсть.

— Очень вамъ благодарна, но ѣсть я совсѣмъ не хочу. У меня такъ болитъ голова отъ усталости и страха, что я только и мечтаю объ отдыхѣ.

— Въ такомъ случаѣ я проведу васъ въ вашу комнату. Лягте и отдохните.

Когда чрезъ нѣкоторое время пани Таида заглянула къ гостьѣ, та не спала. Хозяйка вошла снова, присѣла къ ней на кровать и спросила, какъ она себя чувствуетъ.

— Голова очень болитъ,—кротко отвѣтила дѣвушка, тронутая вниматедьностью пани Таиды.

— Часто это съ вами бываетъ?

— Очень часто. Вообще, здоровье мое плохое,—вздохнула гостья.

— Трудно работать съ плохимъ здоровьемъ.

— Можетъ быть, въ деревнѣ я оправлюсь. Я вамъ очень благодарна за то, что вы меня вызвали, и постараюсь, чтобы вы остались мною довольны.

— Ну, объ этомъ послѣ, а теперь постарайтесь заснуть,—сказала пани Таида, погладила ее по головѣ и вышла.

Вечеромъ пани Таида писала въ своей сѣрой тетради:

„Кажется, вмѣсто помощницы, Владя всучилъ мнѣ свою паціентку, съ которой ничего не могъ подѣлать въ городѣ, а мнѣ навязалъ должность сидѣлки. Несмотря на то, она мнѣ понравилась и тронула меня. Это такое кроткое, худенькое и блѣдное созданіе, что беретъ охота откормить и отпоить ее, какъ захудалаго теленка. Но, Богъ мой, какъ представляютъ себѣ всѣ эти женщины и дѣвушки то, что называется самодѣятельностью и борьбою за существованіе. Ни крови, ни мускуловъ, слабыя, безсильныя, боящіяся ночью проѣхать тридцать верстъ, онѣ вызываютъ на бой судьбу и жизнь!..“

На слѣдующее утро Ирена встала рано и, видимо, сразу хотѣла показать себя полезной: полила цвѣты, въ порядкѣ разложила газеты, а когда пани Таида пришла къ завтраку, сдѣлала чай и попросила дать ей работу.

— Я умѣю шить,—сказала она,—знаю бухгалтерію, дѣлаю искусственные цвѣты, притомъ, какъ говорятъ, недурно: я училась переплетному мастерству, немного рисую, а музыку знаю порядочно, такъ что давала уроки. Я подготовляла дѣтей до третьяго класса гимназіи и одно лѣто ходила на курсы пчеловодства.

Все это для пани Таиды не могло пригодиться, но разностороннія познанія гостьи заставили ее изумиться.

— На что же вамъ столько всякой всячины? Цѣлая энциклопедія!

— Я искала занятія, которое было бы мнѣ по душѣ и позволило бы не быть въ тягость родителямъ.

— Но за науку платили ваши же родители. Не думаю, чтобы это ихъ облегчало. Теперь я понимаю, отчего вы хвораете,—отъ курсовъ и зубренія. А барышей все-таки нѣтъ?

— Нѣтъ, — откровенно созналась Ирена. — Въ Варшавѣ шьей больше, чѣмъ шитья, плата ничтожная, заказчики народъ капризный. Я начала хворать и должна была оставить эту работу. Попробовала цвѣты,—то же самое. Тогда я занялась бухгалтеріей, получила аттестатъ, но сколько ни публиковала въ газетахъ, не нашла мѣста. Теперь всѣ женщины набросились на бухгалтерію и сбили цѣну до невозможнаго. Я не бойка, не умѣю ни просить, ни торговаться, а такъ какъ къ тому же и съ виду не отличаюсь здоровьемъ, то болѣе бойкія и здоровыя всегда перебивали у меня мѣста. Переплетное мастерство оказалось тоже невыгоднымъ, а къ рисованію у меня, по правдѣ сказать, мало способностей. Повезло только съ музыкой. Тутъ я, дѣйствительно, зарабатывала, но, занимаясь по десяти часовъ въ сутки, я ужъ совсѣмъ испортила себѣ здоровье и въ особенности нервы. Пришлось оставить музыку и попробовать пчеловодства. Это занятіе было бы полезно для нервовъ, но бѣда въ томъ, что женщинъ на пасѣки не берутъ: тамъ нужно знать и столярное дѣло, дѣлать ульи, а женщинамъ это не подъ силу. Итакъ, во всемъ неудача. А я училась усердно всему. И все это понапрасну.

Пани Таидѣ очень не понравилась повѣсть о такой безтолковой тратѣ силъ и денегъ: она уже готова была разсердиться, но искренность и правдивость дѣвушки обезоружили ее и она сказала:

— Вмѣсто того, чтобы такъ метаться, вамъ слѣдовало бы лѣтъ въ восемнадцать попросту выйти замужъ,—не увидѣли бы, какъ работа нашлась бы сама собой. Но теперь всѣ вы помѣшались на какой-то самостоятельности...

Ирена улыбнулась.

— Не помѣшались, а хотимъ быть настоящими и полезными помощницами мужу, а не игрушкой, мебелью, или обузой.

— А до васъ всѣ женщины были только игрушками и обузой? Не было ни умныхъ, ни самолюбивыхъ, ни у кого не было дипломовъ и аттестатовъ? Ошибаетесь. Только обо всемъ этомъ не говорили и не кричали, какъ о какомъ-то необы-

чайномъ подвигѣ. Конечно, были и пустышки, но развѣ и среди теперешнихъ нѣтъ такихъ? Ничто не ново подъ луною, а вы непремѣнно хотите выдумать что-то небывалое. Никогда еще не было такихъ плохихъ организмовъ, разбитыхъ нервовъ, расшатаннаго здоровья, какъ у теперешнихъ женщинъ. Вотъ, это, пожалуй, дѣйствительно ново. Причина же въ непосильномъ трудѣ надъ невыполнимыми задачами. Ваши дѣти будутъ вырожденцами,—вотъ и все, чего вы достигнете.

Ирена стала печальной.

— Ваша правда, и потому я не выйду замужъ.

— Какъ такъ? А сынъ говорилъ мнѣ, что у васъ есть женихъ.

— Былъ. Я ему отказала, все по этой причинѣ.

Грустно звучалъ ея голосъ, грустно смотрѣли глаза. Пани Тандѣ стало жалко ея.

— Ну, ну, не надо отчаиваться. Поправитесь, отдохнете, нервы укрѣпятся,—тогда и думать, и чувствовать станете иначе. Молодая дѣвушка, которая отказывается отъ любви, или лицемѣритъ, или больна. Вы непохожи на лицемѣрку.

— Нѣтъ, я не лицемѣрка!—совсѣмъ по-дѣтски воскликнула Ирена, краснѣя.

— Ну, а теперь поговоримъ, чѣмъ бы вамъ заняться у меня. Шитья у меня немного, и для него достаточно вечеровъ. Цвѣтовъ, быть можетъ, у васъ попроситъ ксендзъ въ маѣ. Учить вамъ здѣсь некого. Книги веду я сама, хотя и безъ бухгалтерскаго аттестата. Вамъ нужны движеніе и воздухъ,—займитесь садомъ и домомъ. Кстати, сегодня закладываютъ парники.

— Боже мой! Именно садоводству я не училась!

— И отлично, что не учились. Садовникъ у меня есть. Вы будете за нимъ присматривать, а я вамъ буду говорить, когда и что дѣлать. Приведите въ порядокъ домъ и кладовыя. Это то вы сумѣете?

— Мнѣ очень хотѣлось пройти курсъ поварской школы, и какъ бы это пригодилось, но мама заупрямилась.

— И хорошо, что хоть тутъ заупрямилась, а то у васъ въ головѣ сдѣлался бы винегретъ отъ всѣхъ безчисленныхъ школъ и курсовъ,—сказала пани Танда со смѣхомъ. Ее уже начинала забавлять эта неукротимая манія зубрежа и „слушанія“.

Ирена принялась за дѣло горячо. Не отставая, ходила она за пани Тандой, ко всему присматривалась и все ее необыкновенно удивляло: и лошади, и коровы, и собаки. Со-

бакъ она сначала приняла за волковъ, индюкъ произвелъ на нее такое внушительное впечатлѣніе, что она первая уступала ему дорогу; мужикамъ она говорила „вы“ и даже „панъ“. Деревню она видѣла вблизи впервые и на каждомъ шагу или поражалась, или умилялась. Въ амбарахъ она долго трудилась надъ тѣмъ, чтобы отличить одинъ хлѣбъ отъ другого и запомнить ихъ названія. Когда рѣзали теленка, она неутѣшно плакала. Въ овчарнѣ она подолгу играла съ ягнятами. Все время она повторяла:

— Сколько тутъ всего, и все это ваше! И все вы знаете, умѣете и понимаете! О, какая вы, должно быть, умная!

Пани Таида улыбалась, польщенная этой наивной похвалой.

— Ну, не большая въ этомъ мудрость. Всю жизнь все одно и то же дѣлаю,—вотъ, и научилась. Хитрости тутъ нѣтъ, а одна только выдержка. Сыновья, дастъ Богъ, оцѣнятъ мой трудъ и, надѣюсь, помянутъ добромъ, когда меня не станетъ.

— Вашъ сынъ, Владиміръ, очень васъ любитъ. Онъ всегда шутитъ и смѣется, но о васъ говоритъ серьезно и съ почтеніемъ. Я нарочно заговаривала съ нимъ о васъ и мечтала у васъ поучиться.

— Стало быть, Владя часто у васъ бываетъ?

— Онъ живетъ въ одномъ съ нами домѣ. Прошлою весной, когда у меня сдѣлалось воспаленіе легкихъ, мой отецъ разбудилъ его ночью и привелъ. Онъ мнѣ помогъ, а потомъ сталъ бывать по вечерамъ, какъ сосѣдъ. Такъ мы съ нимъ и познакомились.

Пани Таида не замѣтила ничего особеннаго ни въ тонѣ, ни въ выраженіи лица говорившей, но ей показалось, что она стала еще блѣднѣй и часто покашливала.

— Не слишкомъ ли много вы ходите и остаетесь на воздухѣ? Не болитъ ли у васъ что-нибудь?

— Ничего или почти ничего. Въ боку немножко колетъ, но это пройдетъ. Это у меня часто бываетъ.

На слѣдующій день Ирена должна была остаться въ постели, хотя рвалась къ работѣ. Но пани Таида не позволила: она задалась цѣлью поправить дѣвушку и стала слѣдить и ухаживать за ней, какъ за ребенкомъ. Изъ разсказовъ она узнала, что Ирена всю зиму въ Варшавѣ хворала, лѣчилась, плохо спала, плохо ѣла и видимо чахла. Это еще больше возбудило ея сожалѣніе. Она не позволяла ей много работать, велѣла одѣваться теплѣй, заставляла ее ѣсть. Помощи отъ Ирены не было никакой, напротивъ, еще и о ней надо было заботиться, но, къ удивленію, пани Таида на это не жалова-

лась, и даже въ ея сѣрой книгѣ не было объ этомъ ни слова. Правда и то, что Ирена совсѣмъ не походила на своихъ предшественницъ. Она хотѣла все знать и все умѣть и до слезъ огорчалась, когда ей что-нибудь не удавалось. Она говорила:

— Я у васъ дармоѣдъ. Я не могу такъ жить. Мнѣ стыдно.

— Конечно, стыдно, но не то. Стыдно быть такой худой и блѣдной, не ѣсть и вмѣсто того, чтобы спать, читать ночи напролетъ. Надо все это поправить, и тогда можно будетъ работать. А до тѣхъ поръ извольте сидѣть смирно и слушаться. Если не хотите быть у меня на хлѣбахъ, займитесь музыкой. Вы будете играть, а я съ удовольствіемъ стану слушать.

Настроили старую рояль — впервые въ Рудѣ,—и по вечерамъ Ирена играла. Играла она очень мило, и пани Таида заслушивалась, подолгу просиживая неподвижно, опустивъ на колѣни работу. Иногда она ворчала:

— Такое славное созданіе—и такое больное. Могла бы составить чье-нибудь счастье, если бы не эта глупая эмансипація, надорвавшая дѣвушку. Жаль, жаль.

Читать по ночамъ Иренѣ было запрещено. Услѣдить за этимъ пани Таида не могла, потому что вставала очень рано, цѣлый день была на ногахъ, а потому спала крѣпко, какъ и слѣдуетъ здоровому человѣку. Все-таки однажды ночью она заставила себя встать и отправилась дозоромъ. Въ комнатѣ Ирены горѣлъ огонь, а сама она сидѣла у стола за книгой.

— Такъ вы вотъ какъ!—разсердилась пани Таида.—Вмѣсто того, чтобы спать, вы сидите надъ романами, навѣрно очень глупыми. Извольте-ка дать мнѣ ключъ отъ книжнаго шкафа!

Дѣвушка растерялась, тотчасъ же дала ключъ, заплакала и стала извиняться.

— Это не романъ. Посмотрите сами. Это курсъ садоводства и ботаники. Мнѣ стыдно передъ садовникомъ за мое невѣжество, и я учусь...

Пани Таида все-таки съ неудовольствіемъ взяла книгу.

— И учиться вамъ запрещаю, а чтобы вы лучше слушались, я переведу васъ въ комнату рядомъ съ моей. Если и это не поможетъ, я напишу вашимъ родителямъ, что вы себя изводите, меня не слушаетесь и вообще ведете себя дурно. Извольте сейчасъ же ложиться въ кровать... Развѣ вы сами не замѣчаете, что всѣ эти „курсы“ у васъ просто пунктъ помѣшательства?

— Но я ничего не знаю, ничего не умѣю и даромъ ѣмъ вашъ хлѣбъ. Я теперь убѣдилась, что садоводство и ботаника настоящее мое призваніе,—всхлипывая, говорила Ирена.

— Учитесь, по крайней мѣрѣ, только днемъ. Настоящее ваше призваніе — поправиться, а для этого надо слушаться меня.

Подобныя сцены происходили чуть не ежедневно. Бѣдная дѣвушка бредила ученьемъ и трудомъ.

Къ счастью, приближалась весна, и дѣвушкѣ можно было больше пользоваться воздухомъ безъ риска простудиться. Да и мартовскій воздухъ дѣлалъ свое дѣло: она загорѣла, чувствовала себя бодрѣе и лучше ѣла. Цѣлые дни она была въ саду, рвала весенніе цвѣты и неотступно разспрашивала пани Таиду о садоводствѣ и огородничествѣ.

— Вы рѣшительно все на свѣтѣ знаете!—наивно восхищалась она.

Однажды Ирена отправилась на пасѣку и вернулась оттуда съ распухшимъ лицомъ и снова въ слезахъ, но не отъ боли а отъ огорченія: видно, и съ пчелами она не умѣетъ обращаться, если онѣ ее такъ немилосердно искусали.

— Должно быть, я недостаточно усвоила себѣ курсъ пчеловодства,—горевала она.

— Опять „курсъ“! Конечно, это манія! — отвѣтила пани Таида. — Выбросьте вы ихъ, пожалуйста, изъ головы. Года два терпѣнія и практики—вотъ вамъ и курсы.

— Нѣтъ, просто это я глупа и ничего не умѣю сдѣлать. Цѣлый день возилась на пасѣкѣ, а только и вышло, что меня искусали пчелы. Что же бы было, еслибы у меня было столько дѣла, какъ у васъ?

— Какое же вы дитя! Я работаю вотъ уже тридцать лѣтъ, у меня множество помощниковъ и исполнителей. Со мною вамъ нечего себя сравнивать. Для васъ и вашихъ силъ вы работаете достаточно. Не надо нервничать, эдакъ вы никогда не поправитесь!

Но всѣ уговоры были напрасны. Ирена по прежнему оставалась недовольна собой и по прежнему рвалась учиться и работать. Она еще помнила, что за излишнее усердіе ей велѣли лечь въ постель, и была послушнѣе и менѣе ретива, но все-таки не настолько, какъ хотѣлось бы пани Таидѣ.

Снова пришла весна, заблагоухала сирень, и вдругъ совсѣмъ неожидано пріѣхалъ Владя. Пани Таида была ему рада, но онъ привезъ съ собой дурныя вѣсти: Озерскій скоропостижно умеръ отъ аневризма, а жена его чуть не лишилась разсудка.

— Я возился съ ней трое сутокъ безотлучно,—разсказывалъ Владя. — Телеграфировалъ дочерямъ, и знаете, мама,

кто изъ нихъ тотчасъ же пріѣхалъ?.. Стася.—чего я ожидалъ меньше всего. Обѣ другія отговорились: одна болѣзнью ребенка, другая непмѣніемъ средствъ и дальностью разстоянія. Когда я женюсь, и у меня будутъ дочери, всѣхъ замужъ не выдамъ; одна будетъ дежурить при мнѣ на всякій случай... Итакъ, откликнулась Стася, несмотря на то, что потеряетъ цѣлое полугодіе, послѣднее и самое важное. Объ этомъ обстоятельствѣ она даже не заикнулась, а занялась больной, притомъ съ такимъ умѣніемъ и знаніемъ дѣла, что я наговорилъ ей комплиментовъ и хотѣлъ поцѣловать руку. За послѣднее я былъ выставленъ за дверь. Какъ видно, курса вѣжливости и свѣтскихъ приличій она не слушала.

— И не сказала „спасибо“ за твои заботы о матери?

— Сказала, и даже очень, но по своему, по прежнему, погрубіянски... А что же я не вижу панны Ирены?

— Она, должно быть, въ саду... Что же, Озерская, по твоему, поправится?

— Я надѣюсь... Вы ею довольны?

— Кѣмъ? Озерской? Что ты городишь?!

— Я говорю о паннѣ Иренѣ.

— Вотъ, о комъ! Откровенно говоря, помощи мнѣ отъ нея мало, но сама она мнѣ нравится. Дѣвушка хорошая, хотя и помѣшана на „курсахъ“.

— Я привезъ ей письмо отъ родителей. Зовутъ ее къ себѣ.

— Какъ не во время! Она только что начала поправляться.

— Старики безъ нея скучаютъ.

— Какая досада! Только что нашелся человѣкъ по сердцу, какъ его у меня отнимаютъ. Кромѣ того, опять изволь искать, чтобы найти другую Ванду или Клару.

— Стало быть, я вамъ угодилъ? Видите, какой я знатокъ людей. Когда я найду себѣ невѣсту, можете дать мнѣ благословеніе за-глаза. Не правда ли?

— Только выбирай покрѣпче и поздоровѣе. У тебя больныхъ достаточно и внѣ домашняго очага. Во всякомъ случаѣ ты хорошо сдѣлалъ, что пріѣхалъ. Больные меня осаждаютъ и спрашиваютъ: „когда же пріѣдетъ нашъ докторъ?“ Но, видно, другой Диси они не дождутся. Иренѣ я о нихъ и заикнуться не смѣла. Сейчасъ начались бы новыя слезы, о томъ, что она не прослушала курса медицинскихъ и хирургическихъ наукъ. Я и говорю: тутъ не безъ легкаго помѣшательства!.. Что же, Озерскій оставилъ что-нибудь? Не знаешь?

— И весьма знаю, потому что читалъ завѣщаніе. Покойникъ былъ человѣкъ запасливый: женѣ и дочерямъ, каждой,

по пятнадцати тысячъ оставилъ... Давно ли вы имѣли извѣстія отъ Кази? Мнѣ онъ уже мѣсяцевъ шесть ничего не писалъ.

— Мнѣ онъ пишетъ каждую недѣлю, но по своему обыкновенію о себѣ ничего, кромѣ того, что живъ и здоровъ. Къ іюлю, дастъ Богъ, окончитъ и пріѣдетъ домой...

— А не пойти ли намъ въ садъ?—оживленно предложилъ Владя.

— Ступай. Съ меня и такъ довольно моціона, да и комнату тебѣ надо приготовить.

Владя вышелъ на крыльцо и зорко оглядѣлся. Отовсюду неслись ароматы весны и пѣніе птицъ. Онъ прошелъ одну аллею, другую, свернулъ въ яблочный садъ,—Ирены нигдѣ не было. Наконецъ, что-то мелькнуло въ парникахъ, онъ поспѣшилъ туда и засталъ Ирену надъ капустной разсадой, которую она продергивала.

— Мое почтеніе, панна Ирена. Я искалъ васъ среди цвѣтовъ, а нахожу склоненною надъ салатомъ!

— Это не салатъ, а капуста,—отвѣтила она, подавая ему руку.

— Въ настоящую минуту это для меня все равно, потому что меня интересуетъ вотъ что: неужели мое неожиданное появленіе не производитъ на васъ ровно никакого впечатлѣнія? Стоило мчаться изъ Варшавы, чтобы встрѣтить такое глубокое равнодушіе.

— Я узнала о вашемъ пріѣздѣ отъ садовника, и имѣла время совладать съ собою,—смѣясь, сказала Ирена.

— И не хотите отвернуться отъ капусты, чтобы подарить меня взглядомъ...

— Это я все еще не вполнѣ совладала съ собою.

— Я нахожу въ васъ много новаго. Хорошій цвѣтъ лица, пополнѣли, хотя и недостаточно, наконецъ, довольно злая иронія. Откуда это?

— Это еще съ Варшавы, отъ васъ тамъ научилась.

— Еще немножко деревенскаго воздуха, и вы загоняете учителя. Къ счастью, родители безъ васъ соскучились и зовутъ васъ въ Варшаву.

— Третьяго дня они писали мнѣ, что я могу оставаться здѣсь, сколько хочу. Значитъ, они соскучились вдругъ, сутками позднѣе, вчера.

— Этого я не могу вамъ сказать навѣрно, но они шлютъ вамъ со мною приказъ вернуться въ отчій домъ.

— Съ вами? Отчего же не иначе какъ-нибудь? Пойдемте однако, въ домъ.

Владѣ хотѣлось продолжать бесѣду на свободѣ, и онъ попытался уклониться.

— А занятія съ капустой? Я охотно подожду, пока вы кончите.

— Капустой я займусь, когда вы расположитесь на отдыхъ послѣ дороги.

Владя поморщился.

— Эхъ, панна Ирена!—проговорилъ онъ.—Я вамъ сказалъ, что не отстану отъ васъ,—и не отстану!

Ирена сдѣлала нетерпѣливый жестъ и скорымъ шагомъ направилась къ дому. Владя шелъ за ней, нимало не смущенный.

— Давно ли вы были у моихъ? Здоровы ли они?—спросила Ирена.

— Всѣ здоровы. Я заходилъ къ нимъ вчера за письмомъ. Кромѣ того, они дали мнѣ для васъ посылку.

— Зачѣмъ же посылка, когда они зовутъ меня домой?

Владя какъ будто затруднился отвѣтомъ.

— А это, видите ли, довольно сложная исторія. Посылка была мнѣ вручена нѣсколько раньше; письмо же было написано позже. Письмо мнѣ отдали, а про посылку и забыли совершенно... Но въ чемъ же затрудненіе? И вы поѣдете, и посылку съ собой обратно въ Варшаву повезете. Я возвращаюсь въ четвергъ и могу вамъ сопутствовать.

— Благодарю за любезность. Къ сожалѣнію, я поѣду только тогда, когда пани Старчевская меня прогонитъ, притомъ ни въ какомъ случаѣ не съ вами.

— Это почему же?

— Потому что я привыкла ѣздить безъ постороннихъ кавалеровъ.

— Панна Ирена! Я вамъ отнынѣ не посторонній. Я совершенно забылъ вамъ сообщить, что я не выдержалъ, объяснился съ вашими родителями, и они ничего не имѣютъ противъ меня. Что касается ихъ, то они согласны.

Ирена остановилась, съ величайшимъ изумленіемъ посмотрѣла на него и потомъ пожала плечами.

— Это послѣ того, какъ я вамъ отказала?!.. Теперь, разумѣется, я не могу тутъ оставаться и должна возвратиться къ родителямъ. Разодолжили! Но долгъ платежомъ красенъ: вы объяснились съ моими родными, а я объяснюсь съ вашей матерью, сейчасъ же!

— Зачѣмъ же сейчасъ? Не лучше ли, когда я уѣду?—не безъ тревоги спросилъ Владя.—Пожалуй, я не стану къ вамъ больше приставать и буду ждать молча и терпѣливо.

— Не ждите, я за васъ не выйду. А пани Старчевской я должна все сказать сегодня же. Я слишкомъ люблю и уважаю ее, чтобы отъ нея что-нибудь скрывать.

— Но, вѣдь, это отъ нея секретъ, тайна, наша тайна!

— Вотъ, именно я не хочу, чтобы это было „нашей“ тайной.

Ирена шла все быстрѣе, и они были уже на крыльцѣ. Вдругъ Владя расхрабрился.

— Ну, хорошо,—сказалъ онъ.—Говорите, что вамъ угодно, но при мнѣ. И я скажу все. И прекрасно!

Пани Таида встрѣтила молодыхъ людей въ столовой и пристально на нихъ посмотрѣла. Ирена была взволнована и недовольна; Владя имѣлъ видъ человѣка, который потерпѣлъ неудачу, но не сдался и намѣренъ продолжать борьбу. Еслибы не прислуга, оба сейчасъ же приступили бы къ дѣлу,—но пришлось отложить до вечера.

Вечеромъ Ирена пришла въ комнату пани Таиды и попросила выслушать себя. Пришелъ и Владя. Пани Таида сидѣла въ креслѣ и вопросительно посматривала то на одного, то на другую: что будетъ дальше? Заговорила Ирена; она была взволнована.

— Это довольно длинная исторія, но надо, чтобы вы ее знали. Начну съ начала. Я познакомилась съ вашимъ сыномъ, какъ съ врачемъ. Я была больна, онъ меня лѣчилъ и, въ качествѣ врача, пришелъ къ заключенію, что мой ограничмъ изъ рукъ вонъ плохъ, что у меня начало чахотки и что о замужествѣ мнѣ и думать нечего. Это было сказано моимъ родителямъ и моему жениху. Я повѣрила,—потому что какъ можно было не вѣрить доктору?—и возвратила жениху его слово. Всѣ мы горевали, но время шло, и я и моя семья примирились съ судьбою. И вдругъ вашъ сынъ, панъ Владиміръ, дѣлаетъ мнѣ предложеніе!..

Пани Таида молча метнула на сына такой взглядъ, что у того по старой памяти по спинѣ поползли мурашки. Потомъ такой же взглядъ былъ брошенъ на Ирену, и Таида спросила ее:

— И вы предложеніе приняли?!

— Конечно, нѣтъ! Вѣдь, онъ же самъ нашелъ, что мнѣ замужъ идти нельзя. Когда ему напомнили объ этомъ, онъ сталъ шутить и сказалъ, что это былъ просто пріемъ устранить соперника и добиться моей руки. Развѣ все это не ужасно?!

— Стало быть, по вашему, было бы не ужасно, еслибы я подстрѣлилъ соперника на дуэли?—перебилъ Владя.

— Я отказала и просила оставить нашъ домъ. Я была

возмущена до глубины души и была увѣрена, что нога его больше у насъ не будетъ. Не тутъ-то было! Дня черезъ два онъ является къ намъ. Какъ это вамъ покажется?!

— И не черезъ два, а на слѣдующій же день,—снова замѣтилъ Владя.

— Онъ пришелъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Правда, о своей любви онъ не говорилъ, но началъ держать себя еще болѣе странно: разсказывалъ о своихъ интригахъ, о своихъ побѣдахъ и успѣхахъ. Словно я его товарищъ и мужчина.

— Ошибаетесь, я хотѣлъ возбудить въ васъ ревность.

— Вы плохо меня знаете! Я и не думала ревновать, даже была довольна, что ваши ухаживанія за мной кончились.—Тутъ Ирена снова обратилась къ пани Таидѣ.—Я все прихварывала, доктора совѣтовали мнѣ уѣхать въ деревню, вашъ сынъ много говорилъ мнѣ о Рудѣ, о васъ и о возможности поѣхать къ вамъ. Мы подумали, и я къ вамъ пріѣхала. Не умѣю выразить, какъ хорошо мнѣ было у васъ и съ вами. Вашъ сынъ все это испортилъ: сбросивъ маску дружбы, онъ вдругъ снова сдѣлалъ предложеніе, но уже не прямо мнѣ, а моимъ родителямъ.

— У васъ все „вдругъ"! А я люблю васъ вотъ уже два года, и для меня это совсѣмъ не „вдругъ".

— Вы, должно быть, увѣрили моихъ родителей, что мои чувства къ вамъ измѣнились, вообще какъ-нибудь ихъ обошли. Такъ можно думать изъ ихъ письма, въ которомъ они пишутъ, что, если ваша матушка согласна, то съ ихъ стороны препятствій нѣтъ. Вы только забыли, что и у меня есть воля, и что я по прежнему вѣрю въ вашъ первоначальный приговоръ о невозможности для моего здоровья брака.—Ирена обратилась къ пани Таидѣ.—Послѣ всего этого я должна отъ васъ уѣхать, но я никогда не забуду того счастливого времени, которое я провела съ вами, и всегда буду благодарна за ваше расположеніе и совѣты.

Пани Таида снова подарила сына суровымъ взглядомъ.

— Ну, а ты,—какъ ты назовешь свои поступки?

— Я ихъ назову—любовью. Въ разсказѣ панны Ирены я черенъ, какъ чортъ, или, по крайней мѣрѣ, какъ негръ. Панна Ирена увѣрена, что сразила меня и я раскаюсь. Ничуть! Всѣ мои преступленія я готовъ начать сначала и, если понадобится, повторю ихъ, а она все-таки будетъ моею... Я ни въ чемъ не могу упрекнуть себя. Дѣло было такъ. Однажды ночью меня будятъ и зовутъ къ больной. Какъ ни непріятно, когда васъ будятъ ночью, я всталъ, пошелъ, увидѣлъ — и

былъ побѣжденъ, то есть, влюбился по уши. Мнѣ самому не вѣрилось, но это было такъ. Я сдался далеко не безъ борьбы, я испробовалъ много, и нешуточныхъ средствъ, освободиться отъ этого навожденія,—ничто не помогало! А разъ я сдался, я сказалъ себѣ, что теперь никому не уступлю плодовъ моего пораженія,—ни жениху, ни чорту, ни дьяволу, ни цѣлому свѣту. Мама, я имѣю честь быть сыномъ матери, у которой сказано—сдѣлано. До сихъ поръ, правда, я мало сдѣлалъ, но зато ужъ теперь, благо подвернулся хорошій случай, я покажу себя! И отчасти уже показалъ. Я началъ съ жениха. По словамъ панны Ирены, этотъ господинъ—невинная жертва моихъ интригъ; а по моему, развѣ это любовь, когда отъ нея такъ легко отказываются? Онъ ровно ничего не сдѣлалъ, чтобы удержать свою невѣсту: не усумнился въ моемъ діагнозѣ, который, какъ видите, оказался вздоромъ, не озаботился созвать консиліумъ, не просилъ отсрочки окончательнаго рѣшенія, даже очень мало волновался. И теперь онъ преспокойно ходитъ на лекціи, да дуется въ винтъ. Вотъ какое это сокровище, и еслибы не предубѣжденіе панны Ирены противъ меня, она должна бы благодарить меня за то, что я избавилъ ее отъ этой скучнѣйшей флегмы. Но нѣтъ справедливости въ ея душѣ,—развѣ мнѣ современемъ удастся внѣдрить ее туда!

Ирена, наконецъ, вспылила.

— Довольно шутовства!—воскликнула она.—То, надъ чѣмъ вы шутите, для меня не шутки.

— Я и не думаю шутить. Я въ настоящую минуту просто счастливъ. Счастливъ тѣмъ, что я васъ люблю, — люблю, и могу говорить объ этомъ... Далѣе. Вы намекали, что я „обошелъ“ вашихъ родителей. Зачѣмъ мнѣ ихъ обходить, когда я ихъ просто-на-просто люблю за то, что они выростили для меня такую дочку, какъ вы? За это я за нихъ въ огонь и въ воду пойду, я буду для нихъ не просто почтительнымъ зятемъ, а самымъ преданнымъ сыномъ...

— Такъ вы все еще надѣетесь?

— Надѣюсь, это мало,—я вѣрю. И вы недолго будете упрямиться. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ я плохъ? Я молодъ, здоровъ, говорятъ, недурной наружности, характеръ у меня веселый и покладистый, а съ тѣхъ поръ, какъ я васъ полюбилъ, я сталъ и высоконравственнымъ мужчиной. У меня доходная спеціальность, недурныя связи, расположеніе вашихъ родителей, наконецъ, такъ какъ вы не любите никого другого, то безпрепятственно можете полюбить меня. Послѣдняго, правда, при-

ходится ждать, можетъ быть, и порядочно долго, но, что дѣлать, надо быть снисходительнымъ къ человѣческимъ странностямъ! Поупрямитесь, а потомъ и перестанете.

Ирена готова была придти въ настоящую ярость.

— Извольте замолчать! То, что вы называете упрямствомъ, по моему, чувство чести и собственнаго достоинства. Я не вещь, не раба, которую можно взять. Я отказываю вамъ еще разъ, окончательно, самымъ торжественнымъ образомъ! И, если вы все-таки осмѣлитесь меня преслѣдовать, я васъ назову...

Тутъ пани Таида остановила ее движеніемъ руки.

— Не договаривай! — сказала она. — Можно отказать въ просьбѣ, но не оскорблять просящаго. Это было бы не великодушно. Онъ поступалъ дурно и легкомысленно, но теперь это кончено. Въ томъ я тебѣ порукой.

— Не ручайтесь, мама,—горячо прервалъ Владя.—Я остаюсь при своемъ.

— Ты завтра уѣдешь въ Варшаву.

— А панна Ирена?

— Панна Ирена не обязана отдавать тебѣ отчета. Кромѣ того, ты становишься просто-на-просто невѣжливъ. Я не узнаю тебя.

Владя замолчалъ, но въ головѣ его пробѣжала мысль, что съ нимъ или безъ него, а Иренѣ придется вернуться домой. А тамъ видно будетъ.

— Поѣзжай,—говорила пани Таида, — и займись своимъ дѣломъ. И ко мнѣ прошу не являться, пока ты не опамятуешься и не поймешь, что ты надѣлалъ.

Владя молчалъ. Онъ начиналъ понимать, что еще одно сраженіе проиграно. Внезапно онъ малодушно упалъ духомъ, покорно, какъ встарь послѣ порціи березовой каши, поцѣловалъ у матери руку, церемонно, но въ сопровожденіи убійственнаго взгляда, поклонился Иренѣ и вышелъ.

Ирена опустилась на колѣни у стула пани Таиды.

— Не сердитесь на меня,—сказала она.

— Я не сержусь, но жалѣю, что вы не разсказали мнѣ всего раньше. Это избавило бы васъ отъ сегодняшнихъ непріятностей, а вашихъ родителей отъ напрасныхъ заботъ. Малый совсѣмъ одурѣлъ. Я его не хвалю, но и вы его извините. Кто ихъ дѣлаетъ такими самонадѣянными, какъ не женщины? Избалованные дешевыми побѣдами, они всѣхъ начинаютъ мѣрить на одинъ аршинъ. Спасибо вамъ, вы дали ему хорошій урокъ. Это ему пригодится.

— Вы думаете, что онъ оставитъ меня теперь въ покоѣ?

— Увѣрена въ этомъ.

— А я нѣтъ. Вы замѣтили, какъ онъ на меня, уходя, взглянулъ? Навѣрно, какъ только я вернусь домой, онъ явится къ намъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Это меня въ отчаяніе приводитъ, бѣситъ!

— Не приходите въ отчаяніе. Вы его не увидите, потому что не уѣдете отсюда,—съ улыбкой возразила пани Таида.

— Это невозможно!—воскликнула Ирена.—Я должна уѣхать, я не могу остаться у васъ.

— Напротивъ, тутъ вамъ безопаснѣй всего. Я напишу вашимъ и объясню, въ чемъ дѣло. Вы ко мнѣ привыкли, а я къ вамъ, здоровье ваше поправляется, — родители, конечно, согласятся. А Владя носа сюда не покажетъ. Вычеркнемъ сегодняшній день изъ памяти, — и кончено. Идите спать и ни о чемъ не думайте. Но еще вопросъ: скажите, ваше сердце не пострадало во всей этой исторіи?

— Нѣтъ. Въ душѣ я согласна съ мнѣніемъ вашего сына о моемъ бывшемъ женихѣ. Онъ въ самомъ дѣлѣ мало меня любилъ, когда такъ легко оставилъ.

— Такъ что мой сынъ не причинилъ вамъ несчастія? Вы не чувствуете къ нему большой вражды?

Ирена мгновеніе подумала.

— Меня такъ раздражаетъ его самоувѣренность, что я выхожу изъ себя и, пожалуй, иногда въ самомъ дѣлѣ ненавижу или хочу его ненавидѣть. Но потомъ мнѣ становится скорѣй смѣшно, чѣмъ досадно. Онъ въ сущности хорошій, искренній и презабавный человѣкъ. Если бы не эти объясненія въ любви: мы были бы добрыми друзьями.

Пани Таида помолчала, потомъ улыбнулась и сказала:

— Ну, и слава Богу. Идите же спать, а завтра, когда вы проснетесь, вашъ преслѣдователь уже будетъ на желѣзной дорогѣ.

На другой день по возвращеніи въ Варшаву Владя, какъ и предвидѣла Ирена, явился къ ея родителямъ. Въ первую же минуту онъ спросилъ, пріѣхала ли Ирена?

„Должно быть, пріѣдетъ завтра“,—подумалъ онъ, когда Ирены не оказалось.

Пока Владя придумывалъ, что ему соврать по поводу своей поѣздки, вошла мать Ирены, и онъ по ея лицу сейчасъ же угадалъ, что той уже все извѣстно.

— Какъ жаль,—заговорила она,—что Ирена думаетъ иначе, чѣмъ мы, и очень мило съ вашей стороны, что вы не обидѣлись и пришли.

„Такъ-то такъ,—думалъ Владя,—но чему она улыбается?"

— Когда же ждете вы панну Ирену?—спросилъ онъ.

— Въ томъ-то и дѣло, что она не вернется. Ваша матушка не пускаетъ ее и пишетъ, что Ирена вамъ отказала наотрѣзъ. А такъ какъ деревня для Ирены полезна, и съ вашей матерью онѣ сошлись, то она и осталась на неопредѣленное время. Вы въ Рудѣ почти не бываете, такъ что оба вы гарантированы отъ встрѣчъ, которыя теперь, конечно, были бы для васъ обоихъ непріятны.

Владѣ показалось, что онъ, торчмя головой, съ высокаго моста упалъ въ рѣку. И видъ у него былъ соотвѣтствующій вытаращенные глаза, полная невозможность произнести слово и изумленное лицо.

„Это маменькины штуки",—подумалъ онъ и, наконецъ, воскликнулъ:

— Да кто же вамъ сказалъ, что эти встрѣчи были бы для меня непріятны? Ну, исторія!..

— Ирена, очевидно, ихъ не желаетъ. Ничего не подѣлаешь; какъ видно, между вами все кончено, хотя мы были и остаемся вашими сторонниками.

— Да, это маменька мнѣ удружила! — снова воскликнулъ Владя.

— Нѣтъ, не она. Она желаетъ Иренѣ всяческаго добра, за что я всю жизнь буду ей благодарна.

— За что? За то, что вашу дочь будутъ держать на положеніи компаньонки въ Рудѣ, въ этой дырѣ?!

— Ирена довольна Рудой. Видно, ей тамъ хорошо. Она пишетъ, что совершенно счастлива.

— Разумѣется, счастлива, потому что я несчастенъ. Это похоже на нее.

Владѣ оставалось только уйти домой, гдѣ онъ сейчасъ же принялся за письмо въ Руду. Это письмо вернулось нераспечатаннымъ. Тогда Владя принялся сочинять разнаго рода планы и проекты, одинъ другого фантастичнѣй и невыполнимѣй. Наконецъ, молодой человѣкъ опомнился и принялся усиленно работать. У родителей Ирены онъ не переставалъ бывать и объяснилъ имъ, что откажется отъ ихъ дочери только тогда, когда ее обвѣнчаютъ съ другимъ, а до тѣхъ поръ все остается по старому. На мать онъ сердился и писалъ ей лаконическія, но исполненныя жалобъ и укоризнъ письма.

Однажды вечеромъ на квартирѣ Влади появился проѣздомъ въ Руду Казя. Онъ пріѣхалъ прямо съ желѣзной дороги и былъ очень удивленъ, заставъ брата дома и за книгой.

— Ты боленъ? — спросилъ онъ.

— Почему ты это думаешь?

— Потому что ты похудѣлъ и сидишь дома.

— Такъ, зачитался, но здоровъ. А ты въ Руду?

— Да, и навсегда. Завтра и уѣзжаю, а къ тебѣ мимоѣздомъ.

— Навсегда? Охота законопатить себя въ глушь.

— Мать этого желаетъ.

— Нѣтъ, завтра я тебя не отпущу, погости хоть немного. Не понимаю матери, которая тебя туда тащитъ. А у тебя ни на копѣйку воли и самостоятельности. Тебѣ слѣдовало бы еще, по крайней мѣрѣ, годъ попрактиковать, не говоря уже о томъ, что съ твоими способностями ты могъ бы найти отличное мѣсто и получать тысячи вмѣсто того, чтобы быть у маменьки на побѣгушкахъ. Не воображай, что она откажется быть командиршей. Не откажется! Она будетъ барыней, а ты у нея даровымъ приказчикомъ.

— Ничего не подѣлаешь, ей безъ помощи быть нельзя, я съ этимъ давно примирился и привыкъ къ этой мысли. Да и кромѣ того, лучше хоть приказчикомъ быть, да на своемъ, чѣмъ получать тысячи въ чужомъ хозяйствѣ.

Владя молчалъ, но что-то видимо очень его безпокоило.

— Ты знаешь, что у матери новая компаньонка? — спросилъ онъ.

— Знаю. Эта, говорятъ, пришлась ей по праву. Это ты нашелъ такое сокровище?

Владя понялъ, что братъ не знаетъ его исторіи съ Иреной, и самъ заговорилъ объ этомъ.

— Да будетъ тебѣ извѣстно, что я съ нею помолвленъ!

— Съ компаньонкой? Скоро свадьба? — невозмутимо спросилъ Казя.

Владя не выносилъ этой невозмутимости.

— А чортъ же знаетъ, когда она будетъ, эта свадьба!

— Отчего же это извѣстно только чорту?

— Оттого, что она мнѣ отказала.

— Вотъ, почему. А говоришь, что помолвленъ. Мамѣ это извѣстно?

— И весьма. Но сего мало. Маменька устроила слѣдующее: ее держитъ въ Рудѣ, а мнѣ доступъ туда строжайше запрещенъ. Понимаешь ты это? Совершенно посторонняя ей дѣвица изволитъ капризничать, а родному сыну отказано отъ дома.

— Это не спроста, ты навѣрно тутъ что-нибудь здорово начудилъ, — улыбнулся Казя. — Однако, любопытно будетъ взглянуть на дѣвицу, которая даже тебя заохотила жениться.

— Любопытствуй, но не вздумай ухаживать. Помни, что она моя.

— Но, вѣдь, она тебя отвергла. Совсѣмъ не узнаю тебя; ты, надо думать, въ самомъ дѣлѣ втюрился.

— Нечего подтрунивать. Ты въ этихъ вещахъ ничего не понимаешь. Ты женишься по приказанію мамаши, по-мужицки,— но только не на Пренѣ! „Мессинскую невѣсту“ читалъ?

Казя пожалъ плечами.

— Да, нашла, должно быть, коса на камень,—проговорилъ онъ, зѣвая и укладываясь въ постель. „Мессинскую невѣсту“ онъ и совсѣмъ пропустилъ мимо ушей.

— Что, Озерскіе перемѣнили, я слышалъ, квартиру?—спросилъ онъ, позѣвывая.

— А ты у нихъ не былъ?

— Нѣтъ. Подруга Стаси дала мнѣ письмо и книги для нея. И вотъ, я не знаю, гдѣ ее искать.

— Она теперь на Злотой, 26. Старуха на старой квартирѣ, гдѣ все напоминало ей прошлое, не могла оставаться. Стася бодра и не унываетъ, хотя ей трудненько съ больной, да и учебный годъ она теряетъ. Я бы ходилъ къ нимъ и помогалъ ей. но это совсѣмъ дикая дѣвица, и мы другъ друга съ трудомъ перевариваемъ.

Казя, должно быть, уже спалъ, потому что не отозвался.

На слѣдующее утро онъ былъ на Злотой, 26. Дверь ему отворила Стася и поздоровалась товарищескимъ рукопожатіемъ:

— Домой направляешься?—спросила она.

— Да. А ты какъ? Бѣда у васъ.

— Бѣда. Мать безъ ногъ и, повидимому, безнадежно. И мое ученье пропало.

— Ну, ужъ это-то нѣтъ. Этого я не допускаю, для тебя это было бы слишкомъ тяжело. Послушай, пріѣзжай съ матерью въ Руду и оставь ее у насъ. Я самъ буду смотрѣть за ней, а ты возвращайся въ Женеву.

Стася внимательно посмотрѣла на него и покачала головой.

— Это невозможно. Но за твое желаніе искреннее тебѣ спасибо. Пойдемъ къ матери. Она часто и хорошо о тебѣ вспоминаетъ. Она помнитъ, что, еслибы не ты, меня давно уже не было бы на этомъ свѣтѣ.

Они пошли къ Озерской, которая сидѣла у окна съ вязаньемъ въ рукахъ. Увидѣвъ Казю, она заплакала и стала разспрашивать о томъ, гдѣ онъ былъ, что дѣлалъ, что ему пишетъ мать. Неразговорчивый Казя тутъ разговорился и успѣлъ не только занять больную, но и развеселить ее.

Стася, между тѣмъ, раскрыла принесенную посылку и вскрикнула отъ радости.

— Мнѣ прислали лекціи за цѣлый семестръ. Великолѣпно!

Глаза ея блестѣли, и она съ жадностью стала пробѣгать лекціи, забывъ остальное. А Казя продолжалъ говорить съ больною, разматывалъ для нея шерсть, подавалъ лекарство, сходилъ въ кухню за бульономъ, словомъ, расхозяйничался, какъ дома.

Озерская оставила его обѣдать. Послѣ обѣда онъ читалъ ей вслухъ, и незамѣтно наступилъ вечеръ. Стася сидѣла въ сторонѣ и не отрывалась отъ лекцій. Только около десяти часовъ, когда матери пора была идти спать, Стася оторвалась отъ чтенія, точно проснувшись.

— Если я не наскучилъ, завтра опять навѣщу васъ,—сказалъ Казя, уходя.

— Милый мой, это я могу надоѣсть, а не вы! Пожалуйста, приходите,—просила его Озерская.

Стася ничего не сказала и, кажется, даже не слышала, о чемъ говорили. Уложивъ мать, она снова стала читать и читала до разсвѣта. Тогда она умылась, причесалась, отправила кухарку на рынокъ и снова сѣла за книгу, поджидая, когда проснется мать.

Когда Казя вернулся къ брату, тотъ на него разворчался.

— Что же это ты, братецъ? Жду тебя съ обѣдомъ,—нѣтъ! Жду съ чаемъ,—нѣтъ! Нарочно взялъ для тебя билетъ въ театръ, а ты являешься чуть не въ полночь. Гдѣ ты пропадалъ? Ты ужъ не покучивать ли началъ?

— Тебѣ-то что! Кучу. Ты свое отгулялъ,—теперь моя очередь. Предупреждаю, у тебя я буду только почевать, чего съ тебя достаточно, а день ужъ мой.

— Чудеса! А еще спѣшишь въ Руду.

— Спѣшу, но медленно. Довольно я постничалъ за границей и буду поститься въ Рудѣ. Такъ что недѣльку, другую провести въ собственное удовольствіе не грѣхъ. А теперь спать. Покойной ночи.

И онъ съ головой закутался въ одѣяло.

Казя, какъ и говорилъ, прожилъ въ Варшавѣ недѣлю и къ брату являлся только на ночь. На разспросы онъ отвѣчалъ, что на умъ взбредетъ: то онъ встрѣтился съ товарищемъ, то столкнулся на улицѣ съ француженкой, съ которой познакомился по дорогѣ изъ-за границы. Только въ послѣдній день онъ потащилъ съ собою Владю дѣлать покупки, и уморилъ его, таская по лавкамъ и складамъ земледѣльческихъ орудій,

желѣза, кожъ, красокъ, веревокъ и тому подобныхъ деликатесовъ. Покончивъ съ этимъ, пообѣдали, и Владя предложилъ театръ, а потомъ веселый ужинъ.

— А какъ же моя француженка? Я, братъ, обязательно долженъ съ ней хорошенько попрощаться!—воскликнулъ Казя, развеселившійся послѣ стакана добраго вина, и прежде, чѣмъ Владя замѣтилъ, его и слѣдъ простылъ. Чрезъ четверть часа Казя былъ на Злотой, 26, и, какъ только Стася ему отворила, онъ сказалъ:

— Уѣзжаю въ одиннадцать, а теперь пойдемъ прогуляться въ Лазенки. Идетъ? Разомнешься хоть немного.

— Не хочу, да и какъ же мама?

Но мать слышала ихъ разговоръ.

— Идите, идите,—заговорила она.—Ко мнѣ обѣщала придти Менцинская, и я обойдусь и безъ васъ.

— По моему, нѣтъ ничего глупѣе этихъ прогулокъ для прогулки,—ворчала Стася.

Казя молчалъ, но Стасѣ показалось, что онъ надулся.

— Нечего дуться,—раздражительно заговорила она.—Изволь тащиться съ нимъ въ его Лазенки! Впрочемъ, ты желаешь, чтобы я отплатила тебѣ за всѣ твои любезности, которыми ты насъ осыпалъ эти дни?

Казя пожалъ плечами.

— Я дѣлалъ, что мнѣ нравилось, безъ всякихъ любезностей. Конечно, если ты считаешь, что молодой дѣвицѣ неприлично гулять съ молодымъ человѣкомъ, если ты, чего добраго, боишься, какъ бы я не объяснился тебѣ въ любви...

Казя зналъ, какъ слѣдуетъ говорить со Стасей. Стася даже привскочила на мѣстѣ.

— Необыкновенно остроумно! Такъ и пахнуло дипломированнымъ скотоводомъ!

— Стася!—умоляюще проговорила мать.

— Ну, зачѣмъ мы съ тобой пойдемъ въ Лазенки?

— Да хоть бы затѣмъ, чтобы поговорить съ тобой путемъ. Вѣдь, за цѣлую недѣлю мы словомъ съ тобой не перемолвились.

— Разговаривать и гулять съ тобой мнѣ такъ же хочется, какъ цыгану за компанію удавиться.

Пришла Менцинская, сосѣдка-старушка, и сѣла съ Озерской за карты. Тогда Стася сама предложила.

— Что съ тобой дѣлать, пойдемъ! Но не въ Лазенки, а самое большое, до вѣнскаго вокзала.

На улицахъ они сразу же попали въ водоворотъ сотенъ и

тысячъ людей, стремившихся за городъ, чтобы дохнуть хотя бы подобіемъ чистаго воздуха.

— Ты любишь толпу?—спросилъ Казя.

— Право, не знаю. Я не замѣчаю ея, не думаю о ней.

— А я терпѣть не могу. Я насквозь деревенскій человѣкъ. Ты и деревню, пожалуй, не любишь?

— Тоже не знаю. Мнѣ рѣшительно все равно, гдѣ ни жить. Прежде я мечтала, кончивъ ученье, жить въ большомъ городѣ, практиковать, сдѣлаться извѣстностью. Потомъ хотѣлось поселиться въ глуши и лѣчить бѣдноту.

— Какъ тетя Дися?

— Пожалуй, и такъ. Но въ глуши прощай извѣстность, для деревенскаго врача она недоступна, слѣда онъ никакого не оставитъ.

— Почему?

— Понятно. Онъ не можетъ спеціализироваться. Отъ тифознаго его тащутъ къ паралитику, отъ чахоточнаго—къ родильницѣ, отъ кори и скарлатины—къ больному глазами. А въ довершеніе изволь зубы дергать, піявки припускать, банки ставить.

— А мнѣ думалось, не поселишься ли ты въ нашихъ мѣстахъ на смѣну старику Фіольскому? И мать тоже въ этомъ родѣ говорила.

— Стало быть, твоя мать повѣрила въ мое ученье?

— Да.

— Прощай теперь мое ученье! Сначала я обрадовалась лекціямъ, которыя ты привезъ, а теперь я опять зла, какъ собака. Охъ, тяжело это, но матери я не могу оставить и не оставлю. Тѣломъ я тутъ, а душою все-таки въ Женевѣ.

— Послушайся меня: отвези мать въ Руду, ко мнѣ, а сама возвращайся за границу. Тутъ и раздумывать нечего. Знаешь, посовѣтуемся съ моей матерью. А?

— Не раздражай ты меня, это невозможно! Лбомъ стѣны не прошибить, а долгъ крѣпче стѣны... Однако, вотъ, что ты мнѣ объясни, давно я хотѣла тебя спросить: что ты со мной няньчишься, и чего тебѣ отъ меня нужно? Вѣдь, не такъ же ты глупъ, чтобы въ меня, чего добраго, влюбиться!

— Я не думалъ объ этомъ, но, должно быть, не влюбленъ, потому что ничуть не робѣю тебя, какъ другихъ барышенъ. Просто привыкъ за долгое знакомство.

— И отчего ты считаешь обязанностью соваться во всѣ мои дѣла?!

— Это тебѣ не нравится?

— Нѣтъ. Тоже привыкла. Но все-таки побаиваюсь, какъ бы ты не потребовалъ отъ меня тоже какихъ-нибудь любвей. Этого никто отъ меня не дождется. Не за тѣмъ я столько вынесла, чтобы, когда я почти у цѣли, превратиться въ чью-нибудь жену. Торчать въ дѣтской, ходить на базаръ, выносить дурное расположеніе господина супруга,—благодарю покорно! Прялка—это не мой инструметъ.

Казя засмѣялся.

— Въ такой роли даже и представить тебя трудно. Притомъ такія жены не въ моемъ вкусѣ, не говоря уже о томъ, что я и не думаю жениться.

— Едва ли. Твоей матери нужна невѣстка.

— Пока нѣтъ; она нашла себѣ компаньонку.

— Ирену Шумскую? По рекомендаціи твоего брата?

— А ты ее знаешь?

— Мало. Нѣчто вродѣ малокровной незабудки. Болѣзненная, а впрочемъ добрая дѣвушка. Если не выйдетъ за доктора, разорится на лѣченіе.

По счастью, не разорится. За нее сватается Владя.

— Въ самомъ дѣлѣ? У него вкусъ лучше, чѣмъ я думала.

— А она не хочетъ.

— И у нея вкусъ лучше, чѣмъ я предполагала.

— Почему ты не любишь Владю?

— Ахъ, Боже мой. У тебя на языкѣ только: любишь, не любишь, словно у институтки. Я не понимаю этой мѣрки. Я или уважаю человѣка, или не уважаю.

— А вѣдь, безъ любви не проживешь. Говорятъ, это цѣль жизни.

— Зоологическій взглядъ на жизнь. По моему, ужъ если надо непременно любить, такъ духовно, какъ человѣкъ, а не какъ животное. Что касается меня, то я люблю науку, а къ людямъ я равнодушна. Среди нихъ я не встрѣтила никого, кто меня заинтересовалъ бы. Ни съ сильными душами, ни съ великими умами я близко не сталкивалась.

— Сильныя души, великіе умы. Знаешь, что это значитъ? Значитъ, что у тебя самой нѣтъ ни той, ни другого. Еслибы ты сама была сильна, тебя влекло бы къ слабымъ, ты старалась бы поднять ихъ до себя.

— Вздоръ! Сила ищетъ силу.

— Наоборотъ, сходятся крайности, стремясь пополнить другъ друга. Твоя людская физика хромаетъ.

— Это потому, что ты вызываешь меня на дурацкіе споры. Повторяю: я никого не люблю. Жизнь научила меня нена-

видѣть людей, а я ограничиваюсь тѣмъ, что лишь игнорирую ихъ.

— Но меня ты къ людямъ не причисляешь?

— А къ кому же?

— Можетъ быть, къ какой-нибудь наукѣ?

— Къ какой наукѣ?

— Къ такой, которую ты любишь.

— Опять „любишь“! Перестань, пойдемъ домой.

Они повернули назадъ и молчали. Наконецъ, Казя заговорилъ:

— При такомъ отношеніи къ людямъ, не завидую твоимъ будущимъ паціентамъ.

— Паціентъ не человѣкъ, это объектъ науки, предметъ моихъ наблюденій. Этому я принадлежу вся.

— А меня будешь лѣчить, если случится схватить хорошенькій тифчикъ или оспу?

— Оспа у тебя, надо полагать, привита, а къ тифу я не вижу въ тебѣ никакого предрасположенія. Вообще, безъ комплиментовъ, ты на рѣдкость здоровенный малый. Мнѣ не разъ приходило въ голову, что съ біологической точки зрѣнія ты преполезный для человѣчества индивидуумъ.

— Это, должно быть, для вашей братьи, лѣкарей, не совсѣмъ пріятно, — доходовъ меньше.

— Ну, и на рахитиковъ и выродковъ тоже небольшая радость смотрѣть. Кромѣ всего другого, такое зрѣлище нравственно угнетаетъ, заставляя сомнѣваться въ полезномъ значеніи науки. Человѣчество вырождается, а медицина и гигіена поддерживаютъ продукты вырожденія. Иногда я начинаю жалѣть, что занялась не математикой. Эти господа открываютъ міры, сосчитали звѣзды, ихъ выводы несомнѣнны и точны. А мы? Что мы сдѣлали прочнаго? Немножко скальпеля, немножко прививокъ, щупаемъ, гадаемъ, догадываемся, а ракъ, чахотка, душевныя болѣзни и еще многое другое только посмѣиваются. Въ травникѣ тети Диси есть растеніе, которое будто бы радикально излѣчиваетъ чахотку. Мнѣ приходила въ голову блажная мысль испробовать его, но въ аптекахъ этой травы не знаютъ. А теперь, конечно, съ какими бы то ни было опытами кончено!

— Почему же? Пріѣзжай въ Руду, поищемъ Дисиной травы, найдемъ и испробуемъ. Въ деревняхъ множество чахоточныхъ. Еще прошлымъ лѣтомъ мать была совсѣмъ огорчена тѣмъ, что трое славныхъ молодыхъ парней умирали.

— И, конечно, умерли. Вотъ, несчастье медицины! Умира-

етъ бѣдный мужикъ, такой же бѣдный жидокъ, маленькій чиновникъ, а доктора только и могутъ, что рекомендовать поѣздку въ Канръ. Какимъ сокровищемъ оказалась бы для такихъ несчастныхъ Дисина трава... еслибы существовала. Вотъ, эту траву я бы любила, обожала.

— А ты увѣряешь, что люди для тебя не существуютъ. Ты любишь ихъ, а не траву.

Стася не слушала.

— Я тебѣ покажу это растеніе. Поищи его въ Рудѣ и пришли мнѣ. Я отправлю его въ Женеву, если мнѣ самой тамъ не суждено быть.

— Пріѣзжай и найди сама. А до твоей Женевы мнѣ дѣла нѣтъ.

— Не хочешь, и не надо!

— Если ты въ самомъ дѣлѣ любишь науку, отчего же тебѣ такъ трудно съѣздить въ Руду?

— Да что ты ко мнѣ пристalъ? Что ты мнѣ за указчикъ, что за опекунъ? Чего ты отъ меня хочешь и чего ждешь?

— Ровно ничего не хочу и не жду. Ты просто моя любимая идея, какъ твоя идея—медицина. А затѣмъ, вѣдь, мы старинные и тѣсно связанные друзья. Ты довѣрялась мнѣ одному, ты жаловалась только мнѣ, рѣшалась принимать помощь только отъ меня. И я въ трудныя минуты обращался только къ тебѣ. Я знаю, что еслибы я поступилъ дурно, это тебя огорчило бы; мало того, ты сдѣлала бы все, чтобы удержать меня отъ ложнаго шага. Какъ же послѣ этого я могу допустить, чтобы ты, при твоихъ способностяхъ и преданности дѣлу, остановилась на полпути! Это съ моей стороны было бы совсѣмъ не по-дружески. Долгіе года нашей дружбы наложили на насъ серьезныя обязанности. А что я не имѣлъ на тебя никакихъ иныхъ видовъ, въ томъ я могу тебѣ покляться.

Никогда Казя не говорилъ съ такой горячностью. Стася посмотрѣла на него и съ удивленіемъ, и съ любопытствомъ. Онъ продолжалъ:

— Связать твою судьбу съ моей мнѣ никогда и въ голову не приходило. Да и въ самомъ дѣлѣ, что я такое? Скотоводъ, какъ ты выразилась, рабочій волъ,—не рысакъ, не орелъ,—волъ, который дотянетъ свое существованіе съ ярмомъ на шеѣ. Молодость прошла, а съ ней минула и свобода. Начинается упорная работа, на которую я, впрочемъ, иду безъ ропота, потому что она составляетъ мое призваніе, да на что нибудь другое я и не гожусь. Буду пахать и сѣять до конца дней и не перешагну за черту нашей Руды, нашего при-

хода, нашей губерніи. Тебя я и не помышлялъ звать на эту жизнь.

Казя улыбнулся и взглянулъ на нее. Она подняла голову, лицо ея было серьезно.

— Я очень рада, что ты разговорился,—сказала она,—и выяснилъ одну сторону дѣла. Поговоримъ о другой. Изъ того, что ты наговорилъ, одно умно, а другое, извини, довольно глупо. Обязанности я признаю, хотя вовсе не считаю ихъ большимъ удовольствіемъ. Хозяйство не только твое призваніе, но и твой долгъ. Но и съ тѣмъ, какъ ты хочешь прожить, я не согласна. Если ты собираешься быть всего только рабочимъ воломъ, спрятаться отъ всякой другой жизни, кромѣ машинальнаго паханія земли, тогда ты не достоинъ своей матери и моей дружбы тоже. Съ такими взглядами на дѣло браться за него стыдно, и твоя мать думаетъ иначе. Я читала ея сѣрую книгу и хорошо запомнила два афоризма. Одинъ: „ничтожныхъ дѣлъ нѣтъ,—есть ничтожные люди". Совершенно вѣрно! Другой: „относись къ своему дѣлу съ любовью и ты доведешь его до совершенства". Это вполнѣ разрѣшаетъ вопросъ о томъ, что такое счастье. Такъ она поступала. Весь вѣкъ обрабатывая землю и выращивая телятъ, она все таки не была воломъ, потому что цѣною цѣлой жизни она подготовила почву для твоего труда. Ты долженъ идти дальше, въ своемъ околоткѣ ты долженъ идти впереди всѣхъ, быть руководителемъ, примѣромъ, иниціаторомъ, работать и словомъ, и дѣломъ. Учи кормиться землею тѣхъ, кто только ею и живетъ. Вотъ, твоя задача, и ты долженъ ее исполнить!

Казя молча улыбался. „А, наконецъ-то, и ты заговорила, да еще съ какимъ жаромъ!"—думалъ онъ. Его глаза свѣтились.

— Мысли прекрасныя,—началъ онъ,—но не мои силы надобны для ихъ исполненія. Ты совсѣмъ не знаешь деревни и не понимаешь, какъ отупляетъ человѣка хозяйство. Утомленіе физическое, тина мелочей и дрязгъ, отсутствіе общества и умственныхъ интересовъ,—это такъ быстро засасываетъ, что и не замѣтишь, какъ опустишься, одичаешь, отвыкнешь не только говорить, но и думать. Въ идеѣ ты совершенно права, но что будетъ со мной въ дѣйствительности, не знаю. Еще при твоемъ содѣйствіи, пожалуй...

— Такъ возьми себѣ няньку,—сердито прервала его Стася.— Стыдись! Будь я на твоемъ мѣстѣ, я показала бы, какъ нужно жить. Вамъ, мужчинамъ, все открыто, все доступно, все позволено,—и вы этимъ не пользуетесь, лѣнтяи. Скажите, пожалуйста, ему нужно содѣйствіе, и чье же?—женское... Однако,

мы прошли нашъ домъ и входимъ въ Саксонскій садъ. Вотъ, что значитъ слушать твою чепуху! Тебѣ развѣ не пора ѣхать?

— Нѣтъ еще. Зайду на минутку—проститься съ твоей матерью. Мнѣ почему-то теперь особенно тяжело съ вами разставаться; точно я васъ больше не увижу.

На это Стася ничего не сказала, и они молча дошли до квартиры. Казя распростился и собрался уходить. Стася продолжала молчать, хмурясь и задумываясь, и только въ послѣднюю минуту крѣпко пожала ему руку и сказала:

— Пиши, какъ устроишься, и не смѣй закисать. Только въ тебя одного я немножко и вѣрю. Ну, прощай, будь здоровъ.

— Я буду дѣйствовать, какъ ты. Если ты не откажешься отъ своей цѣли, тогда и я не откажусь отъ своей, — по-товарищески! До свиданія.

Дверь затворили, и онъ пошелъ, раздумывая и чувствуя себя невесело. Впервые ему не хотѣлось ѣхать въ Руду.

У брата его ожидала не совсѣмъ пріятная сцена. Влáдя былъ на него золъ и за таинственную француженку, въ существованіе которой онъ повѣрилъ, и заранѣе ревновалъ его къ Иренѣ. Въ довершеніе явился какой-то субъектъ и привелъ лягаваго щенка, пріобрѣтеннаго Казей. Другіе субъекты натащили цѣлую кучу всевозможныхъ сельскохозяйственныхъ покупокъ и завалили ими прихожую такъ, что нельзя было повернуться. Щенокъ то путешествовалъ по всей квартирѣ, пренепріятно обнюхивая ножки стульевъ и стѣны, оклеенныя новыми обоями, то принимался неистово выть. Лишь только Казя вошелъ, братъ заоралъ на него благимъ матомъ:

— Когда унесутъ тебя черти со всею твоею дрянью и со щенкомъ! Эта тварь ангела вывела бы изъ себя. Онъ прохлаждается у своей француженки, а я изволь укладывать его покупки и няньчиться съ его псомъ. Право, слѣдуетъ написать матери, какъ проводитъ время ея любимчикъ, образецъ нравственности, фарисей!..

Казя молча взялъ собаку на цѣпь и вывелъ ее. Потомъ сталъ укладываться. Онъ тоже былъ не въ духѣ, но ограничивался тѣмъ, что ворчалъ что-то себѣ подъ носъ. Тогда Владя перешелъ къ другой темѣ.

— Слушай и запомни: за панной Иреной не смѣй ухаживать, потому что она—„Мессинская невѣста“!

Тутъ не выдержалъ и Казя.

— Провались ты съ твоей Иреной и съ Шиллеромъ вмѣстѣ! Ты самъ почитай Шекспира „Безплодныя усилія любви“, комедія въ пяти дѣйствіяхъ.

Владя вскочилъ, какъ ужаленный.

— Не смѣй шутить такъ глупо и не становись мнѣ поперекъ дороги! Я тебѣ этого не совѣтую.

— И проси, такъ не стану, потому что не знаю ничего пошлѣе твоего бѣганья за бабами.

— Скажите! Много ты знаешь, за кѣмъ я бѣгалъ!

— Знаю: за жидовкой, которая у Озерскихъ набивала папиросы, и за Вандой, изъ-за которой ты такъ благородно дрался на дуэли съ Васковскимъ.

— Твои предметы лучше, скажешь?.. Одна Стася, да и то не женщина, а пугало.

— Какова бы тамъ ни была, а другихъ мнѣ не надо, въ особенности въ твоемъ вкусѣ.

Послѣднія слова Кази возъимѣли волшебное дѣйствіе. Владя внезапно успокоился и заговорилъ уже въ самомъ задушевномъ и ласковомъ тонѣ.

— Казя, голубчикъ, ты долженъ мнѣ помочь. Ты на мать имѣешь вліяніе. Растолкуй ты ей, до чего это нелѣпо, что я не могу заглянуть домой. Вѣдь, я тоже люблю и Руду, и нашу семью.

— Съ удовольствіемъ,—тоже успокаиваясь и улыбаясь, отвѣтилъ Казя.—Но, смотри, тѣмъ временемъ не влюбись въ кого-нибудь другого.

— Великолѣпнѣйшая мысль. Скажи матери, что у меня тутъ опасная связь, что она ведетъ меня къ гибели, какъ нравственной, такъ и матеріальной, что, если меня немедленно не вытребовать въ Руду, я погибъ на вѣки... Братъ, другъ, устрой это! Ирена, во что бы то ни стало, должна быть моею.

— Стало быть, мнѣ и съ Иреной надо возиться?

— Нѣтъ, нѣтъ, этого ты не сумѣешь. Ограничься одной частью задачи, — матерью. Я тебѣ тоже буду полезенъ. Да, вотъ, выдаю тебѣ тайну: мама рѣшила тебя женить, и я скажу тебѣ, на комъ,—на Маринѣ Броневской. Но, ради Бога, пусть меня вызовутъ въ Руду.

— На Броневской? Да, вѣдь, она глупа. Она или улыбается, или ѣстъ.

— Вѣрно, вѣрно! До чего ты наблюдателенъ! Но, видишь ли, у нея хорошее приданое. А умна или неумна,—не все ли равно. Это несущественно.

— И очень существенно. У меня своего ума на двоихъ не хватитъ. Не то, что у тебя.

Казя, однако, встревожился и даже пересталъ укладываться.

— Если ты не сочиняешь, то это непріятно. Какъ бы и у меня съ мамой не вышло недоразумѣній.

— Объ этомъ я и говорю. И тутъ-то я тебѣ и пригожусь.

— Чѣмъ? Вступишься за меня предъ матерью? Во-первыхъ, она тебя не испугается, а во-вторыхъ: ты ея испугаешься.

— Клянусь всѣмъ святымъ, я буду мужественъ. Только, вотъ, еще маленькая, ничтожная просьба: передай Иренѣ самое коротенькое письмо.

— Вотъ, ужъ за это не берусь. Она тебѣ отказала, мать тебя выдворила. Это подозрительно: кто знаетъ, что ты тамъ начудилъ. Существуетъ правительственная почта и телеграфъ. Вотъ марку я тебѣ готовъ дать, если у тебя не случилось.

— Трусъ, измѣнникъ, предатель! Нѣтъ у меня брата! Никого у меня нѣтъ на свѣтѣ!

И братья снова поссорились и, немного погодя, снова помирились и поѣхали на вокзалъ, забравъ безчисленныя покупки и лягаваго щенка.

Поѣздъ уже тронулся, какъ Владя, вспомнивъ что-то важное, постучалъ брату въ окно.

— Эй, Казя, гдѣ живетъ твоя француженка?

— У Вислы, подъ мостомъ,—со смѣхомъ прокричалъ Казя,—Погоди, узнаетъ это панна Ирена!

— Не хочешь сказать? Чортъ съ тобой! Такъ похлопочи же. Буду ждать письма. Прощай, голубчикъ!

Поѣздъ скрылся въ ночной темнотѣ.

IV.

Лѣто было знойное, дожди перепадали рѣдко,—въ городѣ становилось нестерпимо жарко и душно. Стасѣ представлялось, что она въ свинцовыхъ венеціанскихъ тюрьмахъ. Она тосковала, почти приходила въ отчаяніе. Нервы разстроились, аппетитъ исчезъ, начались безсонницы; по ночамъ она часто плакала, днемъ двигалась по квартирѣ, какъ автоматъ, думая только о томъ, какъ бы не выдать предъ матерью своего душевнаго состоянія. Перемѣнили квартиру,—въ нижнемъ этажѣ,—купили для больной кресло на колесахъ, и каждое утро Стася возила мать въ городской садъ, подышать воздухомъ. Оставались тамъ часа два. Стася читала вслухъ, лишь бы не говорить,—да и о чемъ было говорить? Лѣтніе дни долги, а въ обществѣ больной они тянулись нескончаемо; больная къ тому же требовала, чтобы при ней были неотлучно и развлекали ее; и она тоже хандрила, капризничала, поздно засыпала. Раза два Стася хотѣла написать сестрамъ, чтобы

тѣ хоть на время замѣнили ее, но тотчасъ же оставляла эту мысль. Не въ ея характерѣ было просить: самолюбіе не позволяло и какое-то непонятное, ей свойственное упрямство. Съ отчаяніемъ она чувствовала, что ея силы слабѣютъ, энергія уходитъ, вѣра въ себя пропадаетъ. Временами она принималась за свои книги и записки, но скоро опускала руки. Къ чему? Вѣдь, все разрушено: никакой цѣли въ жизни, ничего въ будущемъ, все кончено! Озерская со свойственнымъ больнымъ эгоизмомъ еще больше отравляла ей жизнь, жалуясь на ея неразговорчивость, на скуку въ домѣ, дѣлая выговоры за ея разсѣянность, за небрежность туалета, за необщительность. Еслибы на мѣстѣ Стаси была другая дѣвушка, не такая чудиха, знакомые заглядывали бы чаще, и въ домѣ не было бы такъ одиноко и тоскливо. Все это Стася должна была выслушивать ежедневно, съ прибавкою похвалъ отсутствовавшимъ сестрамъ. Не разъ готово было сорваться рѣзкое слово, но безпомощное положеніе матери останавливало ее, и она молчала. Ея жертвы не замѣчали и не цѣнили, ласковаго слова она не слышала, и то, что вначалѣ представлялось ей подвигомъ, сдѣлалось невыносимымъ бременемъ. Послѣ отъѣзда Кази прошло два мѣсяца,—и отъ него ни слова. Значитъ, и онъ ее забылъ. Это ее огорчало, и она сердилась на себя за такую „слабость“.

Какъ-то зашелъ къ нимъ Владя и очень некстати заговорилъ какъ разъ на эту тему.

— Не имѣете ли извѣстій изъ Руды?—спросилъ онъ.—Что тамъ дѣлается? Мнѣ ничего не пишутъ.

— Что мнѣ за дѣло до Руды? Я очень мало ею интересуюсь.

— Однако, коллега, какая вы сердитая!—засмѣялся Владя.

— Ужасно сердитая, — вмѣшалась больная. — Она теперь всегда такая, рѣзкая и раздражительная. Это слѣды распущенной студенческой жизни и компаніи. И никакого желанія сдерживаться!

Владя замѣтилъ нервныя подергиванія въ лицѣ дѣвушки, сообразилъ, въ чемъ дѣло, и пожалѣлъ о своей шуткѣ.

— Панна Стася дурно выглядитъ, очень похудѣла и поблѣднѣла. Какъ бы не захворала,—сказалъ онъ Озерской.

— Отчего ей хворать? Мы живемъ такъ правильно, тихо и покойно. Можетъ быть, жара ей вредитъ?

— Можетъ быть и это. Во всякомъ случаѣ она нехороша, а такъ какъ организмъ и раньше у нея былъ разстроенъ, то нужно о ней подумать.

Бесѣда перешла на другіе предметы, но цѣль была достигнута: Озерская встревожилась, перестала ворчать и жаловаться и стала ласковѣй. Это было уже облегченіемъ.

Дня два спустя, когда Озерскія только что вернулись изъ сада и занялись чтеніемъ, въ прихожей послышался чей-то энергичный звонокъ. Стася пошла отворить и остолбенѣла отъ удивленія: передъ нею стояла пани Таида. Рѣдко кто видѣлъ такой радостный взглядъ, какъ тотъ, съ которымъ Стася такъ же радостно воскликнула:

— Это вы!.. Это вы!..

— Какъ видишь, я. А вамъ какъ не грѣхъ не извѣстить, что вы на новой квартирѣ? И вотъ, меня безъ конца возятъ по Варшавѣ. Насилу нашла.

— Мнѣ и въ голову не приходило, что вы соберетесь въ Варшаву.

— Да еще въ самое жниво! Ну, да разно бываетъ... Гдѣ же мать?

А Озерская уже звала ее къ себѣ, и привѣтствовала, и плакала, и жаловалось:

— Вотъ какъ мы встрѣчаемся. Смотри, моя дорогая, я живой мертвецъ, безъ ногъ. И Адольфа моего нѣтъ! Объ одномъ прошу Бога: чтобы и мнѣ умереть.

— Не говори такъ, не ропщи. Отъ этого лучше не будетъ, напротивъ—хуже. Тяжело тебѣ, это правда, но что же дѣлать? Тутъ, на землѣ, каждый долженъ отдать дань страданію. Помнишь, какъ вы съ мужемъ пріѣхали ко мнѣ, когда я въ двадцать два года осталась вдовою? Владя тогда едва начиналъ ходить, а Казя еще не родился. Дѣла плохи, Руда почти разорена. И мнѣ казалось, что самое лучшее мнѣ умереть. Твой мужъ помогъ разобраться въ дѣлахъ, на твоихъ рукахъ родился Казя, потомъ пріѣхала Дися, и все помаленьку устроилось. Нельзя думать объ одной себѣ, когда есть дѣти, приходить въ отчаяніе и звать смерть, когда есть обязанности, еще не выполненныя. Я пріѣхала сюда съ просьбой къ тебѣ: хочу увезти тебя въ Руду.

— Ахъ, родная, что ты говоришь?! Подумай, вѣдь я инвалидъ. Гдѣ мнѣ предпринимать путешествія; надо тутъ сидѣть и доживать. Тутъ за мной уходъ, удобства, здѣсь я привыкла. Большое тебѣ спасибо, но зачѣмъ тебѣ такая обуза?

— А гдѣ же ваши вещи?—спросила Стася.

— Въ гостинницѣ, дитя мое. Но ежели вы примете меня, то и вещи надо сюда. Отдадутъ ли тебѣ? Или надо самой съѣздить? Я и съ извозчикомъ не расплатилась, стоитъ у воротъ

и дожидается. Ахъ, трудно все сообразить деревенскому человѣку въ большомъ городѣ!

— Не безпокойтесь, я все устрою,—сказала съ готовностью Стася и начала одѣваться.

Пани Таидѣ это и было нужно, такъ что она не отказывалась и не отговаривалась.

— Отчего же тебя не встрѣтилъ сынъ?—спросила Озерская, когда онѣ остались однѣ.

— Онъ и не знаетъ, что я здѣсь. Я его не извѣщала, хотя пріѣхала отчасти и по его дѣлу. Мои планы касательно сыновей не удались. Мы, родители, долго не можемъ отвыкнуть отъ мысли, что наши дѣти уже готовые, самостоятельные люди, хотимъ за нихъ думать и дѣйствовать. А они уже взрослые равные намъ, съ ними необходимо считаться. Такъ случилось и со мной. Я съ нетерпѣніемъ ждала, когда Казя кончитъ курсъ. Я была увѣрена, что онъ женится и оснуется дома Что до вѣтрогона Влади, то такъ же была я увѣрена, что онъ долго останется холостякомъ. Вышло какъ разъ наоборотъ. Владя влюбленъ и бредитъ бракомъ, а Казя что-то хитритъ, откладываетъ, отпрашивается. И я безсильна измѣнить это. Мало того, я не имѣю права мѣшать ихъ счастью.

— На комъ же женится Владя?

— Ему нравится Ирена Шумская.

— Это та, которая живетъ у васъ въ Рудѣ?

— Да. Теперь и она здѣсь, пріѣхала вмѣстѣ со мною. Я хочу познакомиться съ ея семьей.

— Ты опять останешься въ деревнѣ одна?

— Теперь со мною сынъ, а я подаю въ отставку. Затѣмъ тебя зову къ себѣ. Тебѣ слѣдуетъ подумать о томъ, что будетъ со Стасей.

— Что же думать? Отецъ ее обезпечилъ, она будетъ жить со мной.

— Не въ этомъ дѣло, а въ томъ, будетъ ли она счастлива? Ты не спрашивала ее, что она думаетъ дѣлать?

— Не спрашивала и не спрашиваю. Наше семейное горе для нея было спасеніемъ, потому что заставило ее бросить дикіе планы, странную среду, въ которой она жила, указала ей ея прямыя обязанности и заставила жить такъ, какъ прилично ея полу и возрасту. Постепенно она свыкнется и будетъ такою, какъ всѣ.

— Милая моя, ты думаешь такъ, я думаю такъ же, вѣроятно, и многіе другіе. Но что думаетъ Стася? Ее надо спросить. Она совершеннолѣтняя.

— Стася ничего не скажетъ. У нея хватитъ настолько совѣсти и сердца, чтобы не покинуть мать на краю могилы.

— Надо, другъ мой, чтобы и ты проявила сердце и душу. Заповѣди говорятъ о почитаніи родителей; материнская любовь такъ естественна и сильна, что о ней и заповѣди сочли лишнимъ говорить: обязанность матери разумѣется сама собой. И вотъ, я боюсь, что въ дѣлѣ привязанности дочка тебя немножко пристыдила.

— Стало быть, по твоему, я должна идти въ больницу?— разсердилась Озерская.

— Нѣтъ, но ты должна дать дочери возможность кончить курсъ, сдать экзаменъ, словомъ, исполнить то, на что она затратила нѣсколько лѣтъ. Я не сторонница женской эмансипаціи, свѣтъ обошелся бы и безъ этого, но очень цѣню настойчивый трудъ, ясно поставленную цѣль. Въ то же время я не знаю ничего печальнѣй напрасно затраченныхъ силъ, недоконченнаго дѣла, разбитаго человѣческаго существованія. Тутъ я готова на большія жертвы. Стася никогда не пойдетъ по избитой дорогѣ; скорѣе она погибнетъ, и это ляжетъ на твою совѣсть. Мы дали дѣтямъ жизнь, мы должны дать имъ въ ней и счастье, которое ихъ манитъ,—конечно, если оно чисто и честно. Мы должны помогать, а не ставить препятствія.

Озерская расплакалась.

— А меня въ больницу, въ богадѣльню!—твердила она.

— Другъ мой, ну, а еслибы Стася была замужемъ, какъ другія твои дочери?

— Замужнія дочери совсѣмъ другое дѣло. У нихъ свои обязанности...

— Да, обязанности по отношенію къ дѣтямъ, предъ которыми отступаютъ на задній планъ обязанности относительно матери. Вотъ, и у тебя дочь, ради которой ты должна принести жертву, которая продлится къ тому же недолго. О богадѣльнѣ, разумѣется, и рѣчи быть не можетъ. Стасѣ нуженъ годъ, только годъ, и этотъ годъ ты проведешь у меня. За это ты будешь вознаграждена сторицею и сознаніемъ исполненнаго долга и благодарностью дочери. Я знаю Стасю, она не останется у тебя въ долгу.

Озерская опустила голову, но уже не плакала.

Вернулась Стася, и заговорили о другомъ. Стася была оживлена и весела и сейчасъ же стала разспрашивать о Казѣ.

— Онъ работаетъ усердно,—отвѣчала пани Таида,—но дикарь по прежнему. Я не люблю слишкомъ свѣтскихъ людей,

но этотъ никого не хочетъ знать. Ахъ, совсѣмъ забыла: Казя прислалъ тебѣ траву, которой Дися лѣчила чахоточныхъ.

— Если только это были настоящіе чахоточные,—съ сомнѣніемъ сказала Стася, внимательно разсматривая траву.

— Пусть это рѣшатъ твои профессора,—отозвалась Озерская.

Стася посмотрѣла на нее съ удивленіемъ и пожала плечами.

— Нечего пожимать плечами!—сказала пани Таида.—Мама твоя ѣдетъ со мною въ Руду, а ты собирайся въ Женеву. Хочешь кончать, такъ кончай. Довольно недоучекъ на свѣтѣ.

Стася посмотрѣла на обѣихъ. Мысль о свободѣ молніей пронеслась въ ея головѣ, лицо зардѣлось, глаза блеснули. Но это было только мгновеніе.

— Я не уступлю моего мѣста около матери,—рѣзко сказала она.

— Мнѣ-то уступишь! Матери твоей нуженъ чистый воздухъ, нужно солнце, сухое помѣщеніе. Да, наконецъ,—и пани Таида стала говорить тоже съ рѣзкостью,—развѣ мы не имѣемъ права устраивать наши дѣла по своему, не спрашивая твоего разрѣшенія?!

— Дитя мое, я не хочу болѣе быть тебѣ въ тягость,—торжественно начала Озерская,—я хочу исполнить мой долгъ матери. Уѣду въ Руду и тамъ буду тебя дожидаться.

— Это невозможно,—проговорила Стася.—Еще одолженія и благодѣтельствованія! Я на это не согласна.

Ей не отвѣчали. Пани Таида стала въ подробностяхъ говорить о переселеніи Озерской въ Руду.

— Я здѣсь пробуду три дня, достаточно, чтобы тебѣ собраться. Квартиру поручите Владѣ, онъ позаботится передать ее кому-нибудь вмѣстѣ съ меблировкой. Ѣхать будетъ удобно, и уходъ за тобой будетъ хорошій, такъ какъ Ирена ѣдетъ съ нами. Помѣщеніе для тебя уже приготовлено. На станціи насъ встрѣтитъ Казя и собственноручно перенесетъ тебя въ экипажъ. О томъ, какъ я буду довольна твоимъ обществомъ, и говорить нечего. Старухѣ съ молодыми какъ-то не по себѣ. То ли дѣло съ равными, съ такими, какъ мы сами!

— Дорогая моя, мнѣ кажется, что у тебя я буду, какъ въ раю. Но чѣмъ я отплачу тебѣ?

— Я ничего не дѣлаю безъ расчета. Такъ и съ тобою. Видишь ли, выдамъ секретъ. Осенью Владя отниметъ у меня мою компаньонку,—такова ужъ, видно, судьба. Придутъ осеннее ненастье, зимніе длинные вечера, но теперь я ихъ не боюсь, потому что со мной будешь ты. Будемъ посиживать въ теплой

комнатѣ, работать и вволю бесѣдовать. Ты видишь, что ты дѣлаешь мнѣ одолженіе, а не я тебѣ.—И пани Таида обняла больную.

Озерская уже заинтересовалась планомъ, развеселилась и шутила.

— Нѣтъ, ты не расчитывай, что я долго буду развлекать тебя. Черезъ годъ вернется Стася и заберетъ къ себѣ свою хворую старуху. Правда, Стася?

Но дѣвушка все еще не хотѣла сдаться. Однако, доброе чувство взяло вверхъ, она наклонилась къ матери, поцѣловала ее и сказала:

— Вы слишкомъ много дѣлаете для меня, мама. Я этого не стою.

— Будь счастлива, дитя мое, тогда и я буду довольна,— растроганно отвѣтила Озерская.

Пани Таида смотрѣла на нихъ, и довольная улыбка озаряла ея строгія черты.

Все произошло такъ внезапно, неожиданно и скоро, что Стася не успѣла опомниться, какъ назначенные пани Таидой три дня промелькнули, и она очутилась на вокзалѣ вмѣстѣ съ матерью. Тамъ она передала мать Иренѣ и Таидѣ, всѣхъ перецѣловала, обняла, со всѣми простилась и вернулась на свою опустѣвшую квартиру. Вмѣстѣ съ ней пришелъ туда и Владя. Послѣдній сіялъ радостью и чувствовалъ себя на верху блаженства. Онъ хотѣлъ обнять весь міръ, оказать всѣмъ какую угодно услугу, принести всякую жертву. Но прежде всего ему надо было высказаться, нуженъ былъ слушатель и человѣкъ, готовый ему посочувствовать.

Стася дома принялась собирать свои книги. И ей было весело: она что-то про себя напѣвала.

— Gaudeamus igitur, juvenes dum sumus,—дѣлая видъ, что ей вторитъ, запѣлъ Владя, но сейчасъ же перешелъ совсѣмъ на другое:

И будешь ты царицей міра,
Подруга вѣчная моя...

— Панна Стася,—прервалъ онъ себя.—А, вѣдь, я женюсь, притомъ въ скорости, а именно, мѣсяца черезъ три. Это васъ не трогаетъ?

— Тронута,—отвѣтила разсѣянно Стася, собирая книги.

— Хотѣли бы вы быть на моемъ мѣстѣ? Быть невѣстой, любить, быть любимой?..

— Я люблю, ты любишь, онъ, она любитъ и т. д. Спря-

женіями глаголовъ я не занимаюсь уже съ пятаго класса гимназіи.

— Это—смотря по человѣку. Я началъ съ третьяго класса и спрягаю до сихъ поръ.

— Вы, говорятъ, даже докторскую диссертацію мѣшали со спряженіями.

— Гм! Это, конечно, вамъ извѣстно отъ моего брата, Казиміра. Но и онъ такой же человѣкъ, какъ и прочіе. Когда онъ былъ здѣсь въ послѣдній разъ, онъ не отходилъ отъ какой то француженки, которую отъ меня тщательно скрывалъ. Онъ не сообщалъ вамъ?

— Нѣтъ,—улыбаясь, отвѣтила Стася.

— Панна Стася, будьте откровенны: мечтаете ли вы иной разъ на любовные сюжеты?

— Отстаньте. Никогда. Еслибы я была мужчиной, я никогда не женилась бы. А такъ какъ я женщина, то я никогда не выйду замужъ.

— Почему?

— Потому что мужчины видятъ въ женщинѣ не человѣка, а вещь. А я на такую роль не согласна. Цѣлую половину жизни учиться, работать затѣмъ, чтобы второю половиною вычеркнуть первую... Я слишкомъ дорого заплатила за возможность быть независимой, и вашей любви мнѣ не надо.

— Всѣ такъ говорятъ, пока не пришла любовь. А любовь—это ударъ грома, молнія. Если въ груди ледъ, она его растопитъ, если камень—и тотъ расплавится.

— Не боюсь я молній. И ее, и то, какъ таетъ ледъ или плавится камень, я видывала, и нашла это зрѣлище неинтереснымъ и даже некраснвымъ. Съ вида какъ будто возвышенно, драма, а на самомъ дѣлѣ просто глупо.

— Откровенно говоря,—продолжалъ свои изліянія Владя,— я скорѣе за любовь, чѣмъ за бракъ. Но что прикажете дѣлать, если иначе нельзя?

Стася иронически посмотрѣла на него.

— То-то и есть. Мужчина выбираетъ себѣ подругу и женится, потому что „иначе нельзя“. А этимъ „иначе нельзя“ сразу опредѣляется роль женщины въ бракѣ. Это не въ моемъ вкусѣ.

— Ну, не желалъ бы я для моей Ирены такой совѣтчицы, какъ вы. Но, что бы тамъ ни было, она со мной будетъ счастлива.

— Не прекословлю. Она, вѣдь, барышня,—такъ ее и растили. И дальше все пойдетъ, какъ по писанному. Если она кокетка, хоть бы и не умная, она васъ будетъ водить за носъ.

Если скромна и добродѣтельна, хотя бы и умна, она вамъ скоро наскучитъ. Это логическіе выводы изъ тѣхъ соображеній, по которымъ вы женитесь.

— Вы никогда не разстаетесь со скальпелемъ анализа?

— Никогда. Это мое оружіе.

— Не завидую. Съ вашими взглядами самое подходящее для васъ мѣсто анатомическій театръ.

— А съ вашими—театръ балетный. Не такъ ли?

Еще послѣ нѣсколькихъ колкостей Владя ушелъ въ настроеніи духа, которое сильно испортилось. Онъ шагалъ по улицѣ и думалъ: „Ну, сокровище! Довольно недѣлю пожить съ такою бабою, чтобы навѣки возненавидѣть всѣхъ женщинъ. Сухарь, прозекторъ, сторожъ изъ препаровочной, а не женщина!.. А впрочемъ,—думалъ онъ далѣе,—кое въ чемъ она, пожалуй, и права, потому что не глупа. Но что изъ того, изъ ея основательныхъ разсужденій? Хорошо вовсе не то, что логично. Нѣтъ, подальше отъ ученыхъ женщинъ. Покорно благодарю за домашній очагъ, который вамъ превратятъ въ аудиторію или въ залъ ученыхъ диспутовъ. Учености и философій тутъ не надо. Хорошій здравый смыслъ, пожалуй, немного ума,—и довольно. Ученостямъ и философіямъ полагается быть въ другихъ мѣстахъ.

V.

Для пани Танды минулъ еще одинъ трудовой годъ. Она женила Владю, поставила на ноги Озерскую лѣкарствами тети Диси и собственнымъ уходомъ. Что касается Кази, то вмѣсто того, чтобы быть помощью матери, мать должна была быть его помощницей. Да, такъ случилось. Казя вдругъ стряхнулъ съ себя нелюдимость и робость, началъ бывать у сосѣдей, посѣщать разные съѣзды, сдѣлался ревностнымъ пропагандистомъ европейской хозяйственной культуры. Онъ оказался человѣкомъ практическимъ и энергичнымъ, его совѣты и указанія очень цѣнились, его звали и къ сосѣдямъ, и въ различные комитеты и совѣщанія. Онъ не отказывался и потому чаще бывалъ въ разъѣздахъ, чѣмъ дома. Несмотря на это, Руда оставалась въ прежнемъ порядкѣ и по прежнему славилась своимъ образцовымъ хозяйствомъ и замѣчательными урожаями. О Рудѣ говорили, хвалили, удивлялись.

— Что значитъ мужская рука! Пани Танда тоже хорошо хозяйничала, но гдѣ же ей женской головой добиться такихъ

результатовъ. Сынъ сейчасъ же все двинулъ впередъ. Что за лошади, что за скотъ, какіе хлѣба! Этотъ Казя Старчевскій и еще покажетъ себя.

А Старчевскій между двумя поѣздками заходилъ къ матери, наскоро спрашивалъ, что дѣлается въ хозяйствѣ, цѣловалъ ей руку, благодарилъ за ея распоряженія и, не входя въ дальнѣйшія подробности, разсказывалъ, гдѣ былъ, что дѣлалъ, куда опять ѣдетъ, и совѣтовался о томъ, какъ ему быть, какъ говорить и дѣлать тамъ, куда онъ ѣдетъ. Мать, опираясь на долголѣтній опытъ и знаніе людей, въ одномъ его сдерживала, въ другомъ подбодряла, давала указанія и совѣты. И все-таки послѣ долгихъ лѣтъ самостоятельности и независимости она отошла на второй планъ: она была, вѣдь, только женщина. Это не тревожило ея. Ее огорчало другое: Казя отказывался отъ женитьбы. Въ первое время, когда онъ такъ развернулся, мать надѣялась, что Казя найдетъ себѣ и жену, но время шло, сынъ былъ занятъ то сахарной свеклой, то взаимнымъ страхованіемъ, то дешевымъ кредитомъ, но не женитьбой.

Пани Таида время отъ времени заговаривала на эту тему:

— Ну, какъ же понравились тебѣ барышни въ Озерномъ?

— Красивыя барышни. Все играютъ въ крокетъ и бранятся между собой на англійскомъ языкѣ.

— А Марыня Бжезинская? Вѣдь, славная дѣвушка, бойкая.

— Бойка, но не во всемъ. Верхомъ ѣздитъ смѣло, а въ темную комнату войти боится.

— Другъ мой, совершенства нѣтъ на свѣтѣ.

— Да я и къ совершенству, если оно въ образѣ дѣвицы, равнодушенъ.

— Нехорошо. И объ этомъ слѣдуетъ подумать. Повторяю, мнѣ трудно, и я хочу на покой.

Казя поцѣловалъ матери руки и заговаривалъ о другомъ. Когда онъ былъ шафером у брата, то какъ будто заинтересовался кузиной Ирены. Потомъ онъ навѣстилъ молодыхъ, прожилъ у нихъ недѣлю, но вернулся не въ духѣ. На разспросы матери онъ отвѣчалъ, что кузина Ирены ему не понравилась, потому что интересуется только вечерами, балами, да въ особенности флиртомъ, сегодня съ однимъ, завтра съ другимъ,—съ кѣмъ попало.

— Это не по-людски,—говорилъ Казя.—Тутъ что-то собачье. Смотрѣть противно.

— Какой ты, однако, требовательный,—покачала головой Старчевская.—Надо же, чтобы молодая дѣвушка навеселилась,

натанцовалась, наигралась. Надо, чтобы она нравилась. А гдѣ же показать себя, какъ не на вечерахъ? Такая свобода продолжается, вѣдь, только годъ, другой, а тамъ дверь захлопывается, и кончено. Начинаются тяжелыя обязанности.

— Послѣ флирта и баловъ всякія обязанности покажутся тяжелыми. Можетъ быть, я и не правъ, но выбирать жену я сталъ бы не въ бальныхъ залахъ... Давно ли писала вамъ Стася?

— Недавно. Вотъ письмо, прочти.

Письма Стаси приходили правильно каждую недѣлю, и Казя ихъ всегда прочитывалъ. Письма адресовались матери, нанѣ Таидѣ и изрѣдка ему. Онъ писалъ ей довольно часто о своихъ дѣлахъ и занятіяхъ и не былъ въ претензіи, что Стася отвѣчала не такъ щедро. Къ Озерской онъ относился съ большой заботливостью и вниманіемъ, находилъ время поиграть съ нею въ карты, почитать ей вслухъ и былъ непритворно радъ, когда, около новаго года, старуха начала вставать и понемногу ходить. Съ наступленіемъ весны, Озерская стала ходить уже очень порядочно и кое въ чемъ по дому помогала пани Таидѣ. Однажды вечеромъ, когда Казя съ матерью возвращались пѣшкомъ съ поля, они увидѣли, что Озерская идетъ къ нимъ навстрѣчу даже безъ палки.

— Боже мой, какъ будетъ рада Стася!—воскликнулъ Казя съ такою искреннею радостью, что пани Таида внимательно посмотрѣла на сына.

— Послушай, а вѣдь ты влюбленъ въ Стасю!—сказала она.

— Право, не знаю. Я не разбиралъ моихъ чувствъ къ ней. Я привыкъ думать о ней. Мы понимаемъ другъ друга. Столько лѣтъ мы доброжелательно соперничали съ ней,—кто лучше сдѣлаетъ, кто скорѣе сдѣлаетъ. Мы сжились. Но едва-ли это любовь, потому что я не думаю о женитьбѣ, а она о замужествѣ.

— Мудрено это что-то. Прежде и люди, и ихъ чувства были просты и естественны, а у нынѣшнихъ все какія-то хитросплетенія,—ворчала пани Таида.

— Такъ оно и должно быть. Жизнь усложняется, выходитъ изъ старыхъ рамокъ, а эти рамки.—законы и обычаи,—остаются тѣ же. Тутъ не люди виноваты, а жизнь.

— И ты, стало быть, сторонникъ эмансипаціи и феминизма?

— Къ этому я довольно равнодушенъ, но знаю, что современная свѣтская барышня мало удовлетворяла бы меня, какъ подруга жизни. Я желалъ бы больше ума и больше серьезности. Но, съ другой стороны, такая дѣвушка переросла теперешнія формы брака и побоится связать себя его условіями. Вотъ, каково положеніе. Во всякомъ случаѣ ужъ лучше остаться

холостякомъ, чѣмъ связать себя съ женой-куклой, или насѣдкой, или нѣжной, но глупенькой горлинкой.

— Позволь поблагодарить тебя за комплименты отъ лица всѣхъ женщинъ. Нечего сказать, разодолжилъ!

— Простите, дорогая, но даже и вы остались бы насѣдкой, еслибы былъ живъ отецъ. Онъ не допустилъ бы васъ до того дѣла, которое сдѣлало васъ женщиной-человѣкомъ. Ужъ таковъ строй жизни.

Пани Таида помолчала и потомъ съ неудовольствіемъ сказала:

— Изуродовали вы себя такими разсужденіями и взглядами. Другихъ не передѣлаете, собственную жизнь испортите. Пусть такъ, но развѣ ты не можешь воспитать свою жену такъ, какъ тебѣ надо?..

— Не подчинятся онѣ этому перевоспитанію; это покажется скучнымъ и ненужнымъ. Мои знакомыя барышни называютъ меня педантомъ и подсмѣиваются надо мной въ глаза. Я, по ихъ мнѣнію, недостаточно красивъ, плохо танцую и не умѣю съ ними болтать. А вотъ, Ясь Тычинскій, выгнанный изъ второго класса гимназіи, половину состоянія проигравшій въ карты, а другую промотавшій въ кутежахъ, по ихнему очарователенъ. Какъ онъ дирижируетъ въ танцахъ! Какъ онъ веселъ и милъ въ обществѣ! Однажды на вечерѣ у Бжезинскихъ я нечаянно подслушалъ болтовню барышенъ. Говорили о Рудѣ, а кстати и обо мнѣ. Я оказался выгодной партіей, не больше. Зато Ясь, Ясь,—это идеалъ мужчины!

— А мужчины развѣ не интересуются матеріальной стороной брака?

— Для такихъ и существуютъ всѣ эти куколки и канарейки. Я, благодаря вамъ, обезпеченъ. Если и еще случится пріобрѣсть, то это будетъ сдѣлано трудомъ. Изъ моихъ сердечныхъ дѣлъ денежные вопросы всегда будутъ устранены.

— Все это разсужденія. Еслибы ты влюбился...

— На это надежды мало.

Пани Таида вздохнула.

— Ты еще не можешь себѣ представить, что такое одиночество,—закончила она бесѣду.

Болѣе, чѣмъ когда-нибудь, она желала устроить сына возможно лучше и возможно скорѣе, но объ этомъ съ нимъ уже не заговаривала. О Стасѣ она думала съ неудовольствіемъ, приписывая взгляды сына ея вліянію. Она даже хотѣла написать ей объ этомъ, но отложила до личнаго свиданія.

Время шло. Вѣсти изъ Женевы приходили все рѣже и,

наконецъ, Стася совсѣмъ замолчала. Затѣмъ—телеграмма въ одно слово: „побѣда!“ а вскорѣ потомъ и коротенькое письмо, написанное торопливо, видимо, въ большомъ и счастливомъ волненіи. И письмо, и телеграмму Казя читалъ, волнуясь не меньше. Мать смотрѣла на него и ломала голову: что же это за чувство, если не любовь?

— Молодецъ,—говорилъ Казя.—Добилась своего. Вотъ, это человѣкъ, а не баба!

— Но еще не конецъ, еще государственный экзаменъ,—жалобно говорила Озерская.—Воображаю, на что она похожа теперь. Безъ болѣзни не обойдется. По почерку видно, что перо не слушается ея, даже слова перепутаны. И ничего не пишетъ о возвращеніи. Хоть бы пожалѣла себя и пріѣхала отдохнуть. Написать ей,—но развѣ она послушается!? А можетъ быть, она уже слегла...

— Я пошлю депешу отъ вашего имени,—предложилъ Казя.

— Прибавь и отъ меня, что мы ее здѣсь ждемъ,—сказала пани Таида.

Телеграфировали, но отвѣта не получили.

Между тѣмъ Руда оживилась: на лѣто пріѣхали Владя съ женой. Они были такъ счастливы и довольны, что, глядя на нихъ, пани Таида отчасти забыла свою заботу о другомъ сынѣ. Казя по прежнему дома былъ гостемъ, занятый весенними очередными дѣлами, своими и чужими.

Однажды вечеромъ, возвращаясь домой, Казя нагналъ почтовую повозку съ такимъ пронзительнымъ колокольчикомъ, что поинтересовался взглянуть на терпѣливаго пассажира, который выносилъ этотъ звонъ. Казя вглядѣлся, схватилъ своего кучера за плечи и закричалъ:

— Стой!

Въ повозкѣ находилась Стася. Казя подбѣжалъ къ ней, сіяя радостью.

— Наконецъ-то!—воскликнулъ онъ.—Отчего ты не отвѣчала на телеграмму? Твоя мать умираетъ отъ безпокойства.

— Я писала, но, какъ видно, письмо затерялось. Еслибы не ваша телеграмма, я не пріѣхала бы. Не исполнить желанія матери я не могла... Ну, дружище, я у цѣли, а ты какъ?

— Рабочимъ воломъ не сдѣлался, а и еще кое-чѣмъ занялся. Потомъ разскажу. А теперь о тебѣ. Трудно было?

— И не припомню. Знаю только, что окончила „cum laude“. Здѣшній экзаменъ пустяки, ну, а тамъ иное дѣло.

— Отпусти ямщика, поѣдемъ со мной.

— Незачѣмъ. Садись лучше ко мнѣ.

— Хорошо, но вели отвязать этотъ ужасный колокольчикъ.

— Колокольчикъ? А я даже не замѣтила, что есть колокольчикъ. Если у тебя такіе слабые нервы, вели отвязать.

— Какіе у тебя планы?—спрашивалъ Казя, усѣвшись въ повозку.—Не собираешься ли основаться въ Варшавѣ?

— Не рѣшила еще. Меня тянетъ за границу. Шнеманъ уговаривалъ остаться при его женской клиникѣ. Впрочемъ, сначала отдохну и потомъ буду думать.

— Нашъ Фіольскій ужъ совсѣмъ состарѣлся. Еслибы не честолюбивые планы, ты здѣсь могла бы имѣть и работу, и заработокъ.

— Покорно благодарю: зубы рвать, піявокъ припускать, чирьи заживлять и прочій вздоръ.

— Ну, не совсѣмъ такъ. Сама же ты когда-то говорила: „нѣтъ ничтожнаго дѣла, есть ничтожные люди“.

— Мнѣ теперь не до дебатовъ. Не только философствовать, но просто думать я не могу. Съ мѣсяцъ мнѣ въ самомъ дѣлѣ нужно только ѣсть, спать и лѣнтяйничать.

— А на утокъ будемъ ходить?

— Пожалуй, если только за это не будетъ сердиться мать

— Стася, тебя въ Женевѣ, должно быть, подмѣнили!

— Нѣтъ, но я никогда не забуду, что она для меня сдѣлала.

— А мы?—спросилъ Казя.

— И вы тоже,—серьезно отвѣтила Стася.

Онъ взглянулъ на нее новымъ, глубокимъ взглядомъ. Въ минуту ихъ неожиданной встрѣчи по своей радости онъ понялъ, что любитъ и давно любитъ ее. Теперь онъ говорилъ, но не то, что просилось изъ души. А въ сердцѣ волновалась молодая кровь. Онъ понялъ, почему онъ равнодушно проходилъ мимо другихъ женщинъ. Онъ искалъ человѣка. А она? Какъ спокойно сказала она: «И вы тоже». Она цѣнитъ сдѣланное для нея, повидимому, благодарна, но не тронута. Сердце сжалось у него. И все-таки ему была отрадна близость дѣвушки. Впервые въ жизни испытывалъ онъ подобныя чувства.

Стася умолкла, въ конецъ утомленная дорогой. Потомъ она потянулась и, зѣвая, спросила:

— Далеко еще?

— Вотъ, за той рощей. А знаешь, братъ съ женой у насъ.

— Что же она? Здорова?

— Да, пополнѣла, бѣлая, розовая. Влюблены другъ въ друга по уши. Владя такой же, какъ и прежде, весельчакъ и шутникъ.

— Большая у него практика?

— Не знаю, онъ объ этомъ не говоритъ.

Казя помолчалъ и послѣ нѣкотораго колебанія сказалъ:

— Ты не находишь страннымъ, что мы съ тобой на „ты“?

— А что? Понимаю, должно быть, Владя надъ этимъ подтруниваетъ. Да и мама не разъ находила это неприличнымъ. Приходится перейти на „вы“, но не ручаюсь, что буду помнить.

— На „вы“ только при другихъ?

— Ну, вотъ, думай каждый разъ, какъ сказать. Нѣтъ, ужъ, видно, надо намъ разстаться со студенческими манерами... Позвольте мнѣ, пожалуйста, папиросу.

Въѣхали въ рощу. Роса блестѣла при свѣтѣ луны, воздухъ благоухалъ. Стася смотрѣла на всѣ стороны и говорила:

— Хорошо у васъ тутъ. Дышешь и, кажется, вмѣстѣ съ воздухомъ вдыхаешь силы и здоровье. Непремѣнно уговорю маму, чтобы она разрѣшила мнѣ охоту въ твоемъ обществѣ... Вотъ, опять „ты“! Говорите мнѣ почаще „вы“, чтобы я не забывала приличій. Что это, вы, кажется, спите?

— Нѣтъ, мнѣ жаль нашего „ты“, нашего товарищества и прошлаго.

— Отъ прочаго, кромѣ „ты“, я не отказываюсь.

— А я чувствую, что и остальное кончилось и не вернется... Вотъ и Руда.

— Слава Богу. Четверо сутокъ въ дорогѣ безъ остановки.

У крыльца Казя высадилъ Стасю, но, не заходя въ домъ, прошелъ къ себѣ во флигель и, не зажигая огня, просидѣлъ тамъ, пока къ нему не зашелъ Владя.

— Что ты тутъ дѣлаешь? Спишь? Тебя ждутъ къ ужину. Маменька увѣряетъ, что ты навѣрно очень занятъ, а ты почиваешь. Замѣтилъ ты,—Стася похорошѣла. Какъ вошла, такъ съ мѣста заговорила о Шнеманѣ. Головой ручаюсь, что она влюбилась въ сего нѣмецкаго человѣка. Глаза такъ и горятъ.

— Горятъ отъ усталости послѣ четырехъ сутокъ дороги. Ее нервы только и держатъ, а то бы свалилась.

— А тебя, соня, не держатъ? Идемъ-ка ужинать, а потомъ на прогулку.

Когда пришли въ столовую, всѣ были уже за столомъ. Стулъ Кази оказался около Стаси. Владя шутилъ по поводу его сонливости, но онъ отмалчивался.

— А что, если бы завтра на зарѣ, да на утокъ?—смѣясь, сказала Стася.

— Вамъ пришлось бы плохо, если бы я поймалъ васъ на словѣ.

— Ладно, не поддразнивайте!

— На утокъ? Ради Бога!—отозвалась Озерская.

— Не тревожьтесь, — сказалъ Казя. — Сегодня ночью мнѣ нужно уѣзжать.

— Куда это опять?—спросила пани Таида.

— Въ Златополь на испытаніе экстирпаторовъ. Я долженъ встрѣтиться съ Езерскимъ и Бжезинскимъ. Раньше десятаго числа не вернусь, и то, если не будетъ нужно ѣхать на выставку въ Варшаву.

— Вернитесь къ Купалину дню. Будемъ въ лѣсу жечь огни и искать папоротниковъ цвѣтъ,—обратилась къ нему Ирена.

— А будете ли по этому случаю пѣть?

— Непремѣнно.

— Въ такомъ случаѣ постараюсь вернуться.

— Кромѣ того,—сказала пани Таида,—не забудь именинъ тетки. Тамъ ждутъ Владю съ женой и тебя. Да и тетка обижается, что ты давно не былъ.

— Панна Марія тоже обижается,—смѣясь, сказалъ Владя.

— И пусть обижается, — проворчалъ Казя. — Мнѣ некогда изумляться ея верховой ѣздою и новыми платьями.

— Что это за панна Марія?—спросила Стася.

— Моя будущая невѣстка,—отвѣтилъ на вопросъ Владя.

Стася съ насмѣшливой полуулыбкой взглянула на Казю но тотъ равнодушно сказалъ:

— Владя, что̀ жидъ-комиссіонеръ, за все берется, хоть свинью съ гусемъ сосватать, лишь бы имѣть гешефтъ.

— Панна Марія получше, чѣмъ гусь. И не ссорься со мной: когда придетъ пора сосватать тебя, безъ меня, ручаюсь, не обойдется.

— И придетъ, и пройдетъ, а ты и знать не будешь.

— Я въ отчаяніи, — смѣялся Владя. — Мои услуги отвергнуты.

Ужинъ былъ конченъ, встали и перешли въ другую комнату. Озерская не отпускала отъ себя дочь, пани Таида позѣвывала, Казя угрюмо молчалъ. Владя съ женою пошептались и вышли въ садъ.

Стася, какъ говорила, такъ и сдѣлала: нѣсколько дней только спала, да ѣла. Потомъ она принесла пани Таидѣ свой докторскій дипломъ и съ поцѣлуями и слезами благодарила ее. Та была тронута и забыла, что собиралась журить Стасю за убѣжденія Кази.

— Ну, что же теперь думаешь дѣлать съ собой?—спросила пани Таида, снимая очки и складывая дипломъ.

— Думаю вернуться въ Швейцарію. Тамъ у меня знакомые, кое-какія связи и надежда сдѣлать карьеру. Мама согласна ѣхать со мной. Затѣмъ, тутъ женщина-врачъ еще не пользуется популярностью, такъ что на достаточную практику разсчитывать трудно, тогда какъ за границей это иначе. Подумавъ, я и рѣшилась вернуться подъ сѣнь моей женевской almae matris.

— А другую alma mater, родную страну, бросишь? Съ нею будь, что будетъ, было бы намъ хорошо. Такъ?

— Но, вѣдь, я не верну ей ни жизни, ни здоровья.

— Обычная отговорка эгоистовъ. Хорошо, что Казя этого не слышитъ. Довольно и того, что ты вбила ему въ голову свои идеи о бракѣ, которыя онъ повторяетъ, какъ попугай.

— Никогда ни слова мы не говорили о бракѣ, — воскликнула Стася.—Да я никогда и не думала объ этомъ.

— Но ты противъ брака?

— Да, какъ женщина. Но онъ—мужчина, его точка зрѣнія иная. А отговаривать его отъ брака мнѣ незачѣмъ.

— Я увѣрена, что ты можешь и уговорить его жениться. И слѣдовало бы это сдѣлать ради меня.

— Я готова сдѣлать все, что вамъ угодно.

— Не думаю, мы слишкомъ разно разсуждаемъ, и ты меня не поймешь.

— Напротивъ, я васъ очень хорошо понимаю и вхожу въ ваше положеніе.

Стася охватила руками колѣни, нагнула голову и глубоко задумалась. Пани Таида что-то записывала въ книгахъ, и обѣ молчали. Тишину нарушилъ лакей, который доложилъ:

— Сударыня, къ вамъ Анна Васильева пришла.

— Введи ее въ контору.

Чрезъ минуту Стася услышала плаксивый голосъ старой бабы.

— Я къ вамъ, барыня. Помогите мнѣ, горькой. У моего старика раны на ногахъ, съ самаго великаго поста.

— Я сейчасъ пришлю къ тебѣ доктора.

— Это молодого барина? Я ужъ просила его, да онъ говоритъ, что ему некогда. Понятно, пріѣхалъ домой, отдохнуть хочется. Онъ со своей барыней поѣхали на лодкѣ сейчасъ.

— Гдѣ твой старикъ? Дома?

— Привезла я его. Оставила въ телѣгѣ за воротами.

— Стася, — позвала пани Таида, — не взглянешь ли ты на больного?

Дѣвушка очнулась отъ своей задумчивости и вошла.

— Какого больного?

— Старика моего, барышня. Съ самаго поста лежитъ—не встаетъ,—говорила старуха, кланяясь въ ноги.

— Пойдемъ, Стася,—сказала пани Таида.

И всѣ отправились за ворота, гдѣ въ телѣгѣ лежалъ страшно исхудавшій человѣкъ.

— Какъ же я осмотрю его тутъ?—сказала Стася.—Его надо внести куда-нибудь въ домъ.

— Я прикажу отворить больничку,—сказала пани Таида.

Бывшая старая сидѣлка тетя Дися раскрыла больницу, холодную и пустую, растворила окна, съ готовностью постлала постель, отперла аптечный шкафъ и по старой памяти подала Стасѣ бѣлый фартухъ и тазъ съ водой.

— Сейчасъ будетъ готова и горячая вода, а карболка—вотъ она.

Помогая уложить больного, старая Анна со вздохами говорила:

— Прошло времячко, когда покойница, какъ угодница, исцѣляла тутъ душу и тѣло. Она-то теперь въ царствіи небесномъ, у Господа Бога, а мы безъ нея словно сиротами остались.

Стася и пани Таида молчали, но обѣ разомъ вспомнили, какъ Стасѣ являлась Дися и обѣщала ей свой травникъ. Теперь случилось такъ, что Стася первая надѣла фартухъ покойной и первая стала у постели больного на ея мѣсто.

Стася работала скоро и ловко, рука у нея была легкая. Больной, приготовлявшійся къ долгому и мучительному осмотру, обрадовался, когда Стася отошла и сказала:

— Готово. Теперь ему надо лежать и два раза въ день перевязываться. Никогда не видала я такихъ запущенныхъ ранъ.

— Оставь старика здѣсь, Анна,—сказала пани Таида.

— Спасибо вамъ, барыня.—кланялась жена больного.—Теперь пора рабочая, въ избѣ никого, и воды подать ему некому. Что же, Василій, останешься?

— Ой, останусь. Только не трогайте меня. Подумать страшно, что нужно встать и лѣзть въ телѣгу. Дай вамъ, Господи, барыня и барышня!

А сидѣлка, принимая отъ Стаси фартухъ и подавая ей умыться, говорила:

— Дальше ужъ я всѣ порядки знаю. Теперь ему надо бульонцу, потомъ поить его вотъ этой травкой. Я все помню, какъ меня покойница учила, все, словно это было вчера. Комнату провѣтрить, больному услужить, потолковать съ нимъ

немного, чтобы не скучалъ, а ночью разика два встать и спросить, не нужно ли чего? Барышня, говорятъ, что вы настоящій докторъ,—такъ, сдѣлайте милость, послушайте у меня грудь и дайте чего-нибудь отъ удушья.

Стася выслушала, причемъ жена больного смотрѣла и дивилась на доктора-барышню. Осмотрѣвъ аптечку, Стася нашла нужныя капли и дала ихъ сидѣлкѣ.

— Какъ только узнаютъ, что больница открыта, завтра же не хватитъ кроватей,—сказала Стасѣ пани Таида.

— Въ такомъ случаѣ понадобятся свѣжія лѣкарства и кое-какіе инструменты, хоть бы самые простые. Жаль, что я не попросила Кази привезти мои изъ Варшавы.

— Напиши, чтобы выслалъ по почтѣ. Черезъ недѣлю ты ихъ получишь.

Стася уже начинала увлекаться. Письмо было написано сейчасъ же.

Пани Таида была права. Вѣсть объ открытіи больницы разнеслась, и на другой же день съ ранняго утра въ сѣняхъ и на крыльцѣ стояла цѣлая толпа. Нѣсколько бабъ, съ дѣтьми на рукахъ, подростокъ, позеленѣвшій отъ продолжительной лихорадки, мужикъ съ разрубленной топоромъ ногой, двое дезинтериковъ,—вся коллекція. Стася вернулась изъ больницы только къ обѣду, занятая и озабоченная.

— Вы не ошиблись, — обратилась она къ пани Таидѣ. — Больничка полна, но лекарствъ мало, многаго не хватаетъ, а писать рецепты я еще не имѣю права. И, знаете ли, мама,— обратилась она къ матери,—я начинаю думать, что уѣзжать мнѣ не слѣдуетъ. Держу государственный экзаменъ: еще немного терпѣнія, такъ и быть.

— А вы, коллега, уже практикуете? — шутя, вмѣшался Владя.—Позволите взглянуть на вашихъ паціентовъ? Не пригожусь ли вамъ для маленькаго консиліума или небольшой операційки? Кстати, сдѣлаю вамъ экзаменъ по латинскому языку.

— Пожалуйста. Сегодня же послѣ обѣда,—весело отвѣтила Стася.

Владя осмотрѣлъ больныхъ, выслушалъ діагнозы Стаси, подписалъ нѣсколько рецептовъ и, какъ всегда, посмѣивался и отпускалъ шуточки. Но потомъ онъ говорилъ женѣ:

— Знаешь, не шути съ этой дѣвицей. Оріентируется быстро, діагнозы удачные. Вотъ не думалъ встрѣтить такую толковую женскую голову. Да, у нея это рѣшительно призваніе!

— Зачѣмъ же ты всегда подтруниваешь надъ ней?

— Чтобы не заважничала. А по-латыни такъ и чешетъ, лучше, чѣмъ надо.

Съ этой минуты Стася снова сдѣлалась для остального общества чѣмъ-то вродѣ миѳа. Время, свободное отъ пріема больныхъ, она проводила за книгами, готовясь къ новому экзамену, не замѣчая прелестей лѣта и деревенской жизни. За обѣдомъ, когда ее видѣли, она слушала разсѣянно и отвѣчала не всегда впопадъ.

Когда вернулся Казя, она разсказала ему о своихъ занятіяхъ и планахъ, повела его въ больницу и была очень удивлена его разсѣянностью и безучастіемъ.

— Что съ тобой? Ты здоровъ ли? Ты самъ не свой.

— Я не свой, потому что принадлежу кому-то другому,— со странной усмѣшкой отвѣтилъ онъ.

Все это показалось ей не совсѣмъ обыкновеннымъ; она вспомнила разговоръ съ пани Таидой и сказала:

— А мнѣ нужно съ тобой поговорить.

— Изволь.

— Тутъ помѣшаютъ.

— Въ такомъ случаѣ пойдемъ завтра пораньше на утокъ.

— Пойдемъ.

— Я велю тебя разбудить.

— Не нужно. Я буду работать и совсѣмъ не лягу.

— Работать? Жаль мнѣ тебя, Стася. Опять ты изнуряешь себя.

И взглядъ Кази засвѣтился участіемъ и лаской.

— Ничего, не первый разъ. Вотъ, только ружье дай мнѣ полегче.

Подошелъ Владя съ женой, и всѣ вмѣстѣ направились къ дому.

— Ну, что же?—спросила Ирена.—Завтра Купала. Будемъ жечь огни? Вѣдь, и вы съ нами? Не правда ли, панна Станислава?

— Искать папоротникова цвѣта? Хорошо, пойдемъ, ежели только не засну, потому что завтра на зарѣ иду на утокъ.

— Вотъ какъ!—вмѣшался Владя,—а забыли, какъ когда-то отнеслась къ этому спорту мама? Скажи, на милость, Казя,— спросилъ онъ брата,—что съ тобой? Ты нехорошъ. Покажи-ка языкъ. Или ты влюбленъ? Въ такомъ случаѣ позволь выслушать сердце... Впрочемъ, и по внѣшнему виду можно сказать, что ты влюбленъ.

— Если бы и такъ. Развѣ это запрещается?

— Ничуть, ничуть. Ступай къ мамѣ за фамильнымъ перстнемъ.

Казя, и безъ того не въ духѣ, отвѣтилъ рѣзкостью. Владя не остался въ долгу. И готовилась ссора.

— Охота тебѣ поддразнивать,— сказала Ирена мужу.

— Тебя я никогда не дразню,—отвѣтилъ тотъ.

— Разсказывай. Двухъ словъ серьезныхъ отъ тебя не слышала.

Стася усмѣхнулась и подумала:

„Стоило ли для этого выходить замужъ?“

На слѣдующее утро, на разсвѣтѣ, Казя, съ двумя ружьями на плечахъ, постучалъ въ окно Стаси. Она отворила окно, выглянула, потушила лампу и стала складывать книги. Потомъ осторожно, чтобы не разбудить матери въ сосѣдней комнатѣ, вышла на крыльцо.

— Какъ видишь, не заспалась. Дай ружье.

— Я понесу оба.

— Давай. Ты знаешь, я этого не люблю.

Она взяла ружье, патронташъ, и они отправились черезъ садъ въ луга. Небо было не то матовое серебро, не то жемчугъ: на травѣ обильная роса. Все спало, только кое-гдѣ отзывались коростель или перепелка. Лягавый Ами, спеціалистъ по части утокъ, находился въ восторженномъ состояніи и, то и дѣло, прыгалъ хозяину на грудь.

Вдругъ у Стаси изъ-подъ ногъ вылетѣла куропатка. Стася выстрѣлила, и мимо.

— Пудель!—сказала она.

— Какъ видно, тебѣ суждено не отнимать жизнь, а поддерживать ее.

— Да, я настоящаго докторскаго хладнокровія и спокойствія еще не выработала. Однажды у Шнемана, во время операціи, подъ ножомъ умерла молодая женщина. Онъ отошелъ къ окну, побарабанилъ по стеклу пальцами и пожалъ плечами. Студенты тоже были или только казались хладнокровными. А меня душили слезы, я готова была сама умереть. Ужасно!

— Шнеманъ старъ или молодъ?

— Не старъ. Настоящій мастеръ своего дѣла. Хотѣла бы быть такимъ же.

— Это имъ дразнитъ тебя Владя?

— Имъ,—равнодушно отвѣтила Стася.—Студентокъ онъ не любитъ, и не изъ предубѣжденія, а потому, что, по его мнѣнію, имъ недостаетъ физической силы. Въ хирургіи бываютъ случаи, гдѣ на первомъ мѣстѣ сила и крѣпкіе нервы: рабо-

тать быстро, рѣшительно, безъ колебаній и не мучить паціента. У студентокъ губы побѣлѣютъ и дрожатъ руки. Онъ разсердится, прогонитъ остальныхъ и кричитъ: „Госпожа Озерская, вы—человѣкъ! А тѣ мнѣ мѣшаютъ. Пожалуйте, покажите, что такое присутствіе духа. Такъ меня и прозвали: присутствіе духа.

Казя шелъ сзади, слушалъ и молчалъ.

Солнце начало всходить, природа просыпалась: поля и луга ожили, воздухъ заблагоухалъ. Наши охотники были уже у ручья, посреди болота. Казя былъ настроенъ возвышенно, а она разсказываетъ объ операціяхъ. Ему было больно и досадно.

— Мнѣ кажется, чтобы понравиться твоему Шнеману, ты и меня распластала бы съ обычнымъ присутствіемъ духа.

Стася взглянула на него.

— Что это ты такой сердитый? Правду говоритъ твой братъ, что ты не тотъ, что былъ. Съ тобой трудно говорить.

— Смотря по тому—о чемъ. Напримѣръ, о хирургахъ, которые зарѣзываютъ людей до смерти, я слушаю, дѣйствительно, неохотно.

— Какъ я о симентальскихъ быкахъ и шленскихъ овцахъ.

— Чортъ бы побралъ и овецъ съ быками!

— Стало быть, намъ не о чемъ говорить. Сплетничать про знакомыхъ я не умѣю, политикой не занимаюсь. Новостей не знаю. Нѣтъ темъ.

Казѣ стало неловко за свои рѣзкости.

— Извини меня, пожалуйста. Мнѣ совсѣмъ не по себѣ: нервы расходились.

— Почему?

— Все мнѣ противно, неинтересно. Работаю, хлопочу, — а для кого, для чего?

— Кстати. Надняхъ, твоя мать дѣлала мнѣ выговоръ за то, что я, имѣя на тебя вліяніе, внушила тебѣ превратныя идеи о бракѣ. Если она основывается на твоихъ словахъ, то съ твоей стороны это дурно. Когда я отговаривала тебя отъ женитьбы.

— А тебѣ не приходило въ голову, что я никогда не женюсь?

Она повернулась къ нему и спокойно смотрѣла ему въ глаза.

— Это обстоятельство, дѣйствительно, не приходило мнѣ въ голову.

— А еслибъ это случилось, одобрила бы ты это?

— И объ этомъ я никогда не думала. Но въ свое время ты женишься.

— Можетъ быть, у тебя есть уже для меня и невѣста на примѣтѣ?

— Выдумывай. Просто, возьмешь красивую и богатую барышню и будешь жить, какъ всѣ живутъ.

— Спасибо за хорошія предсказанія, но они не оправдаются, потому что мой выборъ сдѣланъ, она меня не любитъ, а потому я никогда не женюсь.

— Почему же она тебя не любитъ?

— Не за что, или не съумѣлъ понравиться.

— Ты влюбился?! Каковъ!

— Ты этого не одобряешь?

— По совѣсти говоря, нѣтъ. Вдругъ ты сталъ для меня не прежнимъ, дальше отъ меня, чужимъ.

Они шли дальше. Первая заговорила Стася:

— Неужели же этого никто не избѣжитъ, и я въ томъ числѣ? Но едва ли. Чтобы влюбиться, непремѣнно нужно хоть немножко иллюзій, а я не могу забыть неприкрашенной дѣйствительности и сути. А ты, за что полюбилъ ты? Понравилась внѣшность?

— За то, что она хорошій человѣкъ.

— А другого отъ нея не потребуешь?

— Напротивъ. Я человѣкъ, какъ и всѣ. Но, прежде всего, я люблю ея душу.

— Что-то не вѣрится. Во всякомъ случаѣ, ты долженъ сказать матери. Пусть она не дѣлаетъ мнѣ впередъ незаслуженныхъ выговоровъ.

— Я привыкъ сообщать свои секреты только тебѣ и больше никому.

— Я не придумаю, чѣмъ тебѣ помочь. Надо терпѣть.

— Я терплю, но, знаешь ли, это не мучительно. Еслибы ты могла понять, какъ хороша любовь, хоть бы и безъ взаимности. Любовь—это сокровище въ душѣ. Въ сердцѣ -она.

— Она, которая тебя не любитъ?

— Но не любитъ и никого другого. Ея сердце спитъ, какъ сказочная царевна.

— Которую разбудитъ какой-нибудь франтъ-царевичъ.

— Нѣтъ, онъ не въ ея вкусѣ, а она не въ его. Она будетъ или моя, или ничья.

— Ты говоришь что-то несообразное, какъ въ бреду.

— Еслибы и ты такъ же бредила!

— Тогда было бы двое горячечныхъ.

— Нѣтъ, двое счастливцевъ.

Стася посмотрѣла на него съ опасеніемъ.

— Ты смотришь на меня такъ дико, словно это я предметъ твоей страсти.

— Ну, конечно же, ты! Кто же другой?!

— Я? Это въ меня ты влюбленъ?

— Кто же мнѣ запретитъ?

— Развѣ ты не помнишь, что ты мнѣ говорилъ въ прошломъ году въ Варшавѣ?

— Я тогда самъ не понималъ своего чувства, а теперь понялъ.

— И предлагаешь мнѣ руку и сердце?

— Руку нѣтъ. Сердце, да. Оно твое.

— Этотъ человѣкъ сошелъ съ ума! Очень тебѣ это нужно, да и мнѣ тоже. Были мы отличными товарищами, братомъ и сестрой, и вдругъ...

— Я остаюсь и братомъ, и товарищемъ.

— Извини, теперь ужъ я не вѣрю.

Стася сдѣлала нетерпѣливое движеніе и продолжала:

— Одумайся и выбрось всю эту исторію изъ головы. Весь этотъ вздоръ ты забудешь, если хотя немного подумаешь. Спроси кого угодно, такая ли я особа, въ которую можно влюбиться? И что скажетъ мать, подумай только, что она скажетъ!

— Ни она, ни кто иной объ этомъ не узнаетъ, но и къ тебѣ я не измѣнюсь. Я не буду тебѣ надоѣдать. Ты человѣкъ свободный, предъ тобой широкая будущность. Иди своей дорогой. Я сказалъ тебѣ всю правду, открылъ свою душу, а съ этой минуты ты не услышишь отъ меня ни слова. И забудь о томъ, что произошло.

— Ну, это трудно... А недурно было бы разсказать этотъ инцидентъ Владѣ,—онъ скоро бы тебя вылѣчилъ!

— Этого ты не сдѣлаешь.

— Почему?

— Потому что я открылъ тебѣ душу, а ты слишкомъ честный человѣкъ, чтобы играть чувствами другихъ... Ну, а теперь крестъ на всемъ, что случилось. Кончено, идемъ на утокъ.

— Какія утки?! Я иду домой.

— Напрасно. Немного подальше, за ивами, всегда множество утокъ.

— И отправляйся къ нимъ. Ты меня очень разсердилъ, и, еслибы я не сдерживалась, могла бы наговорить кучу непріятныхъ вещей.

— Чѣмъ же я тебя обидѣлъ или оскорбилъ?

— Повторяю, ты не въ порядкѣ. Ты, несомнѣнно, невмѣняемъ.

И Стася быстро направилась домой.

— Стоило для этого ни свѣтъ, ни заря тащиться въ болото,—ворчала она. — Второй случай! Тотъ студентишка, въ Женевѣ, не отдѣлался отъ меня такъ дешево, хотя правда и то, что теперешній только изливался, безъ болѣе опредѣленныхъ предложеній. Во всякомъ случаѣ положеніе глупое. Надо поскорѣе отсюда убираться. Ну, кто бы могъ этого ожидать! Скорѣе повѣрила бы, что меня похититъ турецкій султанъ.

Стася пошла прямо въ больницу, занялась больными и скоро перестала думать о случившемся: это было вздоромъ по сравненію съ тѣмъ, что у нея было передъ глазами. Возвращаясь въ домъ, она и совсѣмъ забыла. По дорогѣ ей встрѣтился Казя, который съ двумя утками шелъ съ охоты. Рука была у него обмотана платкомъ, на которомъ виднѣлись кровяныя пятна. Стася встревожилась.

— Неужели прострѣлилъ?—воскликнула она.

— Я отнималъ у собаки утку, зацѣпилъ курокъ и выпалилъ. Зацѣпило ладонь.

— Скорѣй иди въ больницу.

Въ минуту всѣмъ стало извѣстно, что Казя прострѣлилъ руку. Первой пришла пани Таида и нашла Стасю уже за дѣломъ. Казя былъ блѣденъ отъ боли, но молчалъ и смотрѣлъ не на свою раненую руку, а на Стасю, которая осторожно и ловко вынимала изъ окровавленной ладони дробь.

— Богъ мой, еще безъ руки останется,—тревожилась пани Таида.—Надо разбудить Владю.

— Не нужно, мама. Стася такъ ловко справляется, что мнѣ совсѣмъ не больно. А если рука испорчена, такъ и Владя не поможетъ.

— Рука будетъ въ порядкѣ, но рубцы останутся,—сказала Стася.—Не дурно ли вамъ? Вотъ эѳиръ.

„Вамъ"!— подумалъ Казя.

Мать обняла его и поцѣловала въ лобъ, покрытый испариной отъ боли. Пришелъ тоже встревоженный Владя и хотѣлъ помочь Стасѣ, но раненый попросилъ, чтобы онъ убралъ свои мужскія лапы.

— Какія нѣжности! Великолѣпно, панна Станислава! А теперь льду, а паціента въ постель. Заживетъ, но съ мѣсяцъ поняньчимъ этого спеленатаго ребеночка. Кости цѣлы?

— Цѣлы, но пятый палецъ останется кривымъ.

— Ну, и Господь съ нимъ, съ пятымъ пальцемъ. А теперь въ постель.

— Отъ постели избавьте. Очень вамъ благодаренъ, панна Станислава. Уже и теперь мнѣ гораздо легче.

Казя пошелъ на балконъ и устроился тамъ въ покойномъ креслѣ. Его окружили, за нимъ ухаживали и угождали ему, какъ больному. И онъ предвкушалъ удовольствіе ежедневныхъ перевязокъ. Теперь Стасѣ уже было неловко заговорить объ отъѣздѣ, да и Казя ни словомъ, ни взглядомъ не напоминалъ о своемъ объясненіи. Стася осталась.

Больница работала ускореннымъ ходомъ. Больные прибывали, являясь уже изъ дальнихъ деревень, привлекаемые славою барышни — настоящаго доктора. Стася работала безъ устали, но была довольна, потому что чувствовала себя въ своей сферѣ.

Однажды, дѣлая сложную перевязку, она спросила:

— Скажите, пожалуйста, какъ можетъ старый Фіольскій справляться съ такими толпами больныхъ?

— Вы думаете, Фіольскій станетъ говорить съ такими, какъ мы. Онъ лѣчитъ помѣщиковъ, чиновниковъ, богатыхъ евреевъ, а даромъ никого не лѣчитъ. Потомъ въ карты играетъ. Много бы онъ заработалъ, еслибы сталъ лѣчить мужиковъ!

— Ну, и мужики его учили, — вмѣшался Казя.— Разъ мужикъ даетъ ему рубль и проситъ сдачи.—Сколько?— Девяносто пять копѣекъ. — Нѣсколько разъ паціенты таскали у него со стола деньги. Съ тѣхъ поръ онъ уклоняется отъ подобныхъ паціентовъ.

— Кто же ихъ лѣчитъ?—спросила Стася.

— Помѣщики, какъ мы, жидки-фельдшера, а больше знахари и бабы. Разумѣется, мрутъ, — со вздохомъ сказала пани Таида.

„Вотъ, гдѣ можно поработать, — думала Стася, — вотъ, чему слѣдовало бы отдаться. И не суета ли извѣстность и слава?“

Казя смотрѣлъ на нее и старался угадать ея мысли.

Пани Таида продолжала:

— Нельзя требовать отъ людей сверхъестественныхъ добродѣтелей. Фіольскій пропитывается своимъ ремесломъ, какъ и всѣ, какъ и ксендзъ своимъ. Одинъ беретъ за то, что врачуетъ тѣло, другой за то, что врачуетъ душу. Правда, и то, и другое звучитъ диссонансомъ, но гдѣ же она, гармонія? Кромѣ того, борьба за существованіе изсушила въ насъ идеализмъ. Объ извѣстности еще говорятъ, но о самоотверженномъ исполненіи долга — нѣтъ.

И на это Стася ничего не сказала. Потомъ она порывисто встала, ушла къ себѣ и засѣла за книги.

Черезъ двѣ недѣли рука Кази почти зажила. Во время одной изъ перевязокъ Стася сказала, что завтра уѣзжаетъ.

— Уже?—спросилъ Казя, и голосъ его дрогнулъ.

— Я у всѣхъ вашихъ въ неоплатномъ долгу, — говорила Стася задумчиво.—Постараюсь отплатить, чѣмъ могу. Сегодня мнѣ снова надо серьезно поговорить съ вашей матерью.

— О чемъ?—въ волненіи спросилъ Казя.

— О многомъ,—отвѣтила она уклончиво.

Вошла Озерская, звать дочь укладываться.

Вечеромъ, когда пани Таида, полураздѣвшись, писала въ своей сѣрой тетради, къ ней вошла Стася, серьезная и сосредоточенная, какою она была въ послѣднее время. Она опустилась на скамеечку у ногъ старухи и сказала:

— Я пришла къ вамъ съ новымъ планомъ моего будущаго и за вашимъ одобреніемъ.

— А если вмѣсто одобренія будетъ строгая критика?

— Увѣрена, что нѣтъ... Помните ли, — помолчавъ, заговорила Стася, — какою я пріѣзжала къ вамъ въ первый разъ? Меня называли безбожницей, дурной дочерью, съ опасными идеями,—и не безъ основанія. И, сознаюсь вамъ, если бы не вы, я могла бы печально кончить: или въ Сибири, или въ сумасшедшемъ домѣ. Вы, можетъ быть, забыли вашу тогдашнюю бесѣду со мною, но я помню ее до послѣдняго слова. Въ то время всѣ, не моего поколѣнія, въ моихъ глазахъ были глупцами и моими личными врагами. На ихъ совѣты и наставленія я отвѣчала дерзостями и глумленіемъ. Только ваши слова запали мнѣ въ сердце, а въ сердцѣ былъ хаосъ, пожаръ. Вы меня отрезвили, и я задумалась надъ жизнью. Потомъ я украдкой прочитала вашу сѣрую тетрадь и рѣшила, что моя жизнь не должна пройти безполезно, безслѣдно, безъ подвига.

— Горячая голова! Она и теперь не остыла, — замѣтила пани Таида.

— Но пожара въ ней уже нѣтъ. Вы дали мнѣ первый толчокъ.

— Хорошій толчокъ, послѣ котораго ты убѣжала изъ дома. Я тому причиной?

— Пожалуй, и вы. Я хотѣла подражать вамъ въ жизненномъ подвигѣ, а для этого мнѣ пришлось идти напроломъ. Потомъ настали черные дни. Потерявъ вѣру въ Бога, я извѣрилась и въ людяхъ, нуждалась страшно и была на волосокъ

отъ самоубійства. Скажу вамъ теперь, что, когда мнѣ привидѣлась тетя Дися, передо мной стояла стклянка съ ядомъ. Я смотрѣла на догоравшую лампу и думала: „лампа погаснетъ, а съ нею и моя жизнь“. Но... я увидѣла тетю Дисю и была спасена. Утромъ я пошла въ церковь, а черезъ нѣсколько дней получила хорошія письма и ваши сто рублей. Все это было слѣдующимъ рѣшительнымъ шагомъ къ духовному оздоровленію. И вотъ, если теперь во мнѣ есть что-нибудь хорошее, такъ это только благодаря вамъ.

— Скажу тебѣ откровенно, что я не сочувствую твоимъ взглядамъ на женщинъ и никогда не сочувствовала.

— И все-таки вы поддерживали меня нравственно. Въ прошломъ году, въ Варшавѣ, кто, какъ не вы, понялъ меня и далъ мнѣ возможность кончить ученье?

— И тутъ я почти ни при чемъ. Это Казя меня уговорилъ. Конечно, я не люблю наполовину сдѣланныхъ дѣлъ, и мнѣ тебя было жаль, какъ тружеиицы.

— Скажите, не думали ли вы, что дѣлаете добро неблагодарной?

— Пустяки! Во-первыхъ, никакого особеннаго добра я не дѣлала. А затѣмъ удержать кого-нибудь отъ опаснаго шага или помочь въ бѣдѣ — заслуга небольшая. Это просто нашъ долгъ, но, еще разъ скажу, мы забыли, что такое долгъ, и только потому мы видимъ въ его исполненіи какой-то подвигъ. Нѣтъ, не благодари меня.

— И не буду. Я отблагодарю не словами, а дѣломъ: — я сдѣлаю то, что сдѣлали бы на моемъ мѣстѣ вы... Завтра я уѣзжаю, сдаю государственный экзаменъ, а потомъ вмѣстѣ съ матерью поселюсь въ вашемъ мѣстечкѣ. Тутъ я и буду работать.

Пани Таида взяла обѣими руками голову дѣвушки и крѣпко ее поцѣловала. Она была такъ взволнована, что заговорила не сразу.

— Повѣрь,— сказала она,— нѣтъ пустого дѣла, есть только пустые люди.

VI.

Мѣстечко, когда Озерскія въ него пріѣхали, заволновалось, точно муравейникъ, въ который воткнули палку. Обитатели его рѣшили, что лѣчиться у „бабы“ не станутъ. И странное дѣло, больше всѣхъ засуетились женщины, точно молодая

Озерская сдѣлала что-то крайне предосудительное и даже позоряшее женскую половину человѣчества. Добрая доля шутокъ дурного разбора выходила и отъ Фіольскаго и усердно распространялась его пріятелями. Мѣстныя кумушки, съ знакомой намъ Кларой Вавельской во главѣ, наперерывъ злословили, выдумывали скандальныя исторіи, плели небылицы. Спокойны были только однѣ Озерскія, занятыя устройствомъ на новомъ мѣстѣ.

За двѣ тысячи рублей былъ купленъ небольшой домикъ недалеко отъ базара, съ просторнымъ садомъ и огородомъ. На проценты съ капитала можно было жить безбѣдно, а самый капиталъ поручили помѣстить Казѣ по его усмотрѣнію. Озерская была въ полномъ удовольствіи отъ того, что жизнь въ мѣстечкѣ дешева, что у нея есть собственный кусокъ земли, что будущее и ея, и дочери обезпечено...

— Все есть, а паціентовъ не будетъ, — подсмѣивались кумушки и сплетники.

Но уже въ первое воскресенье мужики, сосѣдніе съ Рудой, явились въ мѣстечко и ходили отъ воротъ къ воротамъ, кого то разыскивая. Ихъ или прогоняли, или смѣялись надъ ними. Несмотря на то, черезъ нѣкоторое время въ аптеку три мужика принесли рецепты, на которыхъ смѣло и отчетливо красовалась подпись: D-r Станислава Озерская. Аптекарь задумался. Тутъ же случились Фіольскій и еще кое-кто. Фіольскій тоже обозрѣлъ рецепты.

— Тебѣ лѣкарство отъ кашля? — спросилъ мужика аптекарь.

— Нѣтъ, отъ лихорадки.

— А написано: отъ кашля.

Аптекарь и докторъ расхохотались.

— Дорого заплатилъ за совѣтъ?—снова спросили мужика.

— Ничего. А капли все-таки дайте. Помогутъ. Мы эту барышню знаемъ, — это мужицкій докторъ. Не гоняетъ нашего брата.

Аптекарь и докторъ стали шептаться. Аптекарь покачалъ головой и сказалъ:

— Нельзя, опасно.

Фіольскій нахмурился и вышелъ. Къ мужикамъ подошла мѣстечковая баба и два любопытныхъ жидка.

— И не врете, что лѣчитъ даромъ?—допрашивали они.

— Даромъ, гроша не беретъ. А возится съ тобой, словно ты ей родня. На иного только взглянетъ — и знаетъ, что у него: такіе ужъ Богъ ей глаза далъ.

— Ну, а если апэраціэ?—разспрашивалъ жидокъ.—И апэраціэ даромъ? Ой, апэраціэ дорого стоитъ!

— Не знаю, — сказалъ мужикъ, — аперація у меня не болѣла. А прошлымъ лѣтомъ у одной нашей бабы чирей былъ съ кулакъ,—такъ ее вылѣчила.

— Чирей?—переспросилъ жидокъ.—У меня теперь чирей.

— Ступай къ ней,—вылѣчитъ.

— Даромъ лѣчитъ? Слыханное ли дѣло!—недоумѣвала баба.

По бѣднымъ избамъ и еврейскимъ лачугамъ разнеслась вѣсть о безплатномъ лѣченіи, и къ полудню на дворѣ у Озерскихъ уже было нѣсколько жидовокъ. Онѣ не вѣрили, что женщина можетъ лѣчить, какъ докторъ, опасались и Фіольскаго, но—даровое лѣченіе! Предъ этимъ устоять было невозможно.

Еще нѣсколько дней,—и у Стаси было столько паціентовъ, что хоть отбавляй. Правда, паціенты не пріѣзжали въ экипажахъ на собственныхъ лошадяхъ; мало того, многіе приходили босикомъ. Нельзя сказать, чтобы старая Озерская смотрѣла на эту выставку лохмотьевъ, дыръ, заплатъ и грязи съ удовольствіемъ, но Стася ни разу не обнаружила ни брезгливости, ни отвращенія. Терпѣливо осматривала и выслушивала она самыхъ непривлекательныхъ, дѣлая только ту разницу, что тому, у кого была рубаха на тѣлѣ, давала рецептъ въ аптеку; а у кого рубахи не оказывалось,—были и такіе,—тому давала свое лѣкарство. Чрезъ недѣлю пришлось вывѣсить на дверяхъ росписаніе пріемныхъ часовъ. Иначе не давали бы ни ѣсть, ни спать, ни читать.

— Я очень доволенъ, что избавился отъ босой команды,—говорилъ всѣмъ Фіольскій.— Отправлюсь къ коллегѣ въ юбкѣ съ визитомъ и поблагодарю за одолженіе.

Аптекарь былъ втайнѣ доволенъ, потому что Стася направила къ нему и такихъ больныхъ, которымъ до того ни одинъ докторъ не желалъ прописывать рецепта. Онъ даже посѣтилъ Озерскихъ подъ предлогомъ, что не понимаетъ рецепта, и разсыпался въ комплиментахъ, которые Стася приняла довольно равнодушно. Гость осматривалъ помѣщеніе и обстановку съ жаднымъ любопытствомъ, собирая матерьялъ для вечерней бесѣды у землемѣра или у судьи. Да и остальнымъ было интересно знать, какъ живетъ такая диковина, какъ женщина-врачъ.

Вечеромъ въ гостяхъ аптекарь былъ героемъ дня.

— Правда ли, что она острижена подъ гребенку и куритъ табакъ?—спрашивали дамы.

— Волосы у нея длинные, темнорусые. Папиросы отличныя,—угощала.

— А собой какова?

— Ничего себѣ. Роста высокаго, и талія хороша. Конечно, маленько важничаетъ и не совсѣмъ деликатна. Когда я поздравилъ ее съ обширной практикой, она поняла, что это значитъ, эдакъ прищурила глаза и говоритъ: „Я довольна, именно такихъ паціентовъ мнѣ и нужно". Но вотъ, на что я обратилъ вниманіе: инструменты у нея—мое почтеніе. Цѣлый шкафъ. Любому варшавскому хирургу впору. И книгъ много, на разныхъ иностранныхъ языкахъ. Собирается завести лошадь, чтобы ѣздить по деревнямъ. Видно, есть средства.

— Средства найдутся, если ихъ кто-нибудь даетъ,—ядовито ввернула Клара Вавельская, которая въ замужествѣ такъ же подозрительно относилась къ чужимъ репутаціямъ, какъ въ дѣвичествѣ была довольна своей собственной.

— Пустяки ты говоришь, — вмѣшался ея мужъ. — Кромѣ Старчевской, тамъ никто не бываетъ, а она бросать деньги не любитъ.

— А вотъ, бросаютъ,—и пани Старчевская, и панъ.

— Какой панъ? Не Казиміръ ли? Но его никто тамъ не видитъ. Опомнись!

— То-то и есть, что никто не видитъ. Хорошія дѣла не скрываются ни отъ людского глаза, ни отъ дневного свѣта.

Вавельскій громко расхохотался.

— Стало быть, онъ по ночамъ ѣздитъ!.. Тридцать верстъ туда и обратно?! Матушка, придумай другого пана, поближе.

— Ужъ я знаю, что говорю. Безбожница, костела не посѣщаетъ, сахарницей у нея служитъ человѣческій черепъ, въ пятницу ѣстъ скоромное, матери не почитаетъ и, кто знаетъ, бывала ли когда-нибудь у исповѣди и святого причастія. Нѣтъ, я у нея никогда не буду!

Вавельскій махнулъ рукой и сѣлъ за винтъ. Онъ зналъ, что жену не переспоришь.

Казя въ самомъ дѣлѣ былъ у Озерскихъ только разъ, вмѣстѣ съ матерью, и больше не показывался. Отношенія его и Стаси сложились иначе. Казя былъ сдержанъ, не объяснялся и не вызывалъ на объясненія. Онъ говорилъ, что чувствуетъ себя утомленнымъ, и такимъ и казался. Пани Таида жаловалась иногда Озерской, что хозяйство ей становится совсѣмъ не подъ силу, а сынъ, когда она съ нимъ заговариваетъ о женитьбѣ, недовольно отмалчивается. Потужили, поохали, но ни одной не пришло въ голову, что молодой человѣкъ любитъ безъ

взаимности и страдаетъ. Но онъ упорно ждалъ. На болѣе частыя и интимныя свиданія онъ не отваживался, боясь измѣнить себѣ и не сдержать обѣщанія—не говорить о своей любви. Что касается Стаси, то все ея время было отдано труду.

Насталъ мартъ, холодный и дождливый. Работы у Озерской и еще прибавилось, такъ какъ ее стали вызывать въ деревни, гдѣ появились крупъ и дифтеритъ. Дѣти умирали, какъ мухи. Фіольскаго одолѣлъ ревматизмъ, и онъ выходилъ рѣдко и къ немногимъ.

Захворалъ ребенокъ и у Вавельской, единственный и любимый. Вавельскаго не было дома, Клара растерялась и послала за докторомъ. Ночь была темная, бурная, снѣгъ пополамъ съ дождемъ и грязь по колѣно. Долго пришлось ждать, время тянулось для матери мучительно долго. Кларѣ становилось жутко. Наконецъ, посланный вернулся ни съ чѣмъ. Фіольскій самъ боленъ, придти не можетъ и взамѣнъ прислалъ заглазный рецептъ. Ребенокъ метался и стоналъ, Клара рвала на себѣ волосы.

— Не сходить ли за барышней? — несмѣло отозвалась служанка, которая потихоньку отъ своей барыни лѣчилась у Стаси.

— Иди, зови. Пусть она спасетъ мое дитя... Но если она не захочетъ придти? Боже мой, Боже мой!—стонала Клара.

— Придетъ, только бы застать: ее теперь нарасхватъ зовутъ.

— Я говорю, что она не захочетъ придти, именно, ко мнѣ. Скажи, что я на колѣняхъ ее прошу!.. Или нѣтъ, ты не говори, къ кому зовешь. Иди же, иди, скорѣй!

Служанка ушла, и опять минуты казались годами.

— Не придетъ! Не захочетъ; добрые люди, навѣрно, передали ей, что я о ней говорила. Конечно, удобный случай отомстить мнѣ. О, я, несчастная! О, мой бѣдный сынъ!

Клара съ завистью вспомнила пасынковъ, которые здоровымъ сномъ спали въ сосѣдней комнатѣ.

Вотъ, хлопнула дверь, и Клара бросилась на встрѣчу служанкѣ.

— Не будетъ? Отказалась?

— Я тутъ,—послышался въ отвѣтъ голосъ Стаси, снимавшей дождевой плащъ, съ котораго текла вода.

Вавельская стояла, какъ вкопанная.

— Я позволила себѣ, — продолжала Стася, — послать служанку прямо въ аптеку, чтобы не терять времени. У ребенка, вѣроятно, крупъ.

— Что, если онъ не выздоровѣетъ!? Я не переживу этого. А безсовѣстный докторъ не пожелалъ придти.

— Докторъ не столько безъ совѣсти, сколько безъ ногъ. Нечего дѣлать, придется ограничиться мною. Я должна немного обогрѣться. Давно ребенокъ захворалъ?

— Съ вечера, но для матери это цѣлая вѣчность... Ради Бога, спасите! Войдите въ гостиную.

Стася вошла, растирая руки.

— Докторъ Фіольскій не во-время захворалъ, — сказала она.—При этой эпидеміи трехъ врачей было бы мало.

— Для васъ это кстати.

— Почему? Наоборотъ, я не могу справиться.

— Кстати—въ матерьяльномъ отношеніи.

— Я лѣчу только даромъ.

— Всѣхъ? Какъ же это возможно!

— Къ счастью, я не вынуждена лѣчить, чтобы жить. Поэтому живу, чтобы лѣчить. Вотъ, я и согрѣлась, пойдемте къ больному. Я спѣшу, меня ждутъ лошади.

— И вы поѣдете въ такую страшную погоду и даромъ?

— Нельзя ждать, пока перемѣнится погода.

Вошли къ ребенку. Стася замолчала и занялась больнымъ. Измѣрила температуру, выслушала легкія, осмотрѣла горло.

— Безъ маленькой операціи дѣло не обойдется, — сказала она.

— Вы хотите разрѣзать горло? Одна, безъ доктора, безъ консиліума?!

— Успокойтесь.—Стася вынула изъ сумки иглу и стклянку и сказала:—посвѣтите мнѣ.

— Боже, вы его убьете!—стонала Вавельская. — Боже мой! И никого нѣтъ, ни мужа, ни доктора!

Стася сурово взглянула на нее и собиралась что-то сказать, но ребенокъ въ это время захрипѣлъ. Стася поспѣшно взяла свѣчу, установила ее, какъ было нужно, и впрыснула сыворотку. Прежде, чѣмъ Вавельская опомнилась, дѣло было сдѣлано. Въ эту минуту вошла служанка съ лекарствомъ.

— Барышня, за вами лошади изъ Руды, — сказала она. — Ищутъ васъ по всему мѣстечку. Кучеръ говоритъ, что у приказчика двое дѣтей умерли, и третій плохъ.

Стася первую ложку лѣкарства дала ребенку сама, погладила его по головкѣ и обратилась къ матери:

— Выздоровѣетъ. Успокойтесь и усните. Лѣкарство давайте каждые два часа, если не будетъ спать. Успокойтесь: все будетъ хорошо.

Стася вышла. Когда Клара спохватилась и пошла за нею въ прихожую, тамъ уже никого не было.

Къ утру мальчику стало лучше, но Вавельская чувствовала, что ей стыдно и досадно. Навѣщавшимъ ее пріятельницамъ она говорила, что Фіольскій старый лѣнтяй и только притворяется больнымъ, чтобы его не безпокоили.

— Разбогатѣлъ на наши деньги, а теперь насъ и знать не хочетъ. Нечего дѣлать, должна была позвать Озерскую.

— Что вы говорите! Ну, и какъ же? Пришла? Понимаетъ что-нибудь?

— Пришла сейчасъ же. Положимъ, она почти ничего не сдѣлала, — Богъ пожалѣлъ мое дитя. Говорила объ операціи, но я этого не позволила. Впрыснула ему что-то подъ кожу, должно быть, морфій, чтобы уснулъ, да дала микстуру. Только и всего. Но чтобы въ ней было что-нибудь особенное, этого я, признаюсь, не замѣтила. Какъ и всѣ. Ребенка приласкала и такъ осторожно осмотрѣла, что бѣдняжечка и не почувствовалъ. Женщина всегда женщина.

— А плату взяла?

— Ахъ, у меня голова шла кругомъ... Говоритъ, что платы не беретъ, но мы, слава Богу, не нуждаемся и, какъ только вернется мужъ, сейчасъ же отошлю ей деньги.

— Ну, конечно. Что она, за нищихъ насъ считаетъ? — вторили кумушки.

Въ это время подъѣхала повозка Вавельскаго, а черезъ минуту вошелъ и онъ.

— Что съ ребенкомъ?—съ безпокойствомъ спросилъ онъ.

— Слава Богу, лучше,—отвѣтили ему хоромъ.

— Отъ кого ты узналъ, что сынъ боленъ?—спросила жена.

— Я встрѣтилъ Фіольскаго. Съ графомъ ударъ, и его повезли къ графу. Фіольскій очень извинялся, что не могъ придти къ ребенку.

— А къ графу смогъ!

— Туда его повезли въ экипажѣ. Стало быть, Озерская помогла? Дай Богъ ей здоровья. А ты что про нее говорила, помнишь? Вотъ, теперь и стыдно.

— Ничего я не говорила; я повторяла, что говорили другіе. Это Фіольскій изъ зависти выдумывалъ.

Гостьи, предвидя наступленіе семейной сцены, помаленьку одна за другой поспѣшили убраться.

— Хорошо ли ты Озерскую приняла?

— Ты воображаешь, что я не умѣю себя держать,—обидѣлась Клара.—Ты забылъ, что я не какая-нибудь...

— Не забылъ. Помню, помню: ты объ этомъ говоришь такъ часто. Но я близко тебя знаю,—поэтому-то и спросилъ.

— Въ суетѣ я забыла заплатить ей. Надо будетъ отослать.

— Сходи сама и поблагодари. Денегъ она не беретъ.

— Я не желаю у нея одолжаться и отошлю.

Вавельскій что-то съ досадою проворчалъ и пошелъ къ ребенку.

Клара сочинила очень изысканное письмо, вложила трехрублевку и отправила, но такъ какъ Стаси не было дома, то письмо вернулось нераспечатаннымъ. На слѣдующій день повторилось то же самое. Наконецъ, на третій Клара получила отвѣтъ и въ немъ три рубля.

„Никакой платы за совѣты я не беру, — писала Стася, — и вознаграждена уже тѣмъ, что вашъ мальчикъ здоровъ. Насколько я замѣтила, онъ прекрасно сложенъ и будетъ расти, не причиняя вамъ большихъ хлопотъ".

Клара была обезоружена, даже тронута и отправилась къ Озерскимъ.

Озерская-мать шила, Стася читала ей вслухъ. Гостью приняли привѣтливо, но она была смущена и не знала, какъ начать разговоръ.

— Я пришла поблагодарить васъ,—наконецъ, начала она.— Вы ставите меня въ неловкое положеніе. Мы, благодаря Бога, не находимся въ нуждѣ и не должны пользоваться даровой помощью. Намъ совѣстно предъ другими.

— Ну, другіе очень хорошо знаютъ, что обратиться ко мнѣ васъ заставила крайность,—улыбнулась Стася. — Мнѣ жаль, что это вамъ не нравится, но я не могу отступать отъ своихъ правилъ. Я исполняю завѣщанное мнѣ сестрою пани Старчевской, благодаря которой я здравствую и стала врачомъ. Если и это васъ не удовлетворитъ, то отдайте деньги аптекарю на лѣкарства для бѣдныхъ.

— Знаете ли, еслибы написать въ газетахъ, что докторъ, настоящій докторъ, не беретъ денегъ, никто бы не повѣрилъ!

— Другіе берутъ, потому что этимъ живутъ: это ихъ извиняетъ. Въ томъ, что я не беру, заслуга небольшая: я сыта и обезпечена, благодаря матери, и могу жить, какъ мнѣ нравится.

Стася взяла руку матери и поцѣловала.

— Не говори пустяковъ,—возразила мать.—Лучше вдерни мнѣ нитку, я не вижу. Не вѣрьте ей, — обратилась она къ Кларѣ,—все это она выдумываетъ. Я всегда была плоха здоровьемъ, а теперь здорова. И знаете,—почему? Потому что, благодаря ей, у меня явилось настоящее дѣло.

— Вы говорите о вашемъ садѣ?

— Вотъ, именно. На старости лѣтъ обзавелась землицей, а съ нею много работы. Затѣмъ, Боже мой, сколько здѣсь бѣдноты и нужды! Дочь лѣчитъ, а я, сколько могу, кормлю и одѣваю. Выучилась и шить, и кроить, и такъ всегда занята, что и хворать некогда. А все благодаря ей. Слава Богу, я довольна, намъ хорошо.

— Вы, панна Станислава, такъ много учились, и все время однѣ, вмѣстѣ съ мужчинами. Я слыхала, заграничные мужчины очень смѣлы съ дамами.

— Ну, не слишкомъ. Впрочемъ, я такъ была занята ученьемъ, что мало о чемъ иномъ думала, меньше всего о смѣлыхъ мужчинахъ. Мнѣ ничего отъ нихъ не было нужно, и имъ отъ меня тоже.

Клара вздохнула,

— Когда я осиротѣла, я тоже хотѣла быть самостоятельной. Но, ахъ, какъ трудно прожить одинокой! Теперь я въ семейной пристани. Правда, мой мужъ не совсѣмъ изъ нашего круга, но онъ такъ понимаетъ и цѣнитъ меня, что я многое ему извиняю. Когда Богъ далъ мнѣ дитя, я и совсѣмъ примирилась съ новыми условіями, въ которыя меня поставила судьба.

Стася усмѣхнулась.

— Долго ли вы жили въ Рудѣ?—спросила Озерская.

— До замужества. Тамъ я и съ мужемъ встрѣтилась. Какъ же поживаетъ пани Старчевская? Очень почтенная особа. Все собираюсь ее навѣстить, но ребенокъ не отпускаетъ.

— Пани Старчевская здорова, — сказала Стася.—Я была тамъ на-дняхъ.

— А Казиміръ все не женится?—спросила Клара, проницательно глядя на Озерскихъ.

— Не знаю. Объ этомъ не говорили, да и его не было дома.

— Меня удивляетъ, что онъ не женится. При его состояніи! Говорятъ, что онъ ухаживаетъ за дочерью графа, Вандой. Мой мужъ встрѣчалъ его тамъ.

— Это не такъ. Старчевская была у насъ на прошлой недѣлѣ и ничего подобнаго не говорила.

„Казиміръ ихъ не интересуетъ, попробую о другомъ“, — подумала Клара и спросила:

— Съ ксендзомъ вы знакомы?

Оказалось, что Стася его знаетъ.

— Какъ же вы находите его?

— Организмъ прочный. Сто лѣтъ проживетъ, только курить надо меньше.

— А какъ собесѣдникъ, онъ вамъ понравился?

— Да какъ вамъ сказать? Я бесѣдовала съ нимъ мимолетно. Всегда куда-нибудь спѣшишь, куда-нибудь зовутъ. Вообще, за дѣломъ я ни съ кѣмъ не познакомилась.

— Ксендзъ — свѣтлая личность. Какъ онъ исповѣдуетъ! Какія говоритъ проповѣди!

Клара думала, что тутъ она узнаетъ, точно ли Стася не бываетъ у исповѣди, но Стася промолчала, потомъ пришла еврейка съ больнымъ ребенкомъ, и Вавельская нашла своевременнымъ окончить свой визитъ.

Все еще не забывъ своего неудовольствія противъ Фіольскаго, Клара говорила своимъ знакомымъ:

— Озерская — совсѣмъ приличная особа. Все, что о ней разсказывали, просто выдумки этого стараго живорѣза. Если, Боже сохрани, захвораю, позову ее. Съ женщиной все какъ-то свободнѣе. Одно нехорошо, что не беретъ денегъ.

И остальные находили, что нехорошо, но, несмотря на то, все-таки шли къ Стасѣ. Паціенты прибывали и прибывали.

Однажды, почувствовавъ себя сильно утомленною,—эпидеміи дифтерита и крупа дали себя знать,—Стася не устояла противъ желанія отдохнуть хотя бы день, другой, и для отдыха, вмѣстѣ съ матерью, отправилась въ Руду, къ пани Таидѣ.

Когда подъѣхали къ дому, ихъ встрѣтилъ Казя, молча поклонился и помогъ выйти изъ брички.

— Ты намъ не радъ!—невольно воскликнула Озерская. — Мы пріѣхали, должно быть, не во-время?

Казя покраснѣлъ во всю щеку. Онъ не радъ! У него такъ билось сердце, что онъ боялся заговорить, чтобы не выдать себя. Но тутъ онъ отвѣтилъ:

— Это я отъ изумленія: вы никогда не бываете у насъ. Напротивъ, вы очень во-время. Мама будетъ очень рада.

— И я очень рада, что застаю васъ,—сказала Стася. — У меня къ вамъ большая просьба: или продать, или помочь мнѣ купить лошадь и какую-нибудь телѣжку, поудобнѣй.

— Лошадей заводите? Значитъ, дѣла идутъ бойко. А Владя,— тотъ жалуется на плохія времена и недостатокъ практики.

— Я жалуюсь только на недостатокъ времени. Что же, поищете коня и колесницу?

— Хоть сейчасъ. Все будетъ къ вашимъ услугамъ. Однако, надо предупредить о васъ маму.

Но мать уже шла на встрѣчу гостямъ, укоризненно покачивая головой.

— И не грѣхъ тебѣ, Стася, трясти мать на жидовской бричкѣ цѣлыхъ тридцать пять верстъ! Ну, что бы написать,— я прислала бы за вами.

Она обняла Озерскую и погладила по головѣ Стасю.

— Ступайте въ Дисины комнаты, а я позабочусь о завтракѣ. У меня по прежнему: лѣта прибавляются, а работы не убавляется. А этотъ,—она указала на сына,—прежде, когда я уговаривала его жениться, только молчалъ, а теперь готовъ меня укусить за эти уговариванья. Точно я склоняю его на преступленье!

— Мама!—съ укоромъ сказалъ Казя.

— Молчи, пожалуйста. Я еще не забыла вчерашняго.

— Не хорошо, не хорошо,—погрозила ему пальцемъ Озерская.

— Я не понимаю, чего мама отъ меня добивается, — чуть не со слезами вырвалось у Кази.—Я работаю, не растрачиваю, коплю, прошу, чтобъ мама взяла помощницу. Пусть это будетъ не дешево стоить,—я не пожалѣю о деньгахъ. Но не могу же я жениться противъ желанія, насильно, и такой женитьбой обмануть жену...

— Я никого не навязываю. Женись по своему выбору.

Казя только пожалъ плечами.

— Вотъ, такъ всегда кончается нашъ разговоръ,—съ сердцемъ сказала пани Таида.

Стася не принимала участія въ разговорѣ. Она только спросила, нѣтъ ли работы въ больничкѣ?

— Только не сегодня. Сегодня подари намъ, здоровымъ.

— Не взглянете ли на лошадей? — предложилъ Казя. — У насъ продажныхъ четверка.

— Лошади еще вчера отосланы на луга, — сказала пани Таида.—Не поѣдете ли туда послѣ обѣда въ лодкѣ? Такая прогулка была бы тебѣ, Стася, полезна: ты опять похудѣла и поблѣднѣла.

— Въ лошадяхъ я ничего не понимаю и положусь на вашъ выборъ. А въ лодкѣ прокачусь съ удовольствіемъ.

Казя повеселѣлъ, лицо его прояснилось. За обѣдомъ онъ весело разговаривалъ съ Озерской, разспрашивая о ихъ жизни въ мѣстечкѣ. Какъ только обѣдъ былъ оконченъ, онъ взглянулъ на часы и обратился къ Стасѣ:

— А теперь, если угодно, можемъ ѣхать.

— Ѣдемте,—я буду грести.

Черезъ садъ спустились къ рѣкѣ, гдѣ ихъ ждала лодка и работникъ съ веслами.

— Поѣдемъ одни,—сказала Стася.—Бывало, мы сами гребли.

Казя помогъ ей сойти въ лодку, сѣлъ у руля, и они отчалили.

— Вамъ будетъ нелегко: надо грести противъ теченія.

— Всю жизнь плыву противъ теченія. Привыкла.

— Зато возвращаться будетъ легко.

— Какъ всегда, когда цѣль достигнута.

— Теперь вы, кажется, совсѣмъ счастливы?—спросилъ онъ.

— Совершенно, благодаря вамъ. У меня только одна забота: это—вы.

— Я?—удивился Казя.

— Да, вы. Почему вы не женитесь и не хотите успокоить мать?

— Потому что равнодушенъ ко всѣмъ женщинамъ.

— Если ко всѣмъ, стало быть, и ко мнѣ. Это меня успокаиваетъ.

— И не нужно было тревожиться. Вы не виноваты.

— То есть?

— Зачѣмъ вы спрашиваете? Однажды я сказалъ вамъ все и повторять не буду. Я буду молчать.

— Все то же. Когда вы опомнитесь?

— Къ чему, когда мнѣ и такъ хорошо.

— Но какова же моя роль? Право, я должна все разсказать вашей матери.

— Я никому не скажу, а вы—какъ хотите.

— Что же, прикажете, чтобы я вышла за васъ изъ благодарности, изъ гуманности? Право, вы какъ будто этого добиваетесь.

— Не понимаю, что васъ тревожитъ. Я ничего не прошу, не навязываюсь, не ищу встрѣчъ. Я васъ люблю, думаю о васъ,—но это не должно вамъ мѣшать.

— Что же дальше?

— Дальше, когда пройдутъ года, когда я буду сѣдъ, когда кровь остынетъ, я, быть можетъ, опять, какъ въ дѣтствѣ, почувствую къ вамъ дружбу, и ничего болѣе.

— У васъ и такъ на вискахъ какъ будто сѣдина. Сколько вамъ лѣтъ?

— Двадцать семь. Еще столько,—и я вашъ спокойно преданный другъ.

— Какой вздоръ! И что за пріятное будущее вы себѣ избираете!

— Лучшаго не стою, потому что не успѣлъ ни понравиться вамъ, ни возбудить участіе. Вы смѣетесь надо мною, а сами свою жизнь устраиваете не лучше.

— Извините, еслибъ я полюбила, то добилась бы своего.

— Напримѣръ, на моемъ мѣстѣ?

— На вашемъ мѣстѣ я сказала бы: не эта, такъ другая.

— По моему, это не любовь.

— Слушайте, если вы не исполните желанія матери и не женитесь, я выхожу за перваго встрѣчнаго. Это образумитъ васъ.

— Тогда я возненавижу женщинъ всѣхъ, безъ исключенія.

— Это мы увидимъ. Во всякомъ случаѣ, это продолжаться не можетъ.

Онъ молчалъ. Стася взглянула на него. Его лицо было такъ блѣдно и печально, что Стасѣ стало его жаль.

— Дѣлайте, что знаете,—проговорилъ онъ.—Я ни о чемъ не прошу и ни на что не жалуюсь.

Долго плыли они молча. Наконецъ, Стася раздраженно заговорила:

— Подумайте хорошенько, что за жена и за хозяйка вышла бы изъ меня. Я всегда была независима и не терпѣла зависимости. Я терпѣть не могу такъ называемыхъ заботъ домашняго очага, до веденія счетовъ включительно. Я вся принадлежу моей спеціальности. Вести домъ, принимать гостей, дѣлать визиты,—я и вообразить себя не могу въ этой роли. У васъ въ домѣ все шло бы вверхъ дномъ. Я опротивѣла бы вамъ. Знаете ли, еслибъ возможно было жениться на срокъ, на годъ, на полтора, я бы согласилась. Ручаюсь, чрезъ полтора года, самое большое, вы бѣжали бы.

Его лицо просвѣтлѣло.

— За одинъ такой годъ я отдалъ бы полжизни!—воскликнулъ онъ.

— Какъ хотите, я васъ не понимаю!

— А между тѣмъ это понятно: я люблю первый и послѣдній разъ въ жизни. Не я началъ этотъ разговоръ. Я бы молчалъ, какъ молчалъ два года. Никто и не догадывается, что во мнѣ происходитъ. Васъ это забавляетъ,—что-жъ, забавляйтесь!

— Я далеко не забавляюсь. Я заговорила, потому что думала, что вы образумились. И мнѣ искренно жаль вашей матери. Я въ отчаяніи, когда подумаю, что я—причина ея неудовольствія и огорченій, даже тревогъ. Ищу выхода и не нахожу. Ахъ, еслибы теперь была жива тетя Дися!

— Да, еслибы!... Можетъ быть, и мнѣ было бы легче; она съумѣла бы утѣшить меня.

— Ума не приложу, что дѣлать,—повторяла Стася, серьезно опечаленная.

— Что дѣлать? Не тревожиться. Все останется по старому.

— Ваше положеніе проще: вы уперлись въ одну точку и знать ничего не хотите. Кромѣ того, поймите же, что я считаю себя и вамъ, и вашей матери обязанной!

— Объ этомъ и рѣчи быть не можетъ. Еслибы вы даже пожелали отплатить намъ, пожертвовавъ собою, я такой жертвы не принялъ бы ни въ какомъ случаѣ. Стало быть, и это не должно васъ смущать. Но вотъ, мы и пріѣхали. Пойдемте смотрѣть лошадей.

Вышли на берегъ. Стася шла, опираясь на руку Кази, невесело задумавшись.

— Я предпочла бы быть на вашемъ мѣстѣ,—сказала она.— У меня голова идетъ кругомъ.

— Вы на меня сердитесь?

— Нисколько. Я вижу—вы не виноваты. Но мнѣ васъ жаль: вы стоите лучшаго.

Послѣ этой бесѣды она не могла не думать о Казѣ. Ей казалось, что она до сихъ поръ совсѣмъ его не знала. Это былъ новый для нея человѣкъ, глубоко любящій, съ огромной силой воли, съ необыкновеннымъ постоянствомъ. Три дня гостили Озерскія въ Рудѣ, и Казя ни разу не измѣнилъ своей сдержанности, которую онъ оставилъ только на мгновеніе, во время прогулки въ лодкѣ. Казалось, что эта прогулка была сномъ,—такъ былъ онъ сдержанъ и такъ скрывалъ свое чувство. Это былъ внимательный и вѣжливый хозяинъ, и ничего больше. Когда гости уѣзжали, Казя проводилъ ихъ верхомъ версты двѣ. Когда распрощались, Стася оглянулась: онъ провожалъ ихъ глазами, въ которыхъ отражались тѣ же печаль и сердечная боль, которыя были въ нихъ во время ихъ разговора въ лодкѣ. Онъ зналъ, что прощается надолго, хотя Озерская и приглашала его, когда выдастся свободное время. Такого времени, должно быть, не нашлось, потому что прошло лѣто, а онъ не пріѣзжалъ. Нѣсколько разъ Стася была въ Рудѣ у больныхъ, но его тамъ не заставала. Она понимала, что это дѣлается намѣренно, такъ какъ онъ всегда могъ знать о ея пріѣздѣ заранѣе. Она знала, чего это ему стоило, и снова удивлялась его твердости и волѣ.

— Да, это человѣкъ, — говорила она себѣ. — И какъ его жаль! Онъ не передумаетъ, не забудетъ.

— А еслибы передумалъ?—спросила она себя и невольно отвѣтила:—было бы тоже жаль.

Стася разсердилась на себя.

VII.

Въ ноябрѣ, въ ненастный вечеръ, изъ Руды прискакалъ верховой съ письмомъ отъ Кази. Пани Таида захворала воспаленіемъ легкихъ, и тяжело. Вслѣдъ за верховымъ былъ присланъ экипажъ.

Озерская всплеснула руками.

— Она не встанетъ! Боже мой, она не встанетъ: она никогда не хворала!

У Стаси сжалось сердце. Она разспросила посланнаго. Въ Рудѣ всѣ были въ тревогѣ, разослали лошадей во всѣ стороны: за ней, за ксендзомъ, за Владей. Собрались въ одно мгновеніе. Озерская то плакала, то молилась.

Въ Рудѣ первымъ ихъ встрѣтилъ Казя. На вопросы о больной онъ отвѣтилъ голосомъ, полнымъ отчаянія:

— Страшно то, что на видъ не плоха, но она увѣрена, что умретъ. Весь день она дѣлала распоряженія, назначала, что кому послѣ ея смерти отдать.

— Она хотѣла насъ видѣть?

— Васъ, ксендза и Владю.

— Пойдемте,—сказала Стася.

Казя мгновеніе колебался, но потомъ произнесъ:

— Идемъ.

Однако, на порогѣ спальни матери онъ снова остановился и остановилъ Стасю.

— Матери все извѣстно,—сказалъ онъ дрожащимъ шепотомъ.—Простите меня. Она сама потребовала моей исповѣди. Я не могъ ей теперь отказать.

— Вы хорошо сдѣлали. Пойдите, спросите, желаетъ ли она меня видѣть?

Казя отворилъ дверь. Больная не спала и спросила:

— Это ксендзъ пріѣхалъ?

— Озерскія. Стася проситъ позволенія войти.

— Пусть придетъ.

Стася вошла. Больная дружелюбно ей улыбнулась. Она не перемѣнилась и была, какъ всегда; только прерывисто и быстро дышала.

— Вотъ, собираюсь въ далекій путь,—говорила она.—Ты

хочешь меня выслушать? Изволь. Но это для васъ, чтобы не тужили, что не сдѣлали всего, что должны были сдѣлать. А я не встану, дѣти мои. За мной уже приходила Дися.

Стася вздрогнула.

— У васъ небольшой жаръ,—сказала она и стала осматривать больную.

Та терпѣливо подчинялась. Казя тревожно слѣдилъ за всѣми движеніями Стаси.

— Слегка тронуто лѣвое легкое, но опаснаго я рѣшительно не вижу. Отъ этого не умираютъ, и вы напрасно насъ тревожите. Сейчасъ я поставлю вамъ банки и дамъ лекарство.

— Лечи, дитя мое, лечи,—дѣлай свое дѣло. А я свое буду дѣлать: готовиться въ путь. Гдѣ же твоя мать?

— Я здѣсь,—отозвалась Озерская, входя.

— Ну, вотъ, теперь я не останусь одна. Ты, Казя, возьми ключи и распорядись, чѣмъ слѣдуетъ. Онѣ побудутъ со мною, а Владю нужно ждать завтра.

Больная была совершенно спокойна, но не ѣла, не спала и все торопилась говорить, какъ бы боясь, что не успѣетъ всего высказать. Около полуночи она отослала Озерскую и сына, говоря:

— Ступайте спать. У одной слишкомъ мало силъ, а другому предстоятъ и еще безсонныя ночи и безпокойные дни. Со мной останется Стася, пока я не засну. А мнѣ какъ будто хочется заснуть.

Когда остальные вышли, больная обратилась къ Стасѣ:

— Дитя мое, у меня къ тебѣ есть просьба.

— Я все исполню.

— Я говорю о Казѣ. Сегодня я узнала отъ него, что онъ тебя любитъ, а ты его нѣтъ. Я тебя понимаю: не надо измѣнять своему призванію и коверкать свою жизнь. То, что онъ тебя полюбилъ, а ты къ нему равнодушна, не твоя вина,—такая ужъ его судьба. Но мнѣ жаль его. Какъ не похожи другъ на друга братья. Одному живется легко, онъ беретъ отъ жизни то, что пріятно, доступно и легко можно взять. Отъ другого жизнь требуетъ большого напряженія и упорства. Теперь онъ останется, какъ перстъ, одинъ. Общества не любитъ, развлеченій не ищетъ, боюсь, одичаетъ въ одиночествѣ. Прошу тебя, помоги ему, не давай опуститься, заставляй работать, работать разумно. Онъ будетъ молчать,—позволь ему бывать у васъ, чтобы ты могла за нимъ слѣдить.

Стася была тронута.

— Я все сдѣлаю. Я давно думала и рѣшила, что я должна

быть его женою; этимъ я отблагодарю за все добро, которое вы мнѣ сдѣлали.

— Нѣтъ, нѣтъ, этого не нужно! Ни я объ этомъ не прошу, ни онъ не согласится. Будь ему сестрой и другомъ: со мной онъ все теряетъ.

Больная на минуту замолчала, грустно глядя передъ собою, потомъ снова заговорила, но уже тише, точно сама съ собой, какъ будто вслухъ думая.

— Да, всѣ дѣла человѣческія непрочны; все, что онъ строитъ, построено на пескѣ; всѣ его расчеты не оправдываются. Вотъ, жизнь пришла къ концу, и я вижу, что и мое зданіе на пескѣ. Я любила Руду и спасла ее отъ разоренія. Любила дѣтей и воспитала, какъ умѣла. И что же теперь? Руда осиротѣетъ Дѣти? Старшій немного сдѣлаетъ и для себя, и для другихъ. Будетъ добрымъ мужемъ и отцомъ, и только. Младшему Богъ и личнаго счастья не далъ.

— Вы забыли меня. Я тоже ваше созданіе.

— И у тебя будутъ черные дни, и тебя жизнь не разъ обманетъ. Теперь тебя радуютъ и бодрятъ молодость и твое дѣло. Но передъ тобою длинная, невѣдомая жизнь. Кто знаетъ, не ждетъ ли тебя борьба, болѣе тяжелая, чѣмъ та, которую ты вынесла. Кто знаетъ, помогая тебѣ, указала ли я настоящій путь къ счастью. Твой путь—новый, непроторенный, трудный.

— Я буду совѣтоваться съ вами.

— Меня не будетъ. Но я оставлю тебѣ послѣ себя память. Я не мудрецъ, я просто старый человѣкъ, который долго жилъ и многое испыталъ. Казя отдастъ тебѣ мою сѣрую тетрадь, запись пережитаго, горя и радостей. Тамъ ты найдешь иной разъ хорошій совѣтъ, можетъ быть, утѣшеніе въ трудную минуту, можетъ быть, предостереженіе. Тогда вспомни меня и помолись за меня. А когда будешь выходить замужъ, возврати ее Казѣ.

— Я или не выйду замужъ, или выйду за вашего сына,— прошептала Стася.

— Пойдешь за того, кого полюбишь. Любовь не самообманъ, не рабство,—безъ любви жизнь пустыня. Тутъ я за тебя покойна: ты полюбишь и полюбишь хорошо.

Стася молчала, не противорѣча. За дверью послышался шорохъ, вошелъ Казя и шепотомъ спросилъ, спитъ ли мать.

— Не сплю и разговариваю со Стасей. Теперь мнѣ лучше и покойнѣй: я все сказала и всѣмъ распорядилась.

Казя молча сѣлъ у кровати противъ Стаси. Пани Таида положила руку на его голову.

— Не надо огорчаться, милый сынъ мой. Все земное должно кончиться, а я пожила довольно. Надо благодарить Бога за то, что я не хворала, не стала калѣкой, не была ни для кого бременемъ. За все благодареніе Богу.

— Мама, зачѣмъ вы меня терзаете!—простоналъ Казя.

— Чтобы приготовить тебя къ неизбѣжному. Помни то, что я завѣщаю тебѣ: жить не для одного себя, а всегда для кого-нибудь и для чего-нибудь. И Богъ, и я благословляемъ тебя на это. Стася тоже не оставитъ тебя. Она будетъ сестрой и другомъ,—замѣнитъ тебѣ меня. Постарайся же быть покойнымъ, мой бѣдный сынъ.

Никогда еще мать не говорила съ нимъ такъ нѣжно и съ такой любовью, и это разрывало ему сердце. Онъ схватился за голову, и слезы полились неудержимо. Стасю душили слезы. Она встала и отошла къ окну.

Больная, наконецъ, уснула. Ночникъ едва освѣщалъ одинъ уголъ комнаты. Измученный Казя сѣлъ на диванъ, откинулъ голову на спинку и сидѣлъ, не двигаясь. Стася подошла къ нему. Снова чувствовали они себя близкими, соединенными общимъ горемъ. Но теперь глубокое, до сихъ поръ никогда ею не испытанное участіе къ молодому человѣку наполняло ея душу. Она молча взяла его руку, и такъ, рука въ руку, они сидѣли и бодрствовали.

Утромъ пани Таида спросила, который часъ, и попросила Озерскую читать ей изъ посланій ап. Павла. Она слушала съ закрытыми глазами.

Въ полдень пріѣхалъ ксендзъ, исповѣдалъ и причастилъ больную. Потомъ она говорила о своихъ похоронахъ, и съ такимъ спокойствіемъ, какъ будто рѣчь шла о комъ-нибудь постороннемъ. Когда уѣхалъ ксендзъ, она опять говорила съ Казей. Вечеромъ пріѣхалъ Владя съ женой. Она имъ обрадовалась, разговаривала, а въ полночь сказала:

— Я усну, но вы оставайтесь тутъ.

Владя подошелъ къ Стасѣ и шепотомъ сказалъ:

— Вы изслѣдовали? По виду опасности нѣтъ.

— На нашъ взглядъ нѣтъ. Но она словно видитъ и знаетъ что-то, чего не знаемъ и не видимъ мы. Ея увѣренность въ смерти заставляетъ меня опасаться всего худшаго.

У Влади полились слезы.

Прошло томительныхъ два часа. Стася, не сводившая глазъ со спящей, вдругъ вздрогнула и схватила Казю за плечо. Больная открыла глаза, подняла руку, лицо ея судорожно пе-

редернулось. Владя бросился къ ней и упалъ у ея кровати. Матери не стало.

— Параличъ сердца,—сказала себѣ Стася.

Озерская зажгла восковую свѣчу. Ирена была въ обморокѣ. Владя громко рыдалъ. Казя молчалъ: ему казалось, что онъ замеръ отъ ужаса, что онъ падаетъ въ пропасть, что онъ самъ умираетъ.

Стася привела въ чувство Ирену и вывела ее изъ комнаты. Вернувшись, она подошла къ Казѣ, который стоялъ на колѣняхъ, и сказала:

— Бѣдный ты мой! Еслибы ты могъ плакать, тебѣ было бы легче.

Несмотря на всю тяжесть горя, онъ услышалъ ея голосъ, различилъ въ немъ участіе и теплую ласку, понялъ сказанныя слова и поднялъ на нее взглядъ, исполненный безконечной благодарности. Она опустилась на колѣни рядомъ съ нимъ и вполголоса начала повторять молитву, которую читала надъ усопшей ея мать. Тогда, наконецъ, заплакалъ и Казя...

VIII.

Снова была осень и ненастный ноябрьскій вечеръ, темный, вѣтреный, то съ дождемъ, то со снѣгомъ. Было жутко, уныло и тяжело на душѣ. Въ маленькой гостиной Озерскихъ сидѣла Стася, одна и безъ дѣла. У нея на колѣняхъ лежала книга, а она задумчиво смотрѣла на огонь камина.

Пани Таида умерла два года тому назадъ. Со смерти Озерской прошелъ годъ. Стасю знали далеко вокругъ, ея недоброжелатели и завистники умолкли, ее любили и уважали. Сегодня, въ ненастный ноябрьскій вечеръ, ее никуда не позвали, и она могла въ своемъ одиночествѣ вволю думать,—думать и молчать. А въ будущемъ сколько еще такихъ вечеровъ! Стася взялась за книгу, которая оказалась какими-то стихами на нѣмецкомъ языкѣ. Стихи, да еще нѣмецкіе! Стася закрыла книгу. И откуда она у нея взялась? Кажется, ее оставилъ у нея Казя въ одно изъ своихъ посѣщеній. А онъ, должно быть, купилъ на желѣзной дорогѣ. Стася снова стала смотрѣть на огонь, и вся ушла въ воспоминанія о прошломъ.

Въ прихожей раздался сильный звонокъ. Стася вздрогнула. Кто бы это и откуда? Конечно, къ больному. Сейчасъ придетъ горничная и скажетъ. Но вмѣсто горничной вошелъ гость, Казя. Не вставая, она подала ему руку и спросила:

— Вы изъ дома?

— Нѣтъ, отъ предводителя. Я привезъ вамъ проценты. Слѣдовало еще вчера, но я опоздалъ.

— Да и теперь не рано. Давно вы изъ Руды?

— Дней десять.

— Похвально! И всѣ эти десять дней вы играли въ карты?

Онъ не отвѣчалъ, вынимая деньги. Съ нѣкоторыхъ поръ онъ игралъ часто и въ большую игру. Стася объ этомъ знала и не разъ говорила съ нимъ.

— Смотрите, это къ хорошему не приведетъ!

Онъ подалъ ей деньги, пожимая плечами.

— Да, я играю. Но что же мнѣ дѣлать? Пить я не могу, волочиться не хочу,—ну, и играю. За игрой я по крайней мѣрѣ ни о чемъ не думаю и не сижу дома. А быть въ пустомъ домѣ мнѣ не въ моготу.

— А какъ же я? Видите, дома—и одна.

— Удивляюсь и завидую, но подражать не могу.

Онъ замолчалъ и задумался. Онъ очень похудѣлъ, лицо вытянулось, на вискахъ прибавилось сѣдины, глаза смотрѣли невесело. Послѣ продолжительной паузы онъ заговорилъ:

— Хочу посовѣтоваться съ вами. Думаю продать Руду.

— Зачѣмъ?

— Не управляюсь съ хозяйствомъ. Имѣніе не маленькое, дѣла много, а я одинъ. Недосмотръ, упущенія и потери. Я занялся общественными дѣлами, а для Руды у меня почти не остается времени. Одно изъ двухъ: либо дѣла, либо Руда.

— По моему, и дѣла, и Руда. Какъ же продать то, что создано вашей матерью? Вотъ, она справлялась же.

— Мать иное дѣло. Сначала у нея была тетя Дися, потомъ я.

— Дисю могла бы замѣнить вамъ и я.

— Нѣтъ, вы совсѣмъ не то. Отъ васъ я не вижу ласки, все только выговоры, да нравоученія.

— Другого вы не заслуживаете. За эти два года вы не примирились съ судьбой и не научились довольствоваться самимъ собой.

— Съ судьбой своей я никогда не примирюсь.

Стася встала, поправила огонь въ каминѣ, велѣла дать чаю и спросила, не голоденъ ли онъ.

— Нѣтъ, но озябъ, усталъ, и голова немного болитъ. Чаю выпью съ удовольствіемъ.

Стася взглянула на него и дотронулась до его лба.

— Вы еще, пожалуй, расхвораетесь. Мнѣ и такъ довольно съ вами хлопотъ.

Онъ усмѣхнулся.

— Не расхвораюсь, ни за что не расхвораюсь. Не хочу. Моя старая Анна уморила бы меня своей глухотой и глупостью. Вы не можете себѣ представить, на что теперь похожъ мой домъ. Я смотрю на вашу обстановку и завидую: такъ у васъ чисто, въ порядкѣ, хорошо.

Подали чай, огонь въ каминѣ разгорѣлся. Казя протянулъ руку къ книгѣ, которую читала Стася, и взглянулъ на заглавіе.

— Вотъ какъ, стихи! Поэзіей занимаетесь?

Стася усмѣхнулась.

— И на старуху бываетъ проруха.

Казя перелистывалъ и кое-что прочитывалъ.

— Неужели это вамъ нравится?

— Отчасти. Узнаю кое-что новое. Ваша мать была права.

— Въ чемъ?

— Она говорила, что я еще не знаю себя всю, что я еще не у цѣли жизни. Это такъ.

— Ужъ не хотите ли вы отсюда уѣхать?—встревоженно спросилъ Казя.

— И не думаю.

Она усмѣхнулась и вмѣстѣ съ тѣмъ вздохнула.

— Выходите замужъ?

— Это можетъ случиться. Еще не рѣшено, но я объ этомъ подумываю. А это дурной признакъ.

— Почему дурной? Вы будете счастливы.

— Вы думаете? А я другого мнѣнія. Прежде всего измѣна своему дѣлу, дезертирство—гадкая вещь.

— Зачѣмъ же оставлять ваше дѣло?

— Оно само собой отойдетъ на второе мѣсто. Затѣмъ, я сомнѣваюсь, чтобы изъ меня вышла хорошая женщина домашняго очага. Я уже настолько немолода, что перевоспитывать себя трудно.

Казя всталъ и прошелся по комнатѣ. Потомъ онъ остановился передъ ней и спросилъ:

— Съ вами что-то случилось?

— Случилось то, чего я не ждала. Я полюбила, какъ всякая другая дѣвушка.

Онъ смотрѣлъ на нее, сдерживая дыханіе.

— Кто же этотъ счастливецъ, котораго вы тутъ нашли? Должно быть, съ большими достоинствами человѣкъ.

— О достоинствахъ я не думала, а просто полюбила. Онъ приходилъ,—я радовалась; уходилъ,—мнѣ становилось грустно. Это и есть любовь? Какъ по вашему?

Кровь бросилась ему въ голову. Онъ взялъ шляпу и сказалъ:

— Прощайте.

— Куда же вы? Я ваши признанія выслушивала терпѣливѣй.

— Такихъ признаній я вамъ никогда не дѣлалъ. Я не позволилъ бы себѣ терзать другого такъ безсердечно.

— Я? Терзаю васъ?

— А вы думаете, что доставляете мнѣ блаженство?

— Блаженство, не блаженство, а немного удовольствія, пожалуй, и доставляю.

— Удовольствіе? Мнѣ?

— А то кому же? Не даромъ вы вотъ ужъ нѣсколько лѣтъ объясняетесь мнѣ въ любви.

— Но, вѣдь, я люблю васъ.

— А я—васъ.

— Стася!

Онъ устремился къ ней, задѣлъ за столъ и весь чайный приборъ полетѣлъ на полъ. Стася уклонилась. Онъ остановился съ виноватымъ, но сіяющимъ лицомъ. На звонъ разбитой посуды прибѣжала дѣвушка и ахнула.

— Господи. Все въ дребезги!

Когда они снова остались одни, Казя сжалъ ея руки и хотѣлъ поцѣловать ихъ. Она не допустила этого.

— Не цѣлуй, не за что. Сядь, успокойся и потолкуемъ. Я тебя полюбила, но не очертя голову, какъ это, говорятъ, бываетъ. Я выхожу за тебя, но о подробностяхъ надо поговорить. Дѣло не шуточное.

— О чемъ еще говорить! Приказывай, я буду подчиняться. Я такъ счастливъ, что готовъ жизнь тебѣ отдать.

— Вотъ мы и начинаемъ спорить. Ты говоришь пустяки! Не нужно ни угождать, ни служить мнѣ, а нужно меня учить. Я отнынѣ твоя помощница, но, пока, неумѣлая. Я не для гостиной, я работница; но немало нужно времени, чтобъ я взяла въ толкъ мое новое дѣло. Я и подумать боюсь, какъ мало я знаю, сколько тебѣ будетъ со мною хлопотъ. Всегда говорила я тебѣ, что ты дѣлаешь дурной выборъ. Но... дѣло сдѣлано.

— Черезъ какой-нибудь годъ, ты меня будешь учить. Я знаю тебя.

— Безъ комплиментовъ, я этого не люблю. Слушай же дальше. Я беру на себя половину твоихъ заботъ, но не требуй отъ меня трехъ вещей: модныхъ платьевъ, потому что они не гигіеничны, знакомствъ съ глупыми людьми и свѣтскихъ развлеченій. Три другія вещи я оставляю за собой: лѣченіе, на-

сколько позволитъ время, лѣчебница въ Рудѣ и выборъ знакомствъ.

— На все согласенъ. А что до знакомствъ, то едва ли будетъ время о нихъ думать.

— Время должно быть на все. Твой домъ долженъ быть общественнымъ центромъ. Я не дамъ тебѣ дремать!

— Когда же наша свадьба?

— Когда хочешь. Можетъ быть, весной?

— Что ты? Еще раздумаешь?

— Лучше раньше раздумать, чѣмъ позже. Но, увы, я не раздумаю... Ну, скажите, ради Бога, кто бы могъ предвидѣть, что я кончу, какъ всѣ,—прялкой!?

— Чѣмъ же страшенъ этотъ инструментъ?! Я только по названію буду главою дома, а на самомъ дѣлѣ я у тебя въ плѣну. И я доволенъ этимъ. Стася, а вѣдь мы будемъ счастливы?

Онъ протянулъ ей руки, она погладила его волосы и улыбнулась.

— Увидимъ. Это будетъ опытъ: можетъ ли синій чулокъ быть доброй женой? Не думаю, чтобы твой примѣръ нашелъ много подражателей: мужчины не любятъ женщинъ этого сорта. Воображаю, какіе глаза сдѣлаетъ Владя, когда узнаетъ.

— Владя—пустяки. А я думаю, что мать, если можетъ радоваться тамъ, порадуется за насъ.

— Завтра же помолимся за нее. Если ты теперь счастливъ, благодари ее. Ея жизнь, ея примѣръ, ея сѣрая тетрадь убѣдили меня, что роль жены, матери, хозяйки не мѣшаетъ наукѣ, что эти обязанности не унижаютъ въ женщинѣ человѣка, что это не есть рабство.

Она улыбнулась открытой, чистой, честной улыбкой, наклонилась и поцѣловала его глаза.

— Любовь все возвышаетъ,—добавила она.

Онъ хотѣлъ ее обнять, но она отвела его руки и шутливо сказала.

— Лучше раздуй огонь въ каминѣ. Ты теперь и въ хладномъ пеплѣ можешь вызвать пламень. А я прочту тебѣ одно мѣсто изъ сѣрой тетради, которое беру себѣ въ руководство.

Она развернула заложенную страницу и стала читать:

„Опять письмо отъ Озерской съ тревогою за дочь. Волна освобожденія давно охватила міръ. Освобожденіе негровъ, освобожденіе крѣпостныхъ, теперь на очереди свобода женщины. Въ часъ добрый, освободите и ее, пусть и она будетъ свободна въ избраніи своихъ путей. Но очень ошибаются тѣ, кто ду-

маетъ, что законы измѣняютъ жизнь. Только самъ человѣкъ можетъ сдѣлать себя свободнымъ, и только такая свобода будетъ настоящая. Писанія, разсужденія, проповѣди ничего не сдѣлаютъ, — нужна внутренняя работа. Женщины бросаютъ домъ и дѣтей, потому что это будто бы ничтожно и мелко, оскорбляетъ и унижаетъ ихъ. Но умѣютъ ли, могутъ ли онѣ исполнить, какъ слѣдуетъ, эти такъ называемыя мелочи? Нѣтъ ничтожныхъ дѣлъ, есть плохіе дѣлатели. Еслибы женщины догадались, какъ плохо исполняютъ онѣ свои обязанности, еслибы поняли, что эти обязанности не мелки и ничтожны, а велики и святы,—уже этимъ онѣ стали бы свободны. А чему учатъ матери дочерей? Знаютъ ли дѣвушки, какія обязанности ихъ ждутъ, подготовлены ли онѣ къ нимъ? Нисколько. А на женщинѣ весь домъ, прислуга, дѣти, мужъ. Домъ не дѣло мужа, у него свои обязанности. Женщина, жена и хозяйка, должна много учиться. Она должна знать педагогику и гигіену, математику и химію. Она и судья въ своемъ маленькомъ мірѣ, она исповѣдуетъ маленькія сердца, она немного и дипломатъ, въ сношеніяхъ съ мужемъ и свѣтомъ. Вотъ, сколько обязанностей, которыя при лучшемъ желаніи не всегда можно выполнить, какъ слѣдуетъ. Но главное въ женщинѣ, это вложенная въ ея сердце любовь, которая—великая сила. Женщина любитъ и должна учить любить: любить Бога и людей, небо и землю, обязанности и испытанія, — любить по заповѣди Христовой. Вотъ назначеніе женщины, — въ этомъ и ея свобода".

Стася закрыла тетрадь и черезъ столъ протянула Казѣ руки.

Вотъ, такъ и я хочу жить съ тобой,—сказала она.

— Дай же намъ Богъ счастья,—серьезно сказалъ онъ.

Конецъ.